

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

26 2024
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 26 (525) / 2024

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Нажиба Хаерзамановна Максютлова* (1932–2004), выдающийся башкирский языковед, специалист в области башкирской и тюркской диалектологии, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Башкирской АССР.

Нажиба Хаерзамановна родилась 27 ноября 1932 года в деревне Сулейманово Мечетлинского района Башкирской АССР. После окончания сельской школы она поступила в Башкирский государственный педагогический институт имени К. А. Тимирязева, который окончила в 1951 году. До 1957 года она преподавала башкирский язык и литературу в школах республики.

В 1957 году Нажиба Хаерзамановна начала работать младшим научным сотрудником сектора языка Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. В 1964 году успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Говор айских башкир».

В 60–70-х годах XX века Нажиба Хаерзамановна организовала ряд диалектологических экспедиций, результаты которых затем были обработаны и использованы при составлении «Словаря башкирских говоров», хрестоматии «Образцы башкирской разговорной речи» и «Диалектологического атласа башкирского языка».

В 1980 году Нажиба Хаерзамановна защитила уже докторскую диссертацию на тему «Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка (сравнительное исследование)». В 1981 году она стала доктором филологических наук и признанным в стране специалистом в области башкирской и тюркской диалектологии и лингвогеографии, а также первой башкирской женщиной — доктором наук.

Нажиба Максютлова за период своей научной деятельности смогла разработать одиннадцать научных направлений:

- 1) проблемы монографического описания башкирских диалектов и говоров;
- 2) проблемы описания теоретической грамматики башкирского языка;
- 3) проблемы лингвогеографии и ареальной лингвистики;

- 4) история башкирской лингвистической науки;
- 5) диалектная лексикография;
- 6) традиционная и отраслевая лексикология башкирского языка;
- 7) языковые контакты и историческая лексика;
- 8) проблемы тюркской и башкирской ономастики;
- 9) вопросы функционирования башкирского литературного языка и лингвопоэтики;
- 10) вопросы текстологии;
- 11) социолингвистика.

Нажиба Максютлова — автор свыше 400 научных трудов по систематическому описанию говоров и диалектов башкирского языка, составитель и ответственный редактор четырех диалектологических словарей, диалектологического атласа башкирского языка, соавтор диалектологического атласа Европы.

В 1983 году Нажибе Максютовой было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Башкирской АССР». За многолетнюю плодотворную работу по развитию башкирского языкознания и активное участие в общественной жизни республики в 2000 году она была награждена почетной грамотой Республики Башкортостан.

Нажиба Хаерзамановна Максютлова в течение десяти лет, с 1990 по 2000 год, возглавляла Общество башкирских женщин Республики Башкортостан, часто выступала в печати по самым актуальным вопросам родного языка, культуры и истории. В 1995 году она была избрана делегатом I Всемирного курултая башкир и совместно с министром образования Ф. Г. Хисамитдиновой возглавляла работу одной из секций съезда.

Скончалась Нажиба Хаерзамановна после тяжелой болезни в октябре 2004 года и была похоронена в Уфе.

Имя ученого и общественного деятеля не забыто. В 2005 году на здании школы, которую когда-то окончила Нажиба Максютлова, была установлена мемориальная доска.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Киракозова А. С.**
Обстоятельства, подлежащие установлению, в расследовании мошенничества при получении выплат 231
- Ковалева В. В.**
Криминалистический профайлинг как способ обеспечения безопасности в сфере авиации 233
- Колдаева К. Н.**
Формы взаимодействия следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, при расследовании преступлений 236
- Комбарович М. С.**
Проблемы защиты прокурором прав и законных интересов заявителя в уголовном процессе... 239
- Кондрашова А. А.**
Преобразование муниципальных образований 243
- Кононенко М. Ю.**
Характеристика личности преступника, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств с использованием информационно-коммуникационных технологий..... 246
- Королева К. С.**
Неосновательное обогащение: теория и практика применения 248
- Королева К. С.**
Неосновательное обогащение в гражданском праве России 250
- Кочура Н. Н.**
Допрос как следственное действие: цель проведения и основные участники 252
- Кравцова В. Е.**
Конституционное право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением 254
- Ларина О. Н.**
Защита прав владельцев эмиссионных ценных бумаг: актуальные проблемы 258
- Леушкин Д. Е.**
Проблемы правового регулирования содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений 261
- Лисов И. Л.**
Преступления в отношении личности, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы правового регулирования 263
- Лукашевич Н. С.**
Особенности использования наименований музейных предметов и названий музеев..... 265
- Магармова Л. Э.**
Законодательное регулирование охраны труда в сфере строительства. Обзор мировых тенденций..... 267
- Мамонько С. М.**
Правовое регулирование общего образования и профессионального обучения осужденных к лишению свободы..... 271
- Мордвинов Ю. А.**
Преступления на почве экстремизма против общественной безопасности и нравственности..... 272
- Низамов А. А.**
Разграничение полномочий между органами местного самоуправления муниципальных районов и сельских поселений (на примере муниципального района Буздякский район Республики Башкортостан) 275
- Очирова С. Н.**
Особенности порядка возмещения судебных расходов, понесенных ответчиками в обособленных спорах при банкротстве..... 278
- Плескачева П. В.**
Административная ответственность за нарушение требований в области транспортной безопасности 280
- Подкаура А. Н.**
Направление уголовного дела на дополнительное расследование как путь к предупреждению судебных ошибок 282

Полозова А. Д. Общественный контроль в системе местного самоуправления.....	284	Рушкина А. А. Актуальные проблемы регулирования отношений по договору строительного подряда	294
Посельский М. М. Правовое регулирование исполнения наказания в виде штрафа	286	Скрябина В. В. Проблемы правовой природы и правоприменения штрафной неустойки	298
Прокопьев М. В. Соотношение полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания	288	Соколова Д. А. Зарождение института участия общественности в уголовном судопроизводстве зарубежных стран	301
Пятерова О. В. Подходы к пониманию компетенции IT-юриста в эпоху цифровизации.....	290	Соколова Д. А. Предмет и содержание коллективных трудовых споров	302
Ромашов Р. Ю. Профилактический визит как альтернатива плановым контрольным (надзорным) мероприятиям в условиях реформы контрольной (надзорной) деятельности.....	292		

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Обстоятельства, подлежащие установлению, в расследовании мошенничества при получении выплат

Киракозова Алина Сергеевна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В рамках данной статьи автором были рассмотрены существующие особенности в расследовании мошенничества при получении выплат. Данная тема является наиболее актуальной в настоящее время, в силу быстрых темпов внедрения современных технологий в жизнь. Поскольку данные изменения помимо позитивных аспектов, несут и негативные, порождающие появление новых видов преступных посягательств на интересы общества и государства.

Ключевые слова: мошенничество, современные технологии, получение выплат, цифровизация, расследование.

Features of fraud investigation when receiving payments

Within the framework of this article, the author examined the existing features in the investigation of fraud in receiving payments. This topic is the most relevant at the moment, due to the rapid pace of the introduction of modern technologies into life. Since these changes, in addition to positive aspects, also carry negative ones, giving rise to new types of criminal encroachments on the interests of society and the state.

Keywords: fraud, modern technologies, receiving payments, digitalization, investigation.

Актуальность темы обусловлена таким важным фактором, как эффективность расследования, которая напрямую зависит от качества методики расследования отдельных видов преступных посягательств. Исходя из этого, очевидно, что при таких бурных темпах развития общества, появляются новые составы преступления, на которые должны быть продуманы новые методики для их расследования, с учетом особенностей каждого нового состава преступного деяния.

Несмотря на то, что правонарушения при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ) как самостоятельная уголовная категория, была введена лишь Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и законодательные акты Российской Федерации», сама форма мошенничества остается одной из наиболее происходящих способов хищения.

Анализ правоприменительной практики по уголовным делам о мошенничестве при получении выплат выявляет свою условность. В более чем 80% случаев совершения этих преступлений преступники также совершали и другие смежные общественно-опасные деяния, а именно хищение (ст. 158–160 УК РФ и др.), взяточни-

чество и иные коррупционные деяния (ст. 285, 291–291.2 УК РФ и др.), а также сопутствующие преступления: приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград, подделка официального документа, использование заведомо подложного документа [1].

В свою очередь в криминалистической литературе традиционно применяются три типа мошенничества, связанные с получением выплат:

1. Бытовое мошенничество при получении выплат.
2. Организованное мошенничество при получении выплат.
3. Организованно-коррупционные мошенничество при получении выплат.

В рамках этого анализа можно определить стратегические цели расследования мошенничества:

1. Выявление, раскрытие и расследование организованной преступной деятельности в сфере выплат, так как она наносит наибольший ущерб. В отличие от «бытового» мошенничества, которое часто носит единичный характер и не распространяется широко на территории государства.
2. Изобличение организаторов и активных участников преступных группировок, занимающихся организованно-коррупционным мошенничеством.

3. Определение коррупционных связей и посредников, участвующих в мошенничествах с Выплатами.

4. Активная криминалистическая профилактика мошенничества на региональном, отдаленном и федеральном уровне. Это включает в себя выявление и устранение причин и условий, допущение совершения таких преступлений (особенно организованных и организовано-коррупцированных), правовое просвещение участников уголовного судопроизводства и широких слоев населения.

Эти меры направлены на повышение эффективности борьбы с мошенничеством и предупреждение мошенничества, а также на снижение общего уровня преступности в данной сфере [2].

Одной из важных особенностей расследования мошенничества при получении выплат, является желание преступника замаскировать преступное деяние под более мелкое правонарушение, путем фальсификации документов, подтверждающих право на получение выплат, что, в свою очередь, и порождает трудности в выявлении данных видов преступлений. Именно поэтому частная методика расследования названных преступлений должна включать в себя не только деятельность следователя на первоначальном этапе расследования, но и действия, которые предшествуют предварительному расследованию, в результате совершения которых правоохранительные органы получают ценную информацию, не являющуюся, однако, доказательственной [3]. В связи с этим, необходимо определение существующих разновидностей мошенничества при получении выплат на основе принципов криминалистической классификации, а также исследование обстоятельств, необходимых к установлению по данной правовой норме [4].

Следующим проблемным аспектом будет являться отграничение данного преступления от иных действий. Для этого нужно знать основания и порядок осуществления конкретных выплат, причем их законность определяется совсем незначительными нюансами, что, в свою очередь, порождает необходимость обладания специальными познаниями в данной области.

Таким образом можно сказать, что, зная разновидность мошенничества при получении выплат, следователь может составить алгоритм действий, который обеспечит успех всего предварительного расследования, состоящий в установлении всех обстоятельств совершённого преступления. В этом и состоит практическое значение криминалистической классификации при расследовании мошенничества при получении выплат [5].

Далее если говорить о методах обнаружения мошеннических действий, то традиционные системы морально устарели на сегодняшний день, что вызвано тем фактом, что

они работают по заранее определенным алгоритмам, анализируя транзакции по шаблонам [6]. В связи с чем интересным является рассмотрение возможностей искусственного интеллекта, который является наиболее актуальным инструментом в расследовании экономических преступлений. Так в настоящее время актуальной является концепция импульсных нейронных систем, поскольку они в точности копируют работу головного мозга человека, что делает их энергоэффективными, поскольку работают только когда происходит колебания мембранного потенциала, генерирующимся спайком. Эти системы могут собирать огромные массивы информации и анализировать их в дальнейшем. Автоматизация процесса анализа данных позволит более точно и оперативно выявлять потенциальные угрозы. Ниже перечислены направления, где могут эффективно применяться спайковые нейронные связи:

1. Обнаружение аномального поведения;
2. Обнаружение вторжений и утечек данных;
3. Обучение для защиты от новых и ранее неизвестных угроз.

Рассматривая аспект применения сквозных технологий следует сказать, что они представляют собой совокупность методов, которые пронизывают всю систему или некоторый процесс, обеспечивая единую защиту и управление безопасностью на всех уровнях, можно их использовать в следующих аспектах:

1. Данные о безопасности и аномалиях могут собираться и анализироваться на всех уровнях системы, что позволяет оперативно выявлять потенциальные угрозы и предпринимать меры по их предотвращению.

2. Управление системой, при реагировании на негативные события, эта технология включает в себя систематический мониторинг и управление уязвимостями в системе, начиная от прикладного программного обеспечения и заканчивая операционной системой и сетевой инфраструктурой.

Однако не смотря на все положительные стороны, у данных систем есть один существенный недостаток, который заключается в их обучении, поскольку нет единых алгоритмов [7,8].

Таким образом подводя итог вышесказанному, можно сказать, что использование современных технико-криминалистических средств дает возможность осуществлять обнаружение, закрепление, сохранность «цифровых» следов без их возможного уничтожения и (или) изменения. Закономерной тенденцией последних лет является унификация имеющегося функционала у средств работы с цифровыми следами, которая проявляется в том, что разработчики указанных средств совмещают в них возможности исследования различного рода объектов [9].

Литература:

1. Чумаков А. В. Основные цели и направления расследования мошенничества при получении выплат // Юридическая наука. 2018. № 1. С. 109–114.
2. Ульянов В. А. Расследование мошенничества при получении выплат // Молодой ученый. 2024. № 19 (518). С. 229–231.

3. Занькин Д. В. Отдельные проблемы расследования мошенничества при получении выплат. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Отдельные-проблемы-расследования-мошенничества-при-получении-выплат>.
4. Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию, по делам о мошенничестве при получении выплат / А. И. Данилов, Ю. В. Воловик, С. А. Хорьков [и др.]. // Молодой ученый. 2019. № 27 (265). С. 184–185.
5. Занкин Д. В. Использование информации о способе совершения преступления при расследовании мошенничества при получении выплат // Мир науки и образования. 2016. № 3(7). С. 1–11.
6. Machine Learning in Finance: Leveraging the Technology for Financial Fraud Detection. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://appinventiv.com/blog/role-of-machine-learning-in-financial-fraud-detection/>.
7. Импульсная нейронная сеть. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://sv-barrisol.ru/stati/11750-impulsnaya-neyronnaya-set.html>.
8. Евграфов В. А., Ильюшин Е. А. Спайковые нейронные сети [Электронный ресурс] // Cyberleninka.— Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spaykovye-neyronnye-seti>.
9. Пацкевич А. П., Белов Д. Н. Использование информационных технологий на первоначальном этапе расследования мошенничества. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/300344/1/208-214.pdf>.

Криминалистический профайлинг как способ обеспечения безопасности в сфере авиации

Ковалева Валерия Васильевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Стронский Данил Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной статье рассматривается вопрос обеспечения безопасности на борту воздушных судов и особенности эффективного расследования преступлений, связанных с авиацией. Отмечается, что использование криминалистических методов имеет важное значение для выявления лица, совершившего преступление. Особое внимание уделяется криминалистическому профайлингу, основанному на анализе поведенческих, психологических и других личностных характеристик преступника. Этот подход позволяет разработать эффективную модель досудебного расследования уголовных преступлений. В статье описывается структура криминального профилирования, которая включает три уровня анализа: оперативный, тактический и стратегический. Применение криминалистического профайлинга, особенно через оперативный и стратегический анализ, может быть эффективным методом предотвращения уголовных преступлений и угроз в воздушном пространстве.

Ключевые слова: криминалистический профайлинг, тактический анализ, стратегический анализ, психологический профиль правонарушителя, безопасность на борту воздушного судна.

Forensic profiling as a way to ensure safety in the field of aviation

Kovaleva Valeriia Vasilyevna, student master's degree
Scientific advisor: Stronsky Danil Dmitriyevich, candidate of law sciences, associate professor
Kuban State University (Krasnodar)

This article discusses the issue of ensuring safety on board aircraft and the specifics of effective investigation of aviation-related crimes. It is noted that the use of forensic methods is important to identify the person who committed the crime. Special attention is paid to forensic profiling based on the analysis of behavioral, psychological and other personal characteristics of the criminal. This approach makes it possible to develop an effective model of pre-trial investigation of criminal offenses. The article describes the structure of criminal profiling, which includes three levels of analysis: operational, tactical and strategic. The use of forensic profiling, especially through operational and strategic analysis, can be an effective method of preventing criminal offenses and threats in the airspace.

Keywords: forensic profiling, tactical analysis, strategic analysis, psychological profile of the offender, safety on board the aircraft.

Терроризм является одной из острых угроз для национальной безопасности России. Он приводит к дестабилизации общественной жизни и подрывает основные права и свободы граждан. Исследования в данной об-

ласти имеют важное значение. В апреле 2024 года произошло страшное событие, которое потрясло всю страну. Вечером 22 марта несколько человек проникли в концертный зал и открыли стрельбу по посетителям. По данным ГУ МЧС России, в результате теракта более 145 человек погибло, а количество пострадавших достигло 551 человека. Трагедия стала событием по-настоящему волнующую всю страну и взбудоражившим общество. Особенно обострились вопросы правового регулирования миграционной политики, эффективности антитеррористической политики и криминалистического профилирования преступников. При этом стоит отметить, что большинство идей политиков было связано с предупреждением террористических актов на земле, однако они мало применимы к поддержанию безопасности в воздухе.

Первым успешным захватом гражданского судна является теракт 15 октября 1970 года. Самолет следовал маршруту Сухуми-Батуми-Краснодар, на борту оказалось 46 пассажиров и 5 членов экипажа. В результате угона погибла совсем юная бортпроводница — Надежда Курченко, ей было 19 лет. Террористы были задержаны на территории Турции. В условиях, когда некуда бежать и негде спрятаться, а каждый на борту становится заложником, можно только догадываться, что пережили пассажиры и члены экипажа. Именно после этого события были предприняты первые шаги к обеспечению безопасности на воздушном судне, были установлены пункты досмотра в аэропортах, а также основано подразделение воздушной полиции.

Безопасность на воздушном транспорте является одной из наиболее важных приоритетных областей, которая требует постоянной поддержки и защиты. Преступления, связанные с нарушением безопасности на воздушном транспорте, могут привести к тяжелым последствиям и быть опасными для жизни. В таких ситуациях эффективное расследование и выявление преступников имеет первостепенное значение.

Большинство средств, форм и методов, используемых при раскрытии и расследовании преступлений, являются традиционными по своему содержанию, однако в борьбе с современной преступностью необходимы соответствующие превентивные меры. В конце концов, только с помощью тактических средств мы можем разоблачить преступные действия отдельных лиц, которые могут быть легко заменены другими субъектами криминальной среды. Эффективные меры противодействия современной преступности требуют глубоко продуманного и упорного изучения преступного сообщества в целом, а также моделирования вариативности их противодействия.

Криминалистический профайлинг представляет собой важный инструмент уголовного расследования, широко применяемый в зарубежных странах. Этот метод анализа поведения и психологических характеристик преступников позволяет создавать детальные профили для вы-

явления их мотивов и целей подозреваемых. Целью криминалистического профайлинга является предоставление ценной информации для расследования, позволяющей сузить круг подозреваемых, определить возможные места преступления и даже предсказать будущие действия преступников. Использование криминалистического профилирования может иметь большое значение при расследовании преступлений, которые направлены на нарушение безопасности на борту воздушного судна.

На основе научных работ М. Р. Арпеньгевой, Ю. М. Волынского-Басманова, Н. Д. Эриашвили, А. А. Козулевой, О. И. Диденко и других можно сделать вывод о том, что в настоящее время отсутствует единый метод составления психологического и криминалистического профиля.

Профайлинг позволяет установить причинно-следственные связи различных событий. Он является одним из средств обеспечения безопасности, поскольку позволяет предотвращать противоправные действия путем выявления возможных опасных ситуаций и лиц. В установлении потенциальных преступников используются специальные технологии, которые основываются на анализе и сопоставлении особенностей внешнего вида, поведения и документов. Профилирование может сыграть решающую роль в формировании тактики расследования уголовного дела, ориентируя следователей на конкретные аспекты вещественных доказательств и предлагая направления для последующего расследования.

При рассмотрении криминалистического профилирования необходимо обратиться к его понятию. Следует отметить, что не существует единого подхода к его определению. Американский криминалист Б. Турви считал выявление особенностей черт лица основой профайлинга. В то время как В. Геберт полагал, что это ни что иное как научно-обоснованное предположение, которое содержит специфические сведения о лице, которое совершило конкретное преступление.

Профайлинг положительно влияет на тактику расследования в различных процессах:

1. Обнаружение возможных предметов и следов, связанных с преступлением. Эта информация помогает криминалистам сосредоточиться на важных элементах, которые могут быть связаны с профилем преступника.
2. Проверка и разработка гипотез, касающихся особенностей преступления и личности преступника. Эти гипотезы могут быть использованы для постановки определенных вопросов свидетелям или подозреваемым во время допроса, что может помочь получить важную информацию, соответствующую профилю преступника.
3. Профилирование служит связующим звеном между участниками уголовного процесса, способствуя обмену информацией и координации усилий.
4. Криминалистическое профилирование позволяет разрабатывать криминалистическую тактику, направленную на эффективное расследование уголовных преступлений

Криминалистическая тактика включает применение специализированных методов и техник для собирания, анализа и интерпретации материальных улик, обнаруженных на месте преступления. Основной фокус криминалистической тактики направлен на изучение следов, ДНК, отпечатков пальцев, баллистических доказательств, стандартных веществ и других физических улик, которые могут помочь установить обстоятельства преступления.

Безопасность на борту самолета так же поддерживается благодаря применению методов криминалистического профайлинга, опираясь на стандартные поведенческие особенности, выявляются возможные преступники. Широко в этой сфере используются приемы прикладной психологии с особым акцентом на процессах межличностного взаимодействия, а также способности анализировать внешний вид и поведение пассажиров.

Авиационный профайлинг зародился в Израиле в 1970 гг., в этот период психологи разработали ряд простых вопросов, которые помогли выявить отношение пассажиров к терроризму. Впервые технология была применена авиакомпанией «Эль-Аль», а затем распространилась повсеместно.

Следует отметить, что в России применение профайлинга для обеспечения безопасности на борту воздушного судна закреплено на законодательном уровне. Оно обеспечено Приказом Минтранса России от 25.07.2007 № 104 «Об утверждении Правил проведения предполетного и послеполетного досмотров» [1]; Приказом Министерства транспорта РФ от 23 июля 2015 г. № 227 «Об утверждении Правил проведения досмотра, дополнительного досмотра, повторного досмотра в целях обеспечения транспортной безопасности» [2]; Приказом Федеральной авиационной службы России от 15.07.1998 № 222 «Об утверждении и введении в действие Типового положения о службе авиационной безопасности авиапредприятий (эксплуатанта) гражданской авиации» [3]; Телеграммой Росавиации от 16.04.2012 № 160730 «Информация по безопасности полетов № 8» [4].

Особенностью авиационного профайлинга является его оперативный характер, который связан с постоянным потоком новых пассажиров и ограниченностью времени для анализа каждого из них. В рамках этого процесса пассажиры на борту делятся на две категории: потенциально опасные и неопасные. Первая категория далее делится на две подкатегории: подозрительные и критически подозрительные.

Стандартная процедура включает в себя следующие этапы профилирования:

1. Первичное изучение. Требуется создать у человека уверенность, что вопросы задаются только в целях обеспечения его безопасности.

2. Осмотр. Он производится визуально. Для составления профиля человека выделяются его отличительные черты внешности.

3. Составление психологического портрета. С помощью различных первоначальных вопросов определяется психотип человека, оценивается его психологическое состояние.

4. Проверка документов. Проводится на основании билета (маршрутной квитанции) и документов, которые предоставил пассажир, с целью поиска несоответствий и оценки подлинности документов.

5. Беседа. Стандартным вопросом становится уточнение цели визита, но помимо нее выясняется наличие знакомых или родственников в месте назначения, планов на посещение наиболее известных культурных достопримечательностей. [5]

В процессе наблюдения за пассажирами, сотрудник должен задавать себе вопросы, направленные на профилирование: является ли этот человек тем, кем он себя выдает? Какие намерения у него есть? Скрывает ли он что-то? Какая эмоция у него преобладает в данный момент? Почему на его лице можно заметить страх, беспокойство, вину, печаль или отсутствие эмоций? Как соотносится его внешность с поведением (есть ли несоответствия)? [6]

Успешное функционирование службы авиационной безопасности обеспечивается уровнем подготовки ее кадров. В данной области необходимо постоянно проводить повышение квалификации сотрудников. Однако даже это не гарантирует 100% эффективность системы, в силу человеческого фактора. Современные системы сильно упрощают работу специалистов по безопасности аэропортов, но заменить человека все еще не могут.

Одним из перспективных направлений для улучшения профайлинга в сфере воздушной безопасности видится внедрение нейронных сетей. Свёрточные нейронные сети (Convolutional Neural Networks) могут быть наиболее эффективны для данных целей, искусственный интеллект действует на основе камер видеонаблюдения [7]. Он способен на основе полученного изображения проанализировать человека, найти в базе схожий фоторобот. Такая система, ввиду глобального характера терроризма, требует ведение единой базы данных международных преступников, которая будет постоянно обновляться и пополняться. В США уже имеется опыт применения подобного видеонаблюдения с установкой специального программного обеспечения (FACS), камеры сканируют эмоции человека, которые шифруются в цифровой код. Технология была разработана Полом Экманом и Уоллесом Фризенем в конце 70-х гг, и сейчас демонстрирует свою эффективность. Однако основной проблемой применения нейросетей становится стоимость их внедрения.

Таким образом, профайлинг в сфере авиации играет важную роль в обеспечении безопасности полетов, оптимизации процессов и повышении качества обслуживания пассажиров. Профайлинг в авиации представляет собой метод анализа данных о пассажирах и их поведении с целью выявления потенциальных угроз безопасности и оптимизации обслуживания. Внедрение современных методов анализа данных и технологий профайлинга помогает авиационной отрасли создавать более безопасную, комфортную и эффективную среду для всех участников авиатранспорта.

Литература:

1. Об утверждении Правил проведения предполетного и послеполетного досмотров (Зарегистрировано в Минюсте России 09.08.2007 № 9975). Приказ Минтранса России от 25.07.2007 N104 (ред. от 19.08.2019) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70441/
2. Об утверждении Правил проведения досмотра, дополнительного досмотра, повторного досмотра в целях обеспечения транспортной безопасности. Приказ Министерства транспорта РФ от 23 июля 2015 г. № 227 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70441/339b192d31b11bf47b-cd1bffc82ac120c34da852/
3. Об утверждении и введении в действие типового положения о службе авиационной безопасности авиапредприятия (эксплуатанта) гражданской авиации. Приказ Федеральной авиационной службы РФ от 15 июля 1998 года № 222 // ИПП «ГАРАНТ» — URL: <https://base.garant.ru/70745858/>
4. Информация по безопасности полетов № 8. Телеграмма Росавиации от 16.04.2012 № 160730 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_254827/
5. Попова, Д. А. Профайлинг и его развитие в современной гражданской авиации / Д. А. Попова // Академическая публицистика. — 2021. — № 2. — С. 36–39.
6. Ягодина, Э. А. Профайлинг в сфере транспортной безопасности / Э. А. Ягодина // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения — 2023): Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2023 года / Под редакцией Ю. А. Шаранова, В. Л. Ситникова. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. — С. 868–873. — EDN RRS HQC.
7. Convolutional Neural Networks для визуального распознавания [Электронный ресурс]. URL: <https://cs231n.github.io/convolutional-networks/> (дата обращения 03.06.2024).

Формы взаимодействия следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, при расследовании преступлений

Колдаева Кермен Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Булуктаева Киштя Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (г. Элиста)

В настоящей статье рассмотрены формы взаимодействия следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее по тексту — ОРД), при расследовании преступлений. В результате исследования сделан вывод, что верная систематизация практических правил взаимодействия следователя с подразделениями, занимающимися оперативно-розыскной деятельностью, предоставит фундамент для развития эффективных и продуктивных совместных мероприятий, направленных на раскрытие и расследование преступлений. Это позволит не только упростить процесс координации действий, но и значительно повысить вероятность достижения поставленных перед следствием целей.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, следователь, преступление, формы взаимодействия, правоохранительные органы

В процессе раскрытия и расследования преступлений центральное значение имеют слаженность и профессионализм следственных органов. Важно стремиться к быстрому установлению взаимопонимания и координации действий, так как доказательства могут быть умышленно уничтожены злоумышленниками. Развитие научных и технических подходов, повышение профессиональных навыков сотрудников правоохранительных органов и анализ уровня преступности способствуют улучшению взаимодействия в процессе борьбы с преступностью. Необходимо ориентироваться на достижения тех-

ники и особенности криминальной ситуации, чтобы действия были максимально эффективными.

Концепт взаимодействия рассматривается учеными с различных точек зрения, и существует множество подходов и форм сотрудничества в контексте уголовных расследований. Важное значение имеет строгое соблюдение процессуальных норм, установленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, а также руководство и рекомендации, предоставленные Министерством внутренних дел РФ, которые предназначены для облегчения процесса раскрытия и расследования преступлений.

В процессе структурирования взаимодействий в рамках организационно-штатной работы ключевым аспектом является сотрудничество между следователем и органами дознания. Эффективность такого взаимодействия обеспечивается через совместную реализацию оперативно-розыскных действий, участие в публичных мероприятиях, круглых столах и повышение квалификации сотрудников путем освоения новых технологических навыков. Нормативно-правовая основа деятельности на этапе дознания и расследования закрепляется в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, а также в соответствующих приказах и положениях задействованных учреждений.

Одной из часто используемых методик сотрудничества является распределение письменных поручений следователями органам дознания. Вне процедурного контекста взаимодействие также проявляется в организации совещаний с целью координации планов по расследованию и формированию интегрированных оперативно-следственных бригад. В академической среде данная методика классифицируется как организационная, способствующая структурированной подготовке к предстоящим операциям.

Таким образом, можно констатировать наличие разнообразных подходов и методов взаимодействия в сфере правоприменения, которые варьируются в зависимости от конкретных следственных нужд, этапа расследования и требований к координации действий участников процесса.

Проблемы взаимодействия в процессе раскрытия преступления занимают значительное место в криминалистической науке. Часто структура законодательных норм не отвечает всем требованиям правовой системы, ориентируясь скорее на процессуальные аспекты. Отступление от законодательных требований может привести к признанию проведенных процессуальных действий и собранных доказательств незаконными из-за процедурных нарушений.

В контексте непрерывного взаимодействия, на котором фокусируется внимание в научных исследованиях криминалистики, профессор А. А. Чувилов выделил важность интегрированных усилий следственно-оперативных групп при реагировании на сообщения о чрезвычайных ситуациях. Он особо подчеркнул необходимость создания скоординированных планов по расследованию и выполнению следственных операции, проведения коллективных обсуждения, а также взаимодействия через обмен информацией о преступных проявлениях и обстановке в конкретных территориальных единицах [1].

Взаимодействие на уровне нормативно-правового и тактико-организационного регулирования можно охарактеризовать как наиболее значимое направление сотрудничества. Это сотрудничество включает передачу следователю материалов, относящихся к доказательствам преступления, выявленного в ходе оперативно-розыскных мероприятий; выполнение следователем процессуальных действий параллельно с оперативно-розыскными мероприятиями в ситуациях неустановленности виновного; реализацию указаний следователя по проведению розыскных и следственных

действий, включая обыски; осуществление мер по установлению личности и розыску подозреваемого после окончания расследования; а также обеспечение сопровождения подозреваемых или свидетелей.

Во второй форме взаимодействия следователь и экстренные службы непосредственно задействованы в выполнении функциональных ролей в рамках уголовного расследования [2]. Одновременно с этим оперативные подразделения вместе со следователем разрабатывают стратегические подходы, которые лежат в основе правового оформления необходимых следственных действий. От них следователь ожидает получения предложений по применению информации, полученной в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

Тем не менее, проявление инициативы со стороны прокурора и руководителя следственного управления также возможно.

В некоторых ситуациях может возникать разногласие между следователем и органом дознания, когда все необходимые доказательства уже собраны, но дальнейшие действия ограничены несогласованностью между участниками процесса. При этом уже имеющаяся информация и доказательственная база не используются для дальнейшего развития дела. Это может привести к тому, что оперативные службы не смогут эффективно распознать и предотвратить преступление в рамках уголовной процедуры.

В данной модели взаимодействия в большинстве случаев следователь выдает письменные указания, которые исполняются оперативными сотрудниками. В процессе расследования преступлений следователь формулирует гипотезы, выбирает методы и средства для расследования, основываясь на ещё не выясненных обстоятельствах, а затем создаёт план дальнейших действий.

В. В. Шимановский утверждает, что ключ к решению проблемы заключается в осознании следователями и сотрудниками дознавательных органов, что их работа — это совместные усилия, направленные на борьбу с преступностью [3]. Оперативными подразделениями также выполняется планирование и осуществление действий, направленных на раскрытие преступлений. Процесс планирования улучшается, когда достигается взаимопонимание между различными отделами. Обмен информацией между ними критически важен для координации совместных действий.

В рамках предварительного расследования сотрудники оперативных подразделений, взаимодействуя со следователями, должны информировать о планах и возможных действиях подозреваемого, включая попытки скрыться, оказать давление на других участников уголовного процесса или попытки совершить новое преступление либо продолжить текущее.

В работе следователя крайне важно обращать особое внимание на структуру и ясность письменных инструкций, которые должны быть лаконичными, но в то же время достаточно информативными. В документе целесообразно уточнить, что точное определение места для

развертывания оперативных мероприятий происходит на основании актуальных требований уголовного процесса, сопровождаемых ключевыми данными для навигации и координации усилий [4].

Ведущий специалист в области судебной практики В.В. Шимановский различал организационные и тактические аспекты взаимодействия между следственными и оперативными группами. Он подчеркивал значимость адекватного использования следователем данных, полученных в результате оперативных мероприятий, для разработки гипотез и версий в рамках уголовных расследований; планирование совместных операций; детальное инструктирование участников оперативных групп, занятых в следственных действиях, а также стратегические манипуляции и информационный обмен [3]. Следует подержать и утверждение о том, что успешная организация взаимодействия между различными структурами опирается на специфические цели и задачи, возникающие на определённых этапах предварительного расследования.

Можно сделать вывод, что верная систематизация практических правил взаимодействия следователя с подразделениями, занимающимися оперативно-розыскной деятельностью, предоставит фундамент для развития эффективных и продуктивных совместных мероприятий, направленных на раскрытие и расследование преступлений. Это позволит не только упростить процесс координации действий, но и значительно повысить вероятность достижения поставленных перед следствием целей.

В современных условиях повышенного уровня преступности на территории Российской Федерации наблюдается тенденция к изменениям в структуре, тактике и операционной эффективности преступных организаций, которые становятся более мобильными, вооружёнными, профессионально подготовленными и технически оснащёнными. Эта динамика осложняет задачу оперативного и качественного раскрытия преступлений для следователей, делая необходимым их тесное сотрудничество с органами оперативно-розыскной деятельности. В такой обстановке особенно важны государственные меры, направленные на эффективную защиту прав, жизни и здоровья граждан, предотвращение преступлений и защиту от незаконных воздействий.

Основная цель уголовно-процессуальных мер заключается не только в пресечении преступной деятельности, но и в её всестороннем расследовании. В этом контексте критическое значение приобретает взаимодействие

между следователями и дознавателями, основная задача которых — объединение усилий для детального расследования преступлений. Эффективность розыскной работы по установлению местонахождения лиц, чьи места пребывания неизвестны, значительно возрастает при слаженной работе следователя с внутренними подразделениями на основе чётко сформулированных требований и указаний. Однако необходимо понимать, что деятельность каждого из участников уголовного процесса обладает своей уникальной спецификой и включает разнообразные методы и техники расследования, без глубокого анализа всех аспектов дела и тесного сотрудничества с дознавательными и следственными органами успешное раскрытие многих типов преступлений было бы затруднено.

В научной дисциплине криминалистики анализируется механизм взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, рассматриваемый как комплексно организованная и строго координированная система обмена информацией и действий. Данная согласованность находит своё выражение в совместных усилиях следователя и дознавателя в процессе формирования и реализации планов, различных схем и подходов при выполнении следственных мероприятий и оперативно-розыскных операций. В рамках этого процесса активно задействуются как нормативно-правовые, так и организационно-тактические аспекты сотрудничества.

Такое взаимодействие определяется как координируемое взаимное содействие между следователем, дознавателем и структурами внутренних дел, ориентированное на расследование и выявление комплексной картины сложных преступлений. В ситуациях, когда отдельные следственные операции не позволяют в полной мере раскрыть все аспекты дела, акцент делается на общности методического подхода и оптимальном распределении ответственности и функций между участниками процесса.

Определение курса взаимодействия следователя с органами дознания в контексте уголовного процесса получает своё правовое оформление через стратегическое направление на обеспечение законности и поддержание общественного порядка. Такая стратегическая установка опирается на закреплённые в законодательстве рамки компетенции следственных структур и управления внутренних дел и проистекает из ключевых задач по предупреждению преступности, как это предусмотрено национальным законодательством.

Литература:

1. Чувилев А. А., Чувилев Ан. А. Правоохранительные органы. — М.: Юриспруденция, 2000. — 174 с.
2. Плеснева Л. П. Правовые и организационные основы взаимодействия следователя с органами дознания. Дис... канд. юрид. наук. — Иркутск. 2002. — 190 с.
3. Шимановский В. В. К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе // Правоведение. — 1965. — № 2. — С. 177–178.
4. Моисеенко И. Л. Этика процессуальных следственных действий в ходе производства предварительного расследования // Вестник Пермского университета. — 2009. — № 3 (5). — С. 89.

Проблемы защиты прокурором прав и законных интересов заявителя в уголовном процессе

Комбирович Марина Сергеевна, студент магистратуры
Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

Научная статья посвящена правовому статусу и вопросам обеспечения органами прокуратуры защиты прав, свобод, законных интересов тех участников уголовного судопроизводства, которые на сегодняшний день принимают непосредственное участие в современном уголовном процессе на этапе рассмотрения сообщения о совершении преступного посягательства, то есть заявителей. По результатам проведенного исследования сделан вывод о несовершенстве правового положения заявителей в уголовном процессе, выявлены проблемы защиты гарантированных заявителям прав, свобод, наличествующих у них интересов, в связи с чем предлагается внесение ряда изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство с целью устранения обнаруженных правовых проблем.

Ключевые слова: уголовный процесс, заявитель, прокурор, защита, надзор, уголовное судопроизводство, возбуждение уголовного дела.

Problems of protection of the applicant's rights and legal interests by the prosecutor in criminal proceedings

Kombirovich Marina Sergeevna, student master's degree
Siberian University of Consumer Cooperatives (Novosibirsk)

The scientific article is devoted to the legal status and issues of ensuring by the prosecutor's office the protection of the rights, freedoms, and legitimate interests of those participants in criminal proceedings who today are directly involved in the modern criminal process at the stage of considering a report of a criminal offense, that is, applicants. Based on the results of the study, a conclusion was made about the imperfection of the legal status of applicants in criminal proceedings, problems were identified in protecting the rights, freedoms and interests guaranteed to applicants, and therefore it is proposed to introduce a number of changes to the current criminal procedural legislation in order to eliminate the identified legal problems.

Keywords: criminal process, applicant, prosecutor, defense, supervision, criminal proceedings, initiation of a criminal case.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что, исходя из статьи 33 Конституции РФ, каждому конкретному лицу на сегодняшний день гарантировано право в установленном порядке обращаться с заявлением или же иным обращением в уполномоченные органы государственной власти с целью обеспечения защиты наличествующих у них прав, свобод, а также интересов [1]. При этом в соответствии с положениями статьи 140 Уголовно-процессуального кодекса РФ заявление о преступлении в настоящее время презюмируется в качестве одного из основополагающих повода для последующего возбуждения уголовного дела [2].

И решение вопроса относительно необходимости возбуждения уголовного дела либо же отказа в его непосредственном возбуждении является первичной стадией уголовного процесса, включающей в себя комплекс соответствующих особенностей, состоящих в реализации определенных специфических задач, предусматривающих наличие особого состава конкретных участников, которым гарантирован ряд прав и на которых возложены те или иные обязанности [3, с. 33].

Именно с момента возбуждения уголовного дела возникают и участники уголовного процесса, перечень которых

строго регламентирован требованиями действующего законодательства, в частности, в разделе II Уголовно-процессуального кодекса РФ. Вместе с тем, заявитель не упомянут со стороны российского законодателя в выше-названном перечне.

Следуя буквальному толкованию положений, непосредственным образом изложенных в современной редакции статьи 141 Уголовно-процессуального кодекса РФ, видится возможным отметить, что под заявителем надлежит понимать лицо, которое в регламентированном порядке подало заявление о совершении соответствующего преступного посягательства [4, с. 64–65].

В то же время остается непонятным, каков действительный правовой статус заявителя в области уголовного судопроизводства, является ли по своей природе данный участник потерпевшим либо же лицом, которому что-либо стало известно о совершении или подготовке к реализации определенного уголовно-наказуемого деяния. Помимо этого, в процессуальном законе не урегулирован перечень прав, предоставленных заявителю, что в реальной действительности не способствует обеспечению защиты его собственных интересов. В складывающейся же правоприменительной деятельности следователи и до-

знаватели при приеме от соответствующего заинтересованного лица заявления и последующего получения от него объяснений используют бланки, в которых отражены права и обязанности, не имеющие никакого отношения к заявителю с учетом того, что до непосредственного возбуждения уголовного дела названное лицо в принципе не может ими обладать и их реализовывать.

По этой причине представляется необходимым внести изменение в действующее уголовно-процессуальное законодательство, закрепив в нем легальную дефиницию понятия «заявитель», а также отразить совокупность тех прав и обязанностей, которыми обладает данный участник на этапе решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

В частности, под заявителем следует понимать соответствующее лицо, которое в урегулированном порядке обратилось с заявлением о совершении либо же к подготовке к воплощению в жизнь определенного уголовно-наказуемого деяния.

В результате предложенное нововведение даст возможность обеспечить всестороннюю и всеобъемлющую защиту прав, свобод, интересов заявителя, в том числе и стороны должностных лиц органов прокуратуры.

Анализируя положения Уголовно-процессуального кодекса РФ и действующего законодательства в области прокурорской деятельности, представляется возможным прийти к выводу, что сотрудники органов прокуратуры является своего рода лидерами при реализации уголовного преследования, так как им в настоящее время предоставлена совокупность полномочий по обеспечению воплощения в жизнь различных требований законов как со стороны следователей, так и дознавателей [5, с. 154].

Так, исходя из положений статьи 148, 124 Уголовно-процессуального кодекса РФ, прокурор по результатам непосредственного изучения постановления должностного лица органа предварительного расследования об отказе в возбуждении уголовного дела или же рассмотрения жалобы заявителя, иного заинтересованного лица на указанное постановление, может посредством вынесения собственного постановления отменить вышеназванное процессуальное решение и направить его следователю или дознавателю с целью проведения ими каких-либо дополнительных проверочных мероприятий.

В то же время представляется необходимым обратить внимание на тот факт, что как в статьях 124 и 148 Уголовно-процессуального кодекса РФ, так и в иных существующих на сегодняшний день ведомственных нормативных правовых актах, в том числе утвержденных Генеральным прокурором РФ, к примеру, в Приказе Генпрокуратуры России от 17.09.2021 года № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» [6], не раскрыты соответствующая процедура, конкретный порядок, а также главенствующие аспекты и особенности рассмотрения и разрешения органами прокуратуры жалоб лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса, включая заявителей,

не обозначено никаких достаточных рекомендаций и обязательных указаний по вышеназванному рассмотрению.

Более того, в настоящее время в них также не закреплено никаких норм и правил относительно возможности со стороны указанного надзорного органа вынести по жалобе заинтересованного лица, в том числе заявителя, прямо противоположное или же дополнительное процессуальное решение уже в момент пересмотра материалов дела в судебном порядке на основании статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Между тем, в складывающейся правоприменительной деятельности сотрудники органов прокуратуры нередко пользуются вышеуказанным имеющим место правовым пробелом, что, в конечном счете, создает условия для последующего возникновения определенных проволок в процессе расследования и раскрытия совершенных преступных деяний, воплощения в жизнь уголовного преследования, влечет за собой несоблюдение разумного срока уголовного судопроизводства, определенного на данный момент в статье 6.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ, формирует затруднения по защите и восстановлению права заявителя на своевременную защиту наличествующих у него прав, свобод, собственных интересов.

Так, в одном из дел гражданин неоднократно обращался с заявлениями в адрес должностных лиц органов предварительного следствия, в которых излагал наличие признаков совершения лицом преступного посяательства, по результатам рассмотрения которых ему в каждом конкретном случае отказывалось в возбуждении уголовного дела посредством вынесения соответствующих постановлений.

Впоследствии на основании поступающих со стороны гражданина жалоб в порядке, урегулированном положениями статьи 124 Уголовно-процессуального кодекса РФ, вышеназванные постановления отменялись руководителем следственного органа и компетентными должностными лицами органов прокуратуры как незаконные и необоснованные.

Затем следователем, рассматривающим заявление гражданина о наличии признаков события произошедшего уголовно-наказуемого деяния, в очередной раз было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, которое вновь было обжаловано гражданином в прокуратуру.

Вместе с тем, на этот раз надзорный орган акцентировал внимание на том, что по результатам изучения наличествующих материалов проверки вышеупомянутый правоприменительный акт, вынесенный следователем, в полной мере соответствует требованиям действующего уголовно-процессуального законодательства и фактическим обстоятельствам, по этой причине каких-либо оснований для его отмены и последующего направления собранных сотрудником органа предварительного следствия материалов для организации и обеспечения проведения дополнительной доследственной проверки им в реальной действительности не усматривается.

Несогласие с точкой зрения органа прокуратуры вынудило гражданина обратиться в уполномоченный судебный орган с жалобой в порядке, закрепленном в статье 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Однако судом первой инстанции производство по жалобе гражданина было прекращено, в том числе, с учетом того, что на момент ее непосредственного рассмотрения руководитель следственного органа отменил обжалуемое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и направил соответствующие материалы проверки для воплощения в жизнь совокупности дополнительных проверочных мероприятий. При этом данная позиция руководителя следственного органа была поддержана прокурорским работником, принимавшим участие в деле.

Принятие такого процессуального решения со стороны руководителя следственного органа и прокурора в реальной действительности было обусловлено тем, что вышеуказанными должностными лицами совместно были реализованы дополнительные проверочные мероприятия, подтвердившие, что обжалуемое гражданином постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было вынесено следователем незаконно и необоснованно без воплощения в жизнь комплекса требуемых проверочных мероприятий, которые могли бы способствовать достоверному установлению всех фактических обстоятельств имевшего место противоправного деяния.

И принимая во внимание, что руководитель следственного органа самостоятельно отменил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное следователем, ввиду чего предмет обжалования в настоящее время отсутствует в объективной реальности, вышеназванное должностное лицо по согласованию с прокурором ходатайствовало перед судом о прекращении производства по жалобе.

В результате суд первой инстанции вынес определение, посредством которого прекратил производство по жалобе, мотивируя свое решение тем, что законность по данному делу обеспечена органами прокуратуры до принятия судебного акта, на сегодняшний же день каких-либо нарушений прав гражданина судебным органом не установлена.

В последующем гражданин обжаловал вышеназванное определение в вышестоящие судебные органы, включая Верховный Суд РФ, отмечая, что на момент обращения с жалобой постановление следователя продолжало действовать, ранее с такой же жалобой, содержащей аналогичные по своему содержанию доводы, он обращался к руководителю следственного органа и прокурору, которые дала им соответствующую оценку и отклонили, что в результате и вынудило его обратиться в суд первой инстанции за защитой своих прав, свобод.

Между тем, как нижестоящие судебные органы, так и Верховный Суд РФ указали, что раз на момент непосредственного рассмотрения жалобы гражданина, которая была им подана в порядке, регламентированном требованиями статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ, постановление следователя об отказе в возбуждении уго-

ловного дела было отменено вышестоящим должностным лицом, то при данных обстоятельствах суд первой инстанции обоснованно прекратил производство по вышеупомянутой жалобе [7].

В дальнейшем гражданин принимал меры к тому, чтобы обратиться с жалобой в Конституционный Суд РФ, обращая внимание на то, что прекращение судом производства по жалобе, ранее поданной на отмененное впоследствии процессуальное решение, несмотря на наличие достаточных законных оснований для ее непосредственного удовлетворения, влечет за собой существенное нарушение и ограничение гарантированных заявителю требованиями действующего уголовно-процессуального законодательства прав, его собственных интересов, а также создает условия для уклонения от проведения проверки и дачи оценки всем тем доводам, которые упомянуты заинтересованным лицом в своей жалобе. Между тем, Конституционный Суд РФ отказал гражданину в принятии его жалобы к рассмотрению, указав на ее недопустимость и несоответствие требованиям Федерального конституционного закона от 21.07.1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [8].

Однако думается, что действия руководителя следственного органа и прокурора по изначальному отказу в удовлетворении жалобы, поданной гражданином в порядке, установленном положениями статьи 124 Уголовно-процессуального кодекса РФ, и последующей отмене постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела после того как заинтересованное лицо обратилось с аналогичной по своему содержанию жалобой в суд в соответствии со статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ за защитой своих прав и интересов, несмотря на то, что оба вышеназванных должностных лица пересматривали и давали оценку законности, обоснованности обжалуемого постановления, в реальной действительности повлекли за собой существенное затягивание производства по делу, де-факто привели к нарушению требований, изложенных в статье 6.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ, установивших такое фундаментальное руководящее положение в сфере современного уголовного процесса как разумный срок уголовного судопроизводства.

Вышеизложенное обусловлено тем, что разрешение вопроса относительно возможности возбуждения уголовного дела осуществлялось сотрудниками органов предварительного следствия уже около трех лет.

Кроме того, со стороны руководителя следственного органа и прокуратуры были созданы условия для осуществления лицами, вовлеченными в сферу уголовного процесса, комплекса бессмысленных процессуальных действий, а также возложена дополнительная нагрузка на суд первой инстанции.

В то же время разумный срок уголовного судопроизводства представляет собой значимую правовую категорию, подразумевающую под собой гарантию на рассмотрение каждого конкретного дела в регламентированные положениями действующего процессуального законодательства

сроки. Превышение разумного срока корреспондирует наступлению у заинтересованного лица возможности реализации права на получение соответствующей компенсации с тем, чтобы не допустить необоснованного затягивания расследования и раскрытия совершенного преступного деяния, обеспечить своевременность воплощения в жизнь уголовного преследования, а также рассмотрения и разрешения компетентным судебным органом уголовного дела.

Надлежит также обратить внимание на то, что деятельность, возложенная на сегодняшний день на органы прокуратуры, в каждом конкретном случае должна соответствовать принципу законности.

При этом данное фундаментальное руководящее положение в области прокурорской деятельности в настоящее время включает в себя две основополагающие формы.

Так, во-первых, в ходе непосредственного осуществления предоставленных сотрудникам органов прокуратуры надзорных полномочий, ими рассматривается поведение поднадзорных им объектов и субъектов через призму соответствия его именно закону.

Во-вторых, сами прокурорские работники при этом в обязательном порядке должны соблюдать требования, урегулированные современным законодательством.

По этой причине представляется необходимым внести изменение в часть 2 статьи 124 Уголовно-процессуального кодекса РФ, закрепив в ней, что постановление руководителя следственного органа либо же прокурора, вынесенное указанными должностными лицами по результатам рассмотрения жалобы заявителя, является окончательным процессуальным решением, в связи с чем в последующем не подлежит отмене либо же изменению с их стороны.

Благодаря предложенному нововведению руководитель следственного органа и прокурорские работники после непосредственного принятия ими соответствующего постановления будут не вправе при пересмотре аналогичной по своему содержанию и доводам жалобы заявителя в судебном порядке издавать противоположное процессуальное решение.

Помимо этого, видится также важным рассмотреть вопрос о внесении изменений в статью 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентировав в ней, что суд, рассматривающий жалобу заинтересованного лица, не вправе отказать ему в удовлетворении заявленных им требований только лишь по тому основанию, что руководитель следственного органа либо прокурор, которые ранее также рассмотрели и разрешили жалобу такого лица с аналогичными по своему содержанию доводами и отказали в ее удовлетворении, изменили свою точку зрения на прямо противоположную посредством последующей отмены соответствующего процессуального документа, опасаясь для себя наступления определенных негативных последствий, если при этом наличествуют достаточные основания полагать, что вышеназванным решением нарушены и (или) ограничены права, свободы, интересы заявителя в силу противоречия его положениям современного законодательства.

И при всех вышеизложенных фактических обстоятельствах компетентный судебный орган не должен принимать во внимание и класть в основу своего итогового судебного акта вышеупомянутое новое постановление руководителя следственного органа либо же должностного лица органов прокуратуры.

Внесение в действующее уголовно-процессуальное законодательство названных изменений призвано повысить эффективность современного уголовного процесса, обеспечить законность как в действиях руководителей следственных органов, должностных лиц органов прокуратуры, так и следователей, способствовать соблюдению разумного срока уголовного судопроизводства, а также защите прав, интересов заявителей.

Более того, видится, что жалоба, подаваемая заинтересованными лицами, включая заявителей, в органы прокуратуры в порядке, регламентированном статьей 124 Уголовно-процессуального кодекса РФ, как де-юре, так и де-факто по всем своим признакам, критериям и свойствам обладает характером досудебной жалобы. Возможность обращения лиц с подобного рода жалобами предусмотрена на сегодняшний день рядом иных нормативных правовых актов в различных областях правоотношений, в частности, главой 19 Налогового кодекса РФ [9], главой 9 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 года № 248-ФЗ [10].

При этом в вышеназванных нормативных правовых актах подробным образом регулируется право соответствующих лиц на обжалование определенных решений, действий, бездействия компетентных государственных органов и их должностных лиц, устанавливается порядок подачи досудебной жалобы, предъявляется совокупность требований к ее форме и конкретному содержанию, всеобъемлюще и всесторонне раскрывается порядок и процедура ее рассмотрения и разрешения, обозначены основания для отказа в непосредственном рассмотрении поданной досудебной жалобы, закреплены решения, которые могут быть приняты по итогам ее фактического рассмотрения.

С учетом этого, думается необходимым в статье 124 Уголовно-процессуального кодекса РФ также урегулировать все основополагающие аспекты и особенности подачи заинтересованными лицами, в том числе заявителями, жалоб на различные решения, действия, бездействие сотрудников органов предварительного расследования, процедуры и порядка их рассмотрения и последующего разрешения прокурорскими работниками. В результате указанное нововведение будет направлено на полное, всестороннее и всеобъемлющее регулирование данного способа защиты прав заявителей с позиции действующего уголовно-процессуального законодательства, повышение его эффективности, обеспечение законности деятельности прокуроров и недопустимость с их стороны формального принятия, рассмотрения и разрешения посту-

пающих в их адрес жалоб, а также соблюдение разумности сроков уголовного судопроизводства.

Таким образом, правовое положение заявителя в уголовном процессе на сегодняшний день является несовершенным с учетом того, что он не упомянут в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства, в процессуальном законе отсутствует легальная дефиниция понятия «заявитель», не закреплены гарантированные ему права и возложенные на него обязанности.

При этом одним из участников уголовного процесса, наделенным совокупностью надзорных полномочий, призванным обеспечивать защиту прав, интересов лиц, обратившихся в уполномоченный орган с заявлением о совершении либо же подготовке к совершению преступного посягательства, является прокурор.

Между тем, современный механизм защиты прав, свобод и интересов заявителей со стороны органов про-

куратуры, установленный уголовно-процессуальным законом, имеет совокупность проанализированных в настоящем научном исследовании правовых проблем, препятствующих его качественной и эффективной реализации.

В результате вышеизложенное создает условия для несоблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства, установленных в статье 6.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ, ограничения принципа законности. В связи с чем современное уголовно-процессуальное законодательство нуждается во внесении в него комплекса изменений с тем, чтобы совершенствовать правовое положение заявителя в сфере уголовного процесса, обеспечить в каждом конкретном случае охрану, защиту и восстановление гарантированных ему прав, свобод, его интересов, в том числе и со стороны должностных лиц органов прокуратуры.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с поправками) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Российская газета, № 249, 22.12.2001.
3. Стельмах В. Ю. Правовая сущность стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2020. № 3 (73). С. 33–39
4. Михайловская О. В. Заявитель как участник уголовного судопроизводства // Вестник КРУ МВД России. 2020. № 4 (50). С. 64–67
5. Лагуткина Н. Б. Прокурор в уголовном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 153–155.
6. Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 (ред. от 22.02.2023) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность, № 12, 2021.
7. Постановление Верховного Суда РФ от 07.07.2020 по делу № 13-УКС20–85-К2 // СПС «Консультант Плюс».
8. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2021 № 1135-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Грачева Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Российская газета, № 148–149, 06.08.1998.
10. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Российская газета, № 171, 05.08.2020.

Преобразование муниципальных образований

Кондрашова Алёна Александровна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье автор поднимает проблему правового регулирования и практики реализации порядка преобразования муниципальных образований в Российской Федерации.

Ключевые слова: преобразование муниципальных образований, городской округ, сельские и городские поселения.

По данным Минюста РФ по состоянию на март 2024 г. на территории Российской Федерации функционирует 17 831 муниципальных образования, из которых 1353

муниципальных районов, 605 городских округов, 9 городских округов с внутригородским делением, 267 внутригородской территории (внутригородское муниципальное

образование) городов федерального значения, 1156 городских поселений, 13982 сельских поселений. В Оренбургской области по состоянию сегодняшний день функционирует соответственно 487 муниципальных образований, из которых 29 муниципальных районов, 13 городских округов, 445 сельских поселений. До 2020 года в Оренбургской области муниципальные районы состояли только из сельских поселений [1].

Сведения Росстата за 2012–2024 гг. отражают сокращение общего количества муниципальных районов. Пик роста отмечен в 2015 г., за который число городских округов возросло на 28 муниципалитетов. На практике формирование городских округов на основе муниципальных районов происходило следующими способами: путем объединения всех поселений района в городское поселение с последующим наделением его статусом городского округа (в 2015–2016 гг. в Калининградской, Магаданской, Московской областях) или объединения всех поселений муниципального района с существующим городским округом (к примеру, в Ставропольском крае).

Формирование городских округов на основе муниципальных районов, как описано в примере, демонстрирует необходимость гибкости и адаптивности в законодательстве для учета изменяющихся обстоятельств и потребностей муниципальных образований. Необходимо разработать четкие правила и процедуры, которые бы упростили и ускорили процесс изменения границ муниципальных образований, с учетом всех аспектов, включая экономические, социальные и территориальные.

В Оренбургской области количество муниципальных районов сократилось с 35 до 29 муниципалитетов, сельских поселений с 566 до 447 муниципалитетов, упразднены все городские поселения, но общая численность городских округов увеличилась с 9 до 13 муниципалитетов. Сельские поселения, объединяемые с городским округом, как правило, не имеют социальной, транспортной и иной инфраструктурой, необходимой для решения вопросов местного значения городского округа.

В соответствии со ст. 13 Федерального закона № 131-ФЗ преобразование муниципальных образований — процесс их объединения, разделения, изменения статуса городского поселения в связи с наделением его статусом городского округа либо лишением его этого статуса. Возможно преобразование путем выделения одних муниципальных образований из состава других, присоединения одних муниципальных образований к другим муниципальным образованиям. В частности, включение отдельных городских или сельских поселений одного муниципального района в состав другого муниципального района можно рассматривать как самостоятельный вид преобразования муниципальных образований. Этот процесс может быть осуществлен в соответствии с законодательством о местном самоуправлении и утвержденными процедурами. Такие изменения границ муниципальных образований обычно требуют согласования и утверждения соответствующими органами власти на различных уровнях, чтобы обеспе-

чить соблюдение законности и учет интересов жителей и территориальных единиц.

Важнейшей гарантией существования местного самоуправления является наличие сельских и городских поселений. Отказ, частичная замена поселенческого начала означает не просто смену текущей модели организации местного самоуправления, но фактический отказ от местного самоуправления как такового [2].

Анализируя практику преобразования муниципальных образований, конкретнее «преобразования» муниципальных районов в городские округа инициированных субъектами Федерации можно отметить, что такой процесс зачастую осуществляется путем прямого нарушения положений Закона № 131-ФЗ и/или грубого искажения, заложенного в него смысла, обеспечивавшего защиту поселенческого начала местного самоуправления.

Примером таких нарушений закона могут служить: преобразование Шахунского муниципального района Нижегородской области, Гурьевского муниципального района Калининградской области, Рузского района Московской области, Раменского района Московской области, объединение городских округов «Королев» и «Юбилейный» Московской области, объединение городских округов «Вахрушев» и «Поронайский» Сахалинской области. Сахалинский областной суд и Московский областной суд признали законным объединение соответствующих городских округов, ссылаясь на норму закона об объединении поселений (вопреки четкому проведению в ст. 13 Закона № 131-ФЗ различий между поселением и городским округом).

Таким образом, инициированные субъектами РФ «преобразования» муниципальных районов в городские округа, объединение городских округов повели к фактическому разрушению законодательного принципа закрытости перечня способов преобразования муниципалитетов (ч. 1 ст. 13).

Вслед за сложившейся региональной практикой, поддержанной судами, был расширен законодательный перечень способов преобразования, что позволило объединять все поселения муниципального района с городским округом (ч. 3.1. ст. 13), объединять городские округа (ч. 3.3. ст. 13), а также объединять все поселения муниципального района в единое муниципальное образование — но не городской, а муниципальный округ (ч. 3.1–1. ст. 13). Указанное нововведение значительно ослабляет защиту поселенческого начала.

Правовая позиция Конституционного суда РФ, выраженная в постановлении «по иркутскому делу» (постановление от 01 декабря 2015 г. № 30-П) исключает какую-либо связь городского округа с городским поселением, а значит, закон исключил указание на поселенческий статус городского округа, и необходимость применения к нему критериев формирования городского поселения. В результате многочисленного преобразования муниципальных районов в городские округа, появилась неблагоприятная практика создания городских округов на обширной территории, охватывающих малочисленные населенные пункты

(зачастую сельские), мало связанные между собою (в Магаданской области и Чукотском автономном округе городские округа распространяются на бескрайние мало-заселенные северные территории), территории развитого сельскохозяйственного производства (Рузский, Ленинский, Лотошинский районы Московской области) [3].

Еще одной проблемой в процессе преобразования муниципальных образований является учет мнения населения (ч. 2 ст. 131 Конституции России) по вопросу «преобразования» муниципальных районов в городские округа. Несоблюдение принципа учета мнения населения (согласие представительного органа, учет результатов публичных слушаний) можно рассмотреть на примере дела об оспаривании решения Совета депутатов городского поселения Селятино, которым дано согласие на «преобразование» Наро-Фоминского муниципального района МО («за» проголосовало 8 из 14 присутствующих при численности 15 депутатов), истцы, указав на то, что правовые последствия решения представительного органа о поддержке инициативы затрагивают базовые муниципально-правовые отношения, составляющие предмет регулирования Устава муниципалитета, настаивали на необходимости принятия такого решения в порядке, предусмотренном для принятия устава, т.е. 2/3 от установленной численности депутатов муниципального представительного органа. Наро-Фоминский городской суд отклонил — без какого-либо обоснования — указанный довод истцов [4].

В другом деле, по иску об оспаривании решения Совета депутатов сельского поселения Успенское, давшего согласие на «преобразование» Одинцовского муниципального района («за» проголосовало 5 из 8 присутствовавших при численности 10 депутатов) Одинцовский городской суд (судья: Захарова Л. Н.) отклонил довод истцов о необходимости принятия решения в порядке, предусмотренном для актов, устанавливающих правила, обязательные для исполнения на территории муниципального образования, т.е. большинством от установленной численности депутатов муниципального представительного органа [5].

В целях преодоления несогласия Советов депутатов отдельных поселений при «преобразовании» муниципальных районов в городские округа неоднократно нарушался принцип единогласия поселений (ч. 3, 3.1., 7 Закона № 131-ФЗ). Согласно этому принципу, объединение поселений, объединение поселений с городским округом, равно как и изменение статуса городского поселения на городской округ, возможно лишь при получении согласия всех без исключения преобразуемых поселений, городского округа. Это одна из важнейших (сильных) га-

рантий сохранения поселенческого начала. Однако ни в Московской области (в Талдомском — городское поселение Запрудня (причем несогласие выражено дважды: в 2017 г. и в 2018 г., при рассмотрении повторной инициативы), в Ногинском — городское поселение Электроугли, в Одинцовском — сельское поселение Барвихинское) ни в Ставропольском крае (Георгиевский муниципальный район «преобразован» в городской округ несмотря на отказ в поддержке инициативы «преобразования» со стороны Советов депутатов трех поселений (села Краснокумское и Новозаведенное, станица Незлобная) эта гарантия не остановила «преобразования» тех муниципальных районов, в которых Советы депутатов поселений выразили несогласие с «преобразованием».

Практика «преобразования» районов в городские округа в отсутствие согласия всех поселений получила поддержку в судах общей юрисдикции, та норма, согласно которой требуется согласие исключительно поселений, которое не может быть подменено решением муниципального района (ч. 3 ст. 13 Закона № 131-ФЗ судами во внимание не принимается. По мнению Калининградского областного суда, ч. 7 ст. 13 Закона № 131-ФЗ применяется только в случае выделения городского поселения из состава муниципального района, в то время как Закон Калининградской области, наделяя городское поселение статусом городского округа, не предусматривает его выделения из состава муниципального района. Позиция Калининградского областного суда была положена в основу решений Московского областного суда [6], Сахалинского областного суда [7], поддержавших «преобразование» муниципальных районов в обеих областях без голосования по вопросу изменения статуса городских поселений.

Решение данной проблемы заключается в необходимости усовершенствования законодательства в области преобразования муниципальных образований, проявления интереса граждан к судьбе поселений, активности в решении публичных дел, обращений в адрес органов государственной власти как федерального, так и регионального уровня, выражения мнения граждан путем публичных слушаний и голосования по вопросам преобразования муниципальных образований. Региональной власти при проведении публичных слушаний по вопросам «преобразования» района стоило бы организовать свободный доступ граждан на слушания, проводить их в помещениях, которые могут вместить всех желающих, а при необходимости организовывать видеотрансляции. Также необходимо «приостанавливать» процессы «преобразования» муниципальных районов при несостоявшемся голосовании населения.

Литература:

1. Министерство юстиции Российской Федерации: официальный сайт. — Москва. — URL: <http://pravo-search.minjust.ru:8080/bigs/portal.html> (дата обращения 10. 03. 2024).
2. Баженова О. И. К проблеме реализации конституционного поселенческо-территориального принципа организации местного самоуправления. В защиту поселенческого начала // Местное право. 2019. № 4. С. 25–52.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5. 1 статьи 35, частей 2 и 3. 1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1. 1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2015. № 50. Ст. 7226.
4. Решение Наро-Фоминского городского суда от 26 февраля 2018 г.; определение Московского областного суда от 14 мая 2018 г. (дело № 2а-656/2018 (2а-3714/2017)).
5. Решение Одинцовского городского суда от 18 января 2019 г.; определение Московского областного суда от 15 мая 2019 г. 2а-961/2019 (дело № 2а-11169/2018).
6. Решение Московского областного суда от 22 июня 2017 г. по делу № 3а-527/2017 (Шатурский район), решение от 02 мая 2017 г. по делу № 3а-196/2017 (Шаховский район), решение от 8 ноября 2017 г по делу № 3а-744/2017 (Рузский район), решение от 17 апреля 2018 г. по делу № 3а-213/2018 (Наро-Фоминский район), решение от 26 апреля 2018 г. по делу № 3а-294/2018 (Чеховский район), решение от 31 июля 2018 по делу № 3а-520, 719/2018 (Можайский район), решение от 25 апреля 2019 г. по делу № 3а-515/2019 (Одинцовский район), решение от 14 августа 2019 г. по делу № 3а-839/2019.
7. Решение Сахалинского областного суда от 05 октября 2017 г. по делу № 3а-43/2017; апелляционное определение Верховного Суда РФ от 21 февраля 2018 г. № 64-АПГ17-20.

Характеристика личности преступника, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств с использованием информационно-коммуникационных технологий

Кононенко Мария Юрьевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Научный руководитель: Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В представленной статье автор рассматривает один из наиболее важных элементов криминалистической характеристики — личность преступника, совершающего преступления с использованием информационно-коммуникационных технологий в сфере незаконного оборота наркотических средств. Автором проанализированы некоторые особенности структуры личности преступника, совершающего преступления в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: личность преступника, криминалистическая характеристика, личностные качества, незаконный оборот наркотиков, информационно-коммуникационные технологии, дистанционный способ.

На современном этапе все чаще и чаще преступления совершаются дистанционным способом, что стало возможным в результате научно-технического прогресса, а также благодаря развитию компьютерных технологий. Данным проблемам уделяется особое внимание во многих отраслевых юридических науках, ведь исследование характеристики личности преступника играет важную роль не только для науки, но и для практики. Детальное изучение личности преступника позволяет выявить свойства, которые послужат объектом профилактического воздействия на общество.

Проблема личности преступника, совершающего преступления с использованием информационно-коммуникационных технологий в сфере незаконного оборота наркотических средств, весьма сложна, что предопределяет существование разных точек зрения по данному вопросу.

О.В. Тихомирова [1] пишет, что при характеристике личности преступника, осуществляющего преступную

деятельность в сфере незаконного оборота наркотиков с помощью ИТ, необходимо обращать внимание:

- на социально-демографические характеристики. Автор подчёркивает, что анализируемый вид преступления чаще всего совершают лица мужского пола возрастом до 40 лет, так как именно данная категория субъектов наиболее хорошо владеет современными технологиями в ИТ-сфере.

- на сведения производственно-бытового характера (такие лица чаще всего не имеют постоянного места работы; находятся в разводе или не состояли в зарегистрированном браке);

- на сведения социально-правового характера. Отметим, что анализируемые субъекты очень часто имеют судимость за преступления особенно в сфере незаконного оборота наркотиков.

- на физиологические.

По нашему мнению, ключевое значение при характеристике личности преступника, совершающего пре-

ступления с использованием информационно-коммуникационных технологий в сфере незаконного оборота наркотических средств, следует уделять внимание наличию специальных познаний в IT-сфере. При этом стоит отметить, что у таких лиц чаще всего имеется образование в сфере информационных телекоммуникационных технологий, нередко встречается и юридическое образование, что позволяет преступнику затруднять расследования уголовных дел исследуемой категории. Лица, имеющие такое образование, исходя из практики, оказывают противодействие сотрудникам правоохранительных органов, а именно исходя из своих знаний, способны уничтожать улики и доказательства, направленные на явный состав преступления в сфере незаконного оборота наркотиков.

Отметим, что аналогичной позиции также придерживаются Кустов А. М., Мурзагалиева О. К., Шимановская К. Е. [2].

Современный мир не стоит на месте, постоянно появляются новые технологии, в том числе совершенствуются и информационно-телекоммуникационные технологии. Однако, и к сожалению, далеко не всегда и все используют достижения прогресса в сфере информационных технологий в благих целях. Очень часто такие технологии и результаты прогресса применяются в преступной деятельности, что усложняет расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и оказывает непосредственное влияние на раскрытие преступлений данной категории [3].

Как правило, это лица достаточно молодого возраста (от 18 до 29 лет), которые используют более сложные способы сбыта наркотических средств, чаще всего совершают преступления в организованных преступных группах, при организации тайников для наркотических средств используют сложно доступные места. Наличие у преступника профильного образования или особых преступных навыков чаще имеет место среди лиц средней возрастной категории, позволяет им совершать преступления посредством информационных телекоммуникационных технологий, избегая личного контакта с потребителями наркотических средств [1].

Литература:

1. Тихомирова, О. В. Криминалистическая характеристика личности преступника, действующего в сфере незаконного оборота наркотических средств / О. В. Тихомирова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 1 (239). — С. 123–126. — URL: <https://moluch.ru/archive/239/55309/> (дата обращения: 23.03.2024).
2. Кустов А. М., Мурзагалиева О. К., Шимановская К. Е. Типичная информация о личности преступника при расследовании преступлений, совершенных в сфере оборота наркотических средств // Успехи в химии и химической технологии. 2017. № 7 (188). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipichnaya-informatsiya-o-lichnosti-prestupnika-pri-rassledovanii-prestupleniy-sovershennyh-v-sfere-oborota-narkoticheskikh-sredstv> (дата обращения: 23.03.2024).
3. Григорян Г. Р. О социально-правовой сущности корыстных имущественных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Российская юстиция. 2020. N10. С. 13–15.
4. Абдуллин, С. Н. Предотвращение незаконного оборота наркотических средств и их аналогов с использованием компьютерных технологий (сети Интернет) / С. Н. Абдуллин. — Текст: непосредственный // Новый юридический вестник. — 2023. — № 2 (41). — С. 42–45. — URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/247/8098/> (дата обращения: 24.03.2024).

Однако наличие образовательного уровня не обязательно для лиц, которые занимаются перевозкой, а также распространением наркотических средств.

Указанные выше лица чаще всего самостоятельно обучаются навыкам распространения наркотических веществ с использованием информационных коммуникационных технологий.

Применение IT-технологий обуславливает особенности способа совершения преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, а также дает возможность преодоления территориального принципа. Использование данных технологий дает широкие возможности преступникам, так как позволяет им охватить неограниченный круг лиц, что связано с довольно широкой аудиторией, использующей глобальную сеть Интернет.

Анализ научной и учебной литературы позволил прийти к выводу, что на доктринальном уровне установлена обеспокоенность использования IT-технологий при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, с каждым годом среди преступников вышеуказанной категории информационные телекоммуникационные технологии становятся все более и более востребованными в преступной деятельности. Это, безусловно, является негативным фактором, так как такие преступления сложнее выявляются и раскрываются правоохранительными органами. Обозначенному аспекту уделяется на современном этапе повышенное внимание не только в теории оперативно-разыскной деятельности, но и в рамках юридических наук, таких как уголовное право, криминалистика, криминология и др.

Таким образом, преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, всегда привлекали особое внимание, ведь данная категория негативно влияет на общественную нравственность. Стоит отметить, что сведения о характеристике личности преступника играют значительную роль в борьбе с преступностью, ведь с помощью полученной информации возможно пресекать, раскрывать и расследовать преступления в сфере незаконного оборота наркотиков на первоначальных этапах расследования преступлений данной категории.

Неосновательное обогащение: теория и практика применения

Королева Кристина Сергеевна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье раскрыты особенности неосновательного обогащения, рассмотрены условия возникновения обязательств вследствие неосновательного обогащения и практика применения норм, регламентирующих неосновательное обогащение.

Ключевые слова: неосновательное обогащение, приобретенное и сбереженное имущество, кондикционный иск.

В современном мире все чаще обсуждается проблема несправедливого обогащения и его последствий.

Исследования показывают, что возникновение долгов из-за несправедливого обогащения имеет свои особенности и требует особого подхода к решению. Нормы, регулирующие этот процесс, играют важную роль в практике применения законов.

Один из ключевых моментов — понятие кондикционного иска, позволяющее регулировать случаи несправедливого обогащения.

Это понятие связано с приобретенным и сохраненным имуществом, которое может стать предметом спора между сторонами. Концепция справедливости и разумности подчеркивает, что увеличение имущества одного лица за счет другого должно иметь законные основания и не должно происходить произвольно.

В настоящее время нормы об обязательствах вследствие неосновательного обогащения содержатся в законодательстве. Такое обогащение, лишённое законности, является несправедливым и противозаконным, поскольку приводит к ущемлению имущественных интересов потерпевшего.

Оно направлено на защиту субъективных прав лиц, чье имущество было незаконно приобретено или сохранено другим лицом. Неосновательное обогащение является средством восстановления справедливости и требует соответствующего регулирования в законодательстве.

Понятие неосновательного обогащения определено в статье 1102 ГК РФ, которая находится в одноименной главе 60.

Сторонами такого обязательства являются приобретатель (должник), обязанный компенсировать материальные убытки потерпевшей стороне, и потерпевший (кредитор), владеющий соответствующими встречными правами.

Обязательства, возникающие из неосновательного обогащения, также известны как кондикционные обязательства (по латинскому *condicio indebiti* — возврат неправомерно приобретенного).

Иск о возврате неосновательного обогащения, известный как кондикционный иск, рассматривается в контексте имущества, включая вещи, наличные деньги, безналичные средства и прочие блага.

По закону, неосновательное обогащение возникает тогда, когда имущество было приобретено или сохра-

нено лицом без законных оснований или сделок. Кондикционный иск предусматривается статьей 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации и подпадает под статью 128 ГК РФ.

Получение имущества без должного обоснования является недопустимым, если нет четких причин для такого приобретения, например, через сомнительный контракт. При этом один человек может обогатиться за счет другого.

Примеры необоснованного приобретения включают в себя следующие ситуации: 1) выплата долга, который уже не существует (возврат средств должником, который уже был погашен); 2) выполнение обязательства с излишней суммой, чем требуется для оплаты.

Исполнение фиктивной обязанности возникает из-за ошибок, которые могут возникнуть при передаче товара, когда количество товара превышает необходимое количество.

При сохранении имущества одного лица оно остается неизменным, несмотря на то что оно должно было уменьшиться из-за израсходования средств.

«Цивилистика: от прошлого к современности» подчеркивает важность правильной информации и нормального положения дела для избежания возможных ошибок и недопониманий.

В случае, когда имущество данного лица должно было уменьшиться, но не уменьшилось, сбережение имущества рассматривается как неосновательное обогащение. Например, такая ситуация может возникнуть при расторжении договора, после того как сторона уже перечислила деньги, и другая сторона всё ещё удерживает начисленные суммы. Потерпевшим в данном случае считается лицо, которое лишается денежных средств или иного имущества без получения эквивалента.

Например, после расторжения договора вы остаётесь без возмещения и теряете средства, что приводит к обогащению другого лица.

В случае, если была произведена предоплата, но в результате вторая сторона не выполнена свою часть обязательства (не выполнила работы или не поставила товар), то сумма предоплаты становится незаконным обогащением для другой стороны.

Согласно общим правилам, незаконное обогащение должно быть возвращено (согласно статье 1102 ГК). Однако существуют исключения из этого правила. Например, если контрагент сможет доказать, что другая

сторона была в курсе отсутствия обязательства или что имущество было передано в благотворительных целях, в таком случае невозможно потребовать его возврата.

Имущество, переданное во исполнение обязательства до наступления срока исполнения, если обязательством не предусмотрено иное, не является неосновательным обогащением.

Также не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения заработная плата и приравненные к ней платежи, алименты, возмещение вреда, стипендии, пенсии и другие денежные суммы, предоставленные гражданину. Имущество, переданное во исполнение обязательства после истечения срока исковой давности, также не возвращается как неосновательное обогащение.

Денежные средства, которые часто требуются в качестве компенсации за неосновательное обогащение, являются средствами к существованию.

Эти случаи включают в себя временное пользование имуществом без намерения его приобрести или использование услуг других лиц. В таких ситуациях должник должен возместить сумму, которую он сэкономил благодаря такому использованию.

Поэтому, если кто-то пользуется имуществом без оплаты, он должен будет вернуть стоимость этого пользования в денежном эквиваленте, чтобы избежать недобросовестности и ошибок в учете.

Индивидуальный предприниматель не уделял внимание претензии администрации города о взыскании неосновательного обогащения за пользование земельным участком, поэтому истец обратился в суд. В результате суд удовлетворил иск, и денежные средства были взысканы с предпринимателя в пользу бюджета муниципального образования городского округа.

Согласно статье 1107 Гражданского кодекса РФ, лицо, которое незаконно овладело имуществом, обязано вернуть все доходы, которые получило из этого имущества, с момента, когда узнало об этом. Возникает спорный вопрос о возмещении ущерба в случае необоснованного обогащения за пользование земельным участком и за пользование чужими денежными средствами.

Согласно мнению В. Т. Смирнова, компенсация для пострадавшего зависит от того, насколько обогатился должник, и не соответствует убыткам потерпевшего.

Например, обязательства, возникающие при причинении вреда, обеспечивают полное восстановление имущественной области пострадавшего.

А. В. Климович разделяет это мнение, отмечая, что законодательство, требующее взыскания всей стоимости имущества без учета выгод, полученных приобретателем, направлено на.

Право потерпевшего на взыскание доходов, как часть максимальной защиты его интересов, необходимо рассматривать с учетом имущества ответчика, а не истца.

Положение о возможности истребования доходов, не только фактически полученных, но и потенциальных, кажется некорректным, так как это право привязано к имуществу, полученному или сохраненному потерпевшим. В результате потерпевший имеет преимущество перед другими сторонами в данной ситуации.

В случае, если мы говорим о приобретателе, то понимаем, что расчет дохода, который он должен был получить, не является конкретным. Это может быть связано с тем, что приобретатель не имеет имущества в натуре или не использует его для получения дохода.

Если говорить о возврате неосновательного обогащения, то возмещение должно производиться только за фактически полученное имущество и реальные доходы, а не за предполагаемые.

Однако ученый О. С. Иоффе высказывает противоположное мнение, говоря о том, что неосновательное обогащение можно определить в любом случае.

По мнению М. В. Телюкиной, важно понимать, что размер взыскиваемых доходов не зависит от того, использовал ли потерпевший имущество или не мог бы использовать его без неосновательного обогащения. Кроме того, кредитор имеет возможность убедить, что приобретатель, владеющий

Полученный доход должен быть взыскан вместе с доходом, который мог быть получен, если бы была проявлена необходимая степень заботливости и осмотрительности. Неосновательное обогащение — это институт, постоянно развивающийся, с основой в принципе возврата чужого.

Данный принцип остается актуальным и в настоящее время, что делает его дополнительным средством защиты нарушенных субъективных прав.

Литература:

1. Новак Д. В. Неосновательное обогащение в гражданском праве: моногр. М.: Статут, 2010.
2. Гражданское право: В 4 т. Том 4: Обязательственное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Витрянский В. В. и др.]; отв. ред. — Е. А. Суханов. — 3е изд., перераб. и доп. — М.: ВолтерсКлувер, 2006. — С. 634.
3. Решение Арбитражного суда Белгородской области № А08–10119/2021 от 16 декабря 2022 г. (дата обращения: 05.04.2022).
4. Смирнов В. Т. Гражданское право: Учебник. М.: Проспект, 1998
5. Климович А. В. Ст. 1103 Гражданского кодекса РФ: новый аспект реализации кондикционных обязательств: моногр. М.: ИНФРА-М, 2020.
6. Иоффе О. С. Обязательственное право: моногр. М.: ИНФРА-М, 1975.

Неосновательное обогащение в гражданском праве России

Королева Кристина Сергеевна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье рассмотрены исторические аспекты возникновения и развития института неосновательного обогащения, его роль в системе гражданского права.

Приведены теоретические основы неосновательного обогащения, в том числе, определены ключевые элементы и отличия от смежных правовых категорий. Также в статье рассмотрены актуальные проблемы и перспективы развития правового института неосновательного обогащения, дана оценка его значимости в целях соблюдения правопорядка в гражданском обороте.

Ключевые слова: неосновательное обогащение, гражданское право, теория права, нормативное регулирование, Гражданский кодекс РФ, судебная практика, юридическая природа.

В контексте истории института неосновательного обогащения рассматривается его влияние на гражданское право и позиционирование в системе правовых норм. Важное значение придается теоретическим базам неосновательного обогащения, включая выделение ключевых элементов и отличительных черт от смежных правовых концепций. Также освещаются перспективы и актуальные проблемы развития данного института, подчеркивая его важность для обеспечения правосудия и установления законности в гражданском обороте.

В сфере современной правовой науки и практики особое внимание уделяется проблемам неоправданного обогащения, поскольку они затрагивают основополагающие принципы справедливости и равноправия сторон в гражданском обороте. Неоправданное обогащение определяется как ситуация, когда одно лицо получает имущественные преимущества за счет другого лица без наличия законных оснований. Эта концепция играет роль инструмента для восстановления нарушенного баланса интересов в цивилистических отношениях.

Запрет на незаконное обогащение является одной из важнейших задач правовой системы, направленной на предотвращение недопустимости получения выгоды за счет других лиц. Это противоречит принципам справедливости и правосудия. Однако, в различных правовых системах мира, проблема незаконного обогащения находит свое отражение через понятия обязательств и собственности. Принципы, регулирующие вопросы незаконного обогащения, играют важную роль в обеспечении правовой защиты участников гражданского оборота. Они позволяют судам учитывать не только формальные, но и справедливые основания при разрешении споров.

Изучение механизмов регулирования гражданских правоотношений и разработка эффективных средств правовой защиты могут быть достигнуты через анализ правовой природы неосновательного обогащения. Понятие неосновательного обогащения имеет свои корни в древнеримском праве, которое оказало огромное влияние на развитие частного права по всему миру. Уже в римском праве был предусмотрен институт кондикций (лат. con-

dictio), который представлял собой способ возврата незаконно полученных или сохранных активов.

В системе гражданского права исторический аспект института неосновательного обогащения рассматривается в статье Д. А. Рамазановой. Классификация кондикций основывается на различных принципах, включая *condictio indebiti* для возврата неправомерно уплаченного и *condictio sine causa* для общего случая возврата безосновательного обогащения. Эта работа опубликована в журнале «Молодой ученый» в 2024 году под номером 7 (506) на страницах 121–125.

В статье рассматриваются ключевые слова, такие как Гражданский кодекс РФ, правоприменительная практика, правовая справедливость, теория права, а также история права. Основной упор делается на значимость неосновательного обогащения в обеспечении справедливости и правопорядка в гражданском обороте, а также на анализе актуальных проблем и перспектив развития данного правового института. Важным аспектом является определение ключевых элементов неосновательного обогащения и выявление отличий от других правовых категорий. Рассматриваются также судебные решения и нормативное регулирование, что позволяет более глубоко понять юридическую природу данного явления.

Очень важно отметить, что в современной практике судов и правовой науке ключевые слова, связанные с несправедливым обогащением, играют важную роль. Эти вопросы затрагивают основные принципы справедливости и равенства перед законом в сфере гражданского права. Несправедливое обогащение определяется как ситуация, когда одно лицо получает материальное преимущество за счет другого лица без законной основы. Эти проблемы изучаются в контексте истории права, теории права, нормативного регулирования, а также через рассмотрение практики применения законов, решений судов и справедливости в правовом смысле. Гражданский кодекс Российской Федерации также учитывает этот аспект и включает соответствующие нормы.

В различных правовых системах по всему миру тесно связаны такие категории, как обязательства и собственность. Основной целью правового регулирования в сфере

неосновательного обогащения является предотвращение возможности одних лиц обогащаться за счет других безвозмездно, что противоречит основам справедливости и экономическому равенству. Этот подход выступает как средство коррекции цивилистических отношений, направленное на восстановление равновесия интересов, нарушенного в процессе.

Неосновательное обогащение, хотя и является старинным понятием, оказывает существенное воздействие на правовую систему современного общества.

Принципы и нормы, регулирующие этот вид обогащения, играют важную роль в обеспечении справедливости и законности в гражданском обороте.

Суды, разрешая споры, учитывают не только формальные аспекты, но и основания справедливости, что способствует развитию эффективных механизмов защиты гражданских прав. Изучение правовой сущности неосновательного обогащения открывает широкие перспективы для лучшего понимания регулирования правовых отношений и создания действенных средств правовой защиты. Важно отметить, что история этого понятия уходит своими корнями в древнеримское право, которое оказало значительное воздействие на развитие частного права в различных странах мира.

В средневековой Европе, с развитием феодализма, кондиции стали широко распространены и использовались для возврата незаконно нажитых богатств. Различные типы кондиций были классифицированы по разным критериям, включая *condictio sine causa* для возврата безосновательного обогащения и *condictio indebiti* для возвращения неправомерно уплаченных средств. Понятие неосновательного обогащения претерпело изменения под влиянием социально-экономических трансформаций и стало адаптироваться к новым условиям.

В российском праве уже с давних времен были установлены нормы, связанные с тем, что можно считать несправедливым обогащением. Эти принципы были важны и в период кодификации законов в 18–19 веках во многих европейских странах.

Например, в законах Франции и Германии разрешалось регулировать ситуации, когда кто-то получает что-то несправедливо. Такие нормы способствовали формированию современного понимания этого юридического вопроса. Они сохраняли свою актуальность и в последующие времена, включая советский период и современное развитие законодательства в Российской Федерации.

Изучение исторического контекста неосновательного обогащения позволяет понять современные нормы и практики, связанные с данной темой. Постоянная актуальность концепции неосновательного обогащения подчеркивается изменением формы и содержания этого правового института. Теоретическое понимание неосновательного обогащения включает в себя анализ ключевых элементов и особенностей, которые отличают его от других правовых категорий.

Предполагая наличие трех основных компонентов, это понятие включает в себя обогащение одной стороны, убыток другой стороны и отсутствие юридического основания для перемещения имущества. Приобретение имущества, денег или иных экономических выгод без соответствующего основания — вот что подразумевает обогащение. Это может происходить из-за ошибок, неправомерных действий или обстоятельств, не предусматривающих переход права собственности, таких как получение активов по ошибке. Убыток другой стороны является непосредственным результатом обогащения первой стороны.

Потеря имущества, средств или ресурсов, которые случайно перешли к другой стороне, может привести к убыткам. Неправомерное перемещение активов может произойти без какого-либо юридического основания, такого как соглашение, судебное постановление или закон. Это отличает неправомерное обогащение от легальных способов передачи активов, таких как договорные отношения или наследование. Важно также учитывать различие между неправомерным обогащением и другими правовыми категориями.

Изучение теоретических аспектов неосновательного обогащения помогает лучше понять его юридическую сущность и место в общей структуре гражданского законодательства. В отличие от ситуаций неосновательного ведения дел, здесь не предполагается намеренное управление чужими интересами.

Например, различие между обязательствами, возникающими из причинения ущерба, и случаями неосновательного обогащения заключается в том, что для последнего не требуется доказывать вину обогатившейся стороны. Это также способствует разработке более эффективных юридических механизмов защиты пострадавших лиц от неправомерных действий других участников правовых отношений.

В Российской Федерации нормативное регулирование случайного обогащения основано на положениях Гражданского кодекса. Ключевые принципы данного правового института отражаются в этих нормах, которые определяют порядок и условия возвращения имущества, полученного без основания.

Статьи 1102–1105 Гражданского кодекса являются основополагающими в этом регулировании случайного обогащения. Они предписывают, что лицо, которое получило имущество без права или продолжает владеть имуществом, на которое у него нет законного права, должно вернуть это имущество владельцу.

В случаях, когда имущество было приобретено в результате недействительности сделок или исполнения несуществующего обязательства, особое внимание уделяется в российском законодательстве. Обогащенное лицо, несмотря на отсутствие вины, обязано вернуть все полученное, включая доходы и выгоды. Возврат имущества должен учитывать его возможные изменения и компенсацию убытков.

Нормативное регулирование неосновательного обогащения в РФ играет важную роль в правовых отношениях, направленное на защиту прав собственности и обеспечение справедливости в гражданском обороте, что обеспечивает справедливый баланс интересов между сторонами. Юридическая природа неосновательного обогащения включает в себя анализ его структуры и функций в контексте гражданского права.

Однако, этот институт базируется на принципе справедливости, который предполагает необходимость восстановления баланса между сторонами, когда одна сторона без законных оснований обогащается за счет другой. Такие нормы призваны предотвращать необоснованное перемещение имущественных ценностей и поддерживать порядок в гражданском обороте.

Различные формы неосновательного обогащения могут проявляться в различных ситуациях, в каждой из которых есть свои особенности.

Например, исполнение несуществующего обязательства — это ситуация, когда лицо выполняет обязательство, которого на самом деле нет или которое было отменено. Также классическим случаем неосновательного обогащения является обогащение за счет другого лица без законного основания, когда человек получает или удерживает имущество другого лица без правового основания, например, из-за ошибки, недействительности сделки или незаконных действий.

Признание сделки недействительной приводит к возврату всех полученных по ней благ, поскольку отсутствует законное основание для сохранения приобретенного богатства.

Литература:

1. Вышегородцева Т. С., Гончарова С. Г. Неосновательное обогащение: теория и практика применения // Весенние дни науки: сборник докладов Международной конференции студентов и молодых ученых. — Екатеринбург, 2023. — Издательство Издательский Дом «Ажур», 2023. — С. 1300–1302.
2. Голоскубов И. Н. Неосновательное обогащение. История зарождения института и его место в современном российском праве // Научный электронный журнал Меридиан. — 2021. — № 4. — С. 120–122.
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023).
4. Демьяненко Е. В., Шпак А. В. Отдельные вопросы обязательств вследствие неосновательного обогащения // Юристы-Правоведь. — 2020. — № 2 (93). — С. 28–31.
5. Сергеева Е. А. Неосновательное обогащение-проблемы и практика применения норм законодательства // Актуальные проблемы науки: взгляд студентов. — 2023. — С. 51–54.
6. Скворцова Т. А., Акаимова Ю. П. Обязательства из неосновательного обогащения в системе гражданско-правовых обязательств // Актуальные научные исследования в современном мире. — 2020. — № 2–3. — С. 110–113.
7. Ушахина Т. Н. Неосновательное обогащение в современном российском праве // Молодёжь, наука, образование: актуальные вопросы, достижения и инновации. — 2021. — С. 242–245.

Допрос как следственное действие: цель проведения и основные участники

Кочура Николай Николаевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Результаты расследования уголовного дела напрямую зависят от своевременного и качественного проведения следственных действий. Проведение следственных действий позволяет обнаружить доказательства о преступлении, совершенном определенным лицом, либо же выявить отсутствие доказательств совершения самого преступления или участия данного лица в нем.

Допрос является ключевым следственным действием, имеющим особое доказательственное значение. Процессуальная цель допроса позволяет выделить его из ряда следственных действий. Исследователи в науке высказывают различные мнения относительно цели допроса, вызывая споры по данному вопросу [2].

На сегодняшний день в литературе нет единого мнения о том, как следует определять процессуальную цель допроса как следственного действия. Закон не содержит определения этого понятия, что делает данное исследование важным как с практической, так и с теоретической точек зрения. Исследования по данному вопросу занимают значительное место в научной литературе. Представители уголовного процесса, криминалистики и юридической психологии высказывали различные точки зрения на этот вопрос. Среди них такие исследователи, как А. И. Баянов, Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, В. Л. Васильев, А. И. Винберг, А. Я. Вышинский, Е. П. Ищенко, Л. М. Карнеева, И. Ф. Крылов, П. П. Михеев, Н. И. Порубов, Н. А. Рагинова,

С. Я. Розенблит, Г. Г. Фейгин, Б. М. Шавер, И. Н. Якимов и другие [4].

В истории отечественной криминалистики особое место занимают работы И. Н. Якимова и П. П. Михеева, которые в 1930-х годах впервые указали на непосредственную связь между допросом и целью уголовного доказывания, подчеркивая, что обе эти задачи направлены на выяснение истины в рамках уголовного дела. Однако в своих изысканиях они не проводили ясной границы между личными амбициями во время допроса и общей целью собрания доказательств. Эта традиция поставить допрос в ряд важнейших инструментов установления истины начала меняться в 1940-х годах, когда в научном сообществе стали активно обсуждать необходимость разделения целей допроса и процесса доказывания в уголовном процессе.

В период с 1940 по 1950 годы специалисты в области уголовного процесса и криминалистики, в том числе авторы учебного и научного материала, настаивали на важности марксистско-ленинской философии как фундамента для расследования уголовных дел. Они подчеркивали, что в рамках этой философии, понятия «правда» и «истина», понимаемые как соответствие фактической информации действительности, считаются взаимозаменяемыми. С этой позиции, проведение допросов в ходе следствия должно было не только способствовать выявлению истины в контексте конкретного уголовного дела, но и отражать более широкие философские принципы.

В области исследования уголовного процесса и криминалистики, эксперты вроде А. Я. Вышинского и Г. Г. Фейгина подчеркивали значимость показаний, верно отражающих реальность. В период с 1970 по 1980 годы, А. Н. Васильев в своих научных трудах о тактике проведения допросов акцентировал внимание на важности извлечения информации, точно соответствующей фактам расследования, подчеркивая, что истинная ценность показаний заключается в их достоверности. С другой стороны, И. Ф. Крылов высказывался против традиционной цели допроса, заключающейся в получении исключительно правдивых показаний. Он аргументировал, что для разгадки преступлений и достижения основной цели — выявления истины, критически важно стремиться к получению не просто правдивых, но прежде всего достоверных показаний, которые не окрашены субъективными восприятиями.

В указанном временном отрезке Р. С. Белкин определял основной задачей проведения следственного допроса извлечение показаний, которые верно отражают факты. Современные эксперты также сходятся во мнении, что ключевая цель допроса заключается в выявлении достоверной информации. В то же время, понятие «правдивые показания» и его глубинный смысл на данный момент в научных работах практически не анализируются.

Данные учёные пытались рассмотреть цель допроса с позиций лингвистики, диалектического материализма марксистско-ленинской философии, конечной цели всего процесса доказывания по уголовному делу, которую они

видели в установлении истины по делу, а также с позиций такого свойства доказательств, как достоверность. Между тем идеи на цель допроса, с учётом новых реалий, должны быть пересмотрены с позиций современной теории познания, не отягощённой конкретной одной идеологией, как единственно верной. Подход к цели допроса должен быть проанализирован с учётом современной психологии показаний и положений теории криминалистического анализа, собственных гносеологических аспектов допроса, отличающих его от общей цели доказывания, как самостоятельного следственного действия [4].

Важной целью проведения допроса является выявление и фиксация информации, свидетельствующей о причастности к преступлению и участии определенного лица в нем, а также о других фактах, которые необходимо доказать. Необходимо также выяснить и зафиксировать источники, из которых можно получить дополнительные данные обстоятельств уголовного дела. Эта информация может включать в себя сведения о других лицах, имеющих к нему. Необходимо отметить, что проверка достоверности собранных доказательств, которые получены при проведении других следственных процедур, предусмотренных законодательством об уголовном процессе и уже включенных в уголовное дело, имеет значение [3].

Статья 73 УПК РФ устанавливает, что информация, которая имеет значение для расследования и подлежит доказыванию, является предметом допроса. Согласно статье 74 УПК РФ, показания свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, эксперта и специалиста являются одним из видов доказательств. Допрос эксперта и специалиста проводится при предоставлении показаний на основе предыдущего заключения.

В соответствии со ст. 74 УПК РФ доказательствами являются допросы свидетеля; потерпевшего; эксперта; специалиста; подозреваемого; обвиняемого (подсудимого) [1].

Когда информация в ходе допроса получена в соответствии с установленными нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, она приобретает юридическую значимость как доказательство.

Участниками допроса как следственного действия являются допрашивающий и допрашиваемый. Задачу проведения допроса, направленного на реализацию упомянутых целей, на себя берут официальные представители следственных органов или судебных инстанций.

Под допросом понимается регламентируемое уголовно-процессуальным законом следственное действие, заключающееся в построении диалога между субъектом предварительного расследования или судебного следствия и допрашиваемым лицом. Этот обмен информацией направлен на выявление фактов, имеющих значение для доказывания в рамках изучаемого преступления. Взаимодействие между сторонами может осуществляться через систему вопросов и ответов или через метод, позволяющий опрашиваемому свободно излагать информацию (свободный рассказ) [5].

Причиной для осуществления допроса является информация, согласно которой допрашиваемое лицо знает о наличии данных с доказательственным значением в рамках уголовного процесса, и предполагается, что опрашиваемый лицо может располагать такими данными.

В большинстве случаев опрашивают таких лиц как свидетели, потерпевшие, подозреваемые и обвиняемые. Однако Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации также допускает проведение допросов с участием иных фигурантов уголовного дела, включая экспертов и специалистов.

Уголовно-процессуальное законодательство определяет основные принципы и условия, которые необходимо соблюдать в процессе допроса, включая как общие положения, обозначенные в статье 164 УПК РФ, так и конкретные правила, изложенные в статьях 187–191 УПК РФ и других соответствующих нормах. Это, в том числе, нормы, закрепляющие порядок вызова на допрос и правила допроса различных категорий граждан (несовершеннолетние, военнослужащие и др.) [1].

Допрос на судебном следствии регулируется ст. ст. 275–278, 280–282 УПК РФ и др. Обратим внимание на участие и роль в допросах лиц, не осуществляющих ни предвари-

тельное расследование, ни судебное следствие. На стадиях предварительного расследования и судебного следствия защитник имеет право участвовать в допросе своих подзащитных (п. 5, ч. 1 ст. 53 УПК РФ), эксперт участвовать и задавать вопросы при производстве следственных действий (п. 3, ч. 3 ст. 57 УПК РФ), специалист задавать вопросы (п. 2, ч. 3, ст. 58 УПК РФ) [1].

Таким образом, допрос — это следственное действие, в ходе которого следователь (дознатель), орган дознания, судья получают от допрашиваемого лица фактические данные об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Эта информация должна основываться на личном опыте лица или на данных, полученных от других, на которых это лицо может ссылаться. Важно, чтобы в процессе этого следственного действия не происходило искажение фактов или внесение личных выводов и умозаключений допрашиваемым. Сам допрос направлен на выявление деталей окружающей обстановки в момент происшествия и особенностей психологического состояния допрашиваемого, которые могут повлиять на его показания. Получение таких данных позволяет более полно и объективно рассматривать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
2. Загорьян С. Г. Допрос как следственное действие в Российском уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 2(105). С. 155–164.
3. Сейфили Т. Я. Допрос как следственное действие: виды и тактика его проведения // NovaUm.Ru. 2020. № 28. С. 103–105.
4. Семеновский А. И. Получение правдивых показаний — цель следственного допроса: доказательственный аспект / А. И. Семеновский // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 1(62). С. 186–193.
5. Сибилькова А. В. Психологические аспекты тактики допроса в парадигме развития криминалистики // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1(61). С. 101–109.

Конституционное право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением

Кравцова Валентина Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Булуктаева Киштя Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (г. Элиста)

В настоящей статье рассмотрено конституционное право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением. Установлено, что в контексте, где за прекращение уголовного дела по нереабилитирующим причинам отвечает в основном судебная власть, у лица, допустившего нарушение закона, не возникает мотивации для быстрого урегулирования причинённого ущерба или взаимодействия с органами дознания, следствия в поисках украденного имущества или выявления других соучастников преступления.

Ключевые слова: возмещение вреда, потерпевший, преступление, конституционное право

Конституционное право жертвы на восстановление утраченного из-за преступного посягательства воз-

мещается через механизм уголовно-процессуальной ре- ституции, регламентированный статьями 81 и 82 УПК

РФ, касающимися вещественных улик и порядка их хранения. Реституция предполагает возврат имущества законному обладателю, если оно было изъято незаконным способом. Этот метод компенсации считается наиболее эффективным и удобным, так как позволяет избежать таких препятствий, как инфляция или дефицит, и обеспечивает оперативное восстановление нарушенных прав на имущество. Именно этот процесс многие эксперты признают предпочтительным по сравнению, например, с подачей гражданского иска [1–3].

Меры, направленные на обнаружение и конфискацию украденного имущества, выделяются своей эффективностью, когда они осуществляются без промедления, оптимально — на этапе возбуждения уголовного процесса. Важность оперативного принятия таких решений заключается в возможности находить, изымать и восстанавливать права законных владельцев на похищенные ценности. В контексте усиления мер по возврату ущерба, вызванного криминальными действиями, предлагается внести поправку в статью 160.1 УПК РФ, добавив пункт, обязывающий органы следствия и дознания активно работать над возвращением потерянного имущества его владельцам при обнаружении фактов его пропажи в результате преступления.

Ключевым аспектом в возврате украденного является прерывание так называемой «преступной цепочки», что помогает предотвратить переход имущества к третьим лицам, что в итоге способствует его исключению из легального оборота и препятствует легализации доходов и активов, добытых преступным путем.

В. В. Дубровин указывает на значительный изъян в регулировании реституции по действующему уголовно-процессуальному законодательству России — процесс возврата имущества является отложенным [4]. То есть реализация возврата происходит после окончательного решения по делу. Впрочем, стоит уточнить, что само решение о возврате откладывается, тогда как передача собственности законному обладателю может быть осуществлена сразу по завершении всех необходимых процедур (осмотр, идентификация и фиксация его как материального доказательства).

Центральное место в уголовном судопроизводстве занимает гражданский иск, который ориентирован на восстановление ущерба, нанесенного преступлением [5]. Этот элемент правовой системы наиболее детально прописан в статьях 44, 45, 160.1, 250, 268 УПК РФ. В общей теории права гражданский иск определяется как универсальный механизм защиты прав и интересов.

Хотя в УПК РФ отсутствуют точное законодательное определение гражданского иска и требования к его оформлению, авторитетные источники и академические работы чаще всего описывают гражданский иск как запрос на возмещение материального ущерба и компенсацию морального страдания, вызванных криминальными действиями. Это определение кажется вполне приемлемым.

Гражданский иск обладает вескими предпосылками для включения в уголовный процесс, причем его рассмотрение в этом контексте имеет следующие преимущества:

1) Одним из ключевых элементов при анализе уголовного дела становится тщательное изучение всех факторов, связанных с масштабом и качеством ущерба, который возник из-за преступления, и мер, предпринятых для его компенсации или исправления. Эти аспекты могут весомо повлиять на характер приговора, а также на размер назначаемого наказания.

2) Жертва преступления может подать иск без упоминания кого-либо в качестве конкретного ответчика, так как в начальной фазе следствия определить виновное лицо может быть затруднительно.

3) Интеграция гражданского и уголовного процессов дает преимущества в виде сокращения времени и ресурсов суда, устраняя необходимость двукратного рассмотрения аналогичных деталей в различных процессуальных форматах.

4) Обязанность определения наличия и масштаба ущерба в рамках уголовного дела удостоверяется посредством действий компетентных служб согласно пункту 4 части 1 статьи 73 УПК РФ, что снимает эту нагрузку с плеч потерпевшего.

5) Важным преимуществом синхронного рассмотрения уголовного и гражданского дела является поддержка следственных органов в отыскании похищенного или арестованного имущества для обеспечения исковых требований.

6) Объединение гражданского иска с уголовным делом освобождает истца от необходимости оплачивать государственную пошлину.

7) Прокурор, занимающийся не только поддержанием государственного обвинения, но и защитой прав потерпевших в рамках гражданского иска, активно участвует в обеих процессуальных плоскостях.

Судебная практика часто свидетельствует о том, что требования потерпевших о возмещении материального ущерба удовлетворяются в полном объеме, тогда как требования о возмещении морального вреда удовлетворяются лишь частично.

Использование конституционного права пострадавшего на компенсацию ущерба, нанесенного преступлением, требует инициативы не только от самого пострадавшего, но и от должностного лица, проводящего расследование, а также от прокурора, надзирающего за соблюдением законности в действиях органов предварительного следствия. Статья 160.1 УПК РФ, которая введена Федеральным законом от 28 декабря 2013 года № 432-ФЗ [6], обязывает следователя и дознавателя в случае выявления имущественного ущерба, вызванного преступлением, идентифицировать имущество подозреваемого или обвиняемого, а также лиц, ответственных за ущерб в соответствии с законодательством, стоимость которого покрывает урон, и обеспечить арест этого имущества. Данное законодательное положение позволило

вывести уровень защищённости имущественных прав пострадавших и гражданских истцов, чьи права были нарушены преступными действиями, на недосягаемую ранее высоту.

Подача гражданского иска в рамках уголовного процесса зависит от нескольких факторов:

- 1) пострадавшему был нанесен ущерб;
- 2) желание пострадавшего получить компенсацию за ущерб;
- 3) информирование пострадавшего о возможностях получения компенсации в рамках уголовного процесса;
- 4) решение пострадавшего оформить гражданский иск [7].

Форма гражданского иска, подающегося в рамках уголовного процесса, не была регламентирована положениями 57-й главы УПК РФ, действующей ранее. Проведенное нами исследование по анализу судебной и следственной практики выявило, что в ходе предварительного следствия большая часть гражданских исков формировалась по указанию следователей или дознавателей (или же заполнялась на нестандартных бланках, доступных в органах следствия и дознания). В том случае, когда иски подавались на этапе подготовки к суду или непосредственно в процессе судебного заседания, их оформление брали на себя адвокаты или юристы, оказывающие свои услуги на платной основе.

Большинство пострадавших от преступлений не имеют достаточных знаний в области права, что мешает им инициировать процесс взыскания ущерба и защиты собственных правовых интересов. Согласно статье 11 УПК РФ, лица, участвующие в уголовном процессе, должны быть обязательно проинформированы о своих правах и обязанностях со стороны судей, прокуроров, следователей и дознавателей, что на практике не всегда происходит корректно. С целью минимизации процессуальных сложностей и предотвращения вольного использования законов со стороны органов следствия рекомендуется использовать стандартные формы документов, включающие цитаты из закона о правах потерпевших, а также стандартизированные формы протоколов следственных действий. Тем не менее, на данный момент отсутствуют формализованные бланки для подачи исков и оформления гражданских исков, что затрудняет процесс оформления требований пострадавшими.

По мнению исследователей, в том числе В. И. Зубковой, нынешние уголовно-процессуальные механизмы не способны полноценно информировать пострадавших о их правах и способах их реализации, также отмечается нехватка статистических данных и специализированных руководств для правоохранительных органов, направленных на поддержку жертв преступлений, включая проблемы с возмещением материального ущерба [8].

Рекомендуется создать информационную брошюру, которая будет освещать права и обязанности потерпевшего в рамках уголовного процесса, чтобы улучшить их понимание. Данную брошюру можно будет передать потерпев-

шему лично или использовать как часть документации, применяемой в уголовном разбирательстве. Сейчас бланк постановления о признании лица потерпевшим уже включает всесторонний список его прав и обязанностей, зафиксированных в статье 42 УПК РФ. Согласно пункту 13 части 1 этой статьи, потерпевшему предоставляется право на получение копии данного постановления.

Важно подчеркнуть, что уголовно-процессуальное законодательство РФ не ограничивает действия органов предварительного расследования относительно компенсации ущерба, вызванного преступлениями, наличием судебных исков от потерпевших. С. Ф. Шумилин выразил точку зрения: «Органы предварительного расследования обязаны принимать меры по обеспечению компенсации не только уже заявленного ущерба, но и возможного в будущем» [9].

Эту же позицию поддерживают Г. В. Аршбой [10], В. В. Кальницкий [11] и И. Б. Тутьнин. И. Б. Тутьнин особо подчеркивает, что «с целью защиты прав потерпевших на возмещение ущерба, независимо от подачи искового заявления, возможно наложение ареста на имущество в соответствии с п. 1 ст. 115 УПК РФ. Это положение подкрепляется ст. 230 УПК РФ, согласно которой судья может принимать меры по обеспечению компенсации ущерба по инициативе не только гражданского истца, но и потерпевшего» [12]. Таким образом, законодательство предоставляет возможность применять меры по ст. 115 и 116 УПК РФ для защиты прав потерпевших, даже если формальный иск еще не был подан.

В соответствии с действующим законодательством, судебные органы не имеют права инициировать иск о взыскании ущерба, причиненного преступлением. В этом контексте значимую роль играет прокурор, который по положениям части 3 статьи 44 УПК РФ уполномочен представлять интересы государства, а также защищать права несовершеннолетних, недееспособных или ограниченно дееспособных граждан и других лиц, не способных самостоятельно охранять свои права. Однако на практике деятельность прокуроров в этом направлении часто ограничивается возмещением расходов на медицинское обслуживание пострадавших за счет средств фонда ОМС.

Принимая во внимание задачи, возложенные на прокурора законом, существует предположение, что законодатель ожидал более энергичного вовлечения его в защиту интересов пострадавших физических лиц. Некоторые эксперты видят решение в расширении полномочий прокурора, в предоставлении ему новых возможностей для более активного участия в судебных процессах. Это может быть сделано, например, за счёт предоставления прокурору права на подачу гражданского иска от имени пострадавшего при нанесении материального ущерба, возможности требовать арест имущества обвиняемого для обеспечения иска, что должно быть закреплено в статьях 222 и 226 УПК РФ [13]. Реализация данных предложений позволит усилить ответственность за преступления и улучшить профилактическую работу.

В дополнение к этому, усиление функций прокурора может включать в себя его право обращаться в суд с иском от имени любого субъекта, чьи права и законные интересы оказались нарушены [14]. Такое нововведение способствовало бы повышению эффективности защиты прав и законных интересов граждан, что, в свою очередь, укрепило бы правопорядок и законность.

До недавнего времени ответственность для тех, кто, действуя добровольно, возместил ущерб, возникший из-за преступления, никак не менялась в зависимости от того, когда именно была произведена компенсация данного ущерба (до передачи материалов уголовного дела в суд или после этого) [15]. Некоторые ученые высказывали мнение о необходимости внедрения в уголовное и процессуальное законодательство стимулирующих норм, которые бы освобождали от уголовной ответственности за присвоение чужой собственности, как это предписывают статьи 158–160 Уголовного кодекса РФ, если лицо компенсировало причиненный ущерб и способствовало раскрытию и расследованию преступления.

В соответствии с изменениями, принятыми Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ, и уточнениями, внесенными Законом от 3 июля 2016 года

№ 323-ФЗ, освобождение от ответственности в случаях экономических преступлений и назначение судебного штрафа стимулируют незамедлительное возмещение ущерба на стадии предварительного расследования. Поддерживаем заявление Р.М. Кашапова о том, что обеспечение определенных преференций виновным в преступлениях, но активно участвующим в раскрытии и расследовании, не нарушает принцип неизбежности наказания, но способствует его реализации. Это позитивное нововведение способствует экономии ресурсов, предназначенных на проведение следственных мероприятий [16].

Считается, что в контексте, где за прекращение уголовного дела по нереабилитирующим причинам отвечает в основном судебная власть, у лица, допустившего нарушение закона, не возникает мотивации для быстрого урегулирования причиненного ущерба или взаимодействия с органами дознания, следствия в поисках украденного имущества или выявления других соучастников преступления. Введение соответствующих «льгот» законодательством и возможность их практического использования могли бы ускорить процесс возмещения ущерба на этапе досудебного разбирательства для лица, совершившего преступление.

Литература:

1. Иванов Д. А. Значение разработки механизма возмещения вреда, причиненного преступлением в досудебном производстве по уголовному делу // Вестник Академии экономической безопасности МВД России.— 2015.— № 7.— С. 47–51.
2. Парфенова М. В. Реституция как форма возмещения ущерба при расследовании преступлений // Досудебное производство: проблемы и перспективы: матер. межвед. науч.-практ. конф., посв. 5-летию принятия УПК РФ.— М.: Московский университет МВД России, 2007.— С. 118–119.
3. Задорина Л. В. К вопросу о реституции в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: матер. IV междунар. науч.-практ. конф.— Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2006.— С. 113.
4. Дубровин В. В. Гражданский иск и другие институты возмещения вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве (международный, зарубежный, отечественный опыт правового регулирования): дис... канд. юрид. наук.— М., 2010.— 160 с.
5. Иванов Д. А. Актуальные вопросы обеспечения гражданского иска при производстве предварительного расследования, в целях создания гарантий возмещения вреда лицам, потерпевшим от преступлений // Библиотека криминалиста. Научный журнал.— 2016.— № 5 (28)— С. 230–236.
6. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Тарнавский О. А. Процессуальные особенности возмещения вреда в рамках уголовного судопроизводства // Вестник Самарского юридического института.— 2013.— № 3 (11).— С. 55.
8. Зубкова В. И. Уголовно-правовые средства защиты личности потерпевшего в РФ // Безопасность личности и защита жертв преступлений: матер. межвед. науч.-практ. конференции (19 марта 2010 г.).— М.: ВНИИ МВД России, 2010.— С. 82–85.
9. Руководство по расследованию преступлений: учеб. пособие/ рук. авт. кол. А. В. Гриненко.— М.: Юристъ, 2002.— 178 с.
10. Аршба Г. В. Прокурорский надзор за наложением ареста на имущество // Проблемы предварительного следствия и дознания.— М., 2003.— 93 с.
11. Кальницкий В. В. Следственные действия: учебно-методическое пособие.— Омск: Омская академия МВД России, 2001.— 172 с.
12. Тутынин И. Б. Правовое регулирование и практика применения наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве России.— М.: МосУ МВД России, 2009.— 238 с.

13. Золотая Е. А. Исковой способ защиты имущественных прав лиц, нарушенных преступлением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2006. — 225 с.
14. Денисов Ю. А. Компенсация морального вреда и возмещение ущерба как средство предупреждения преступлений // Законность. — 2006. — № 9. — С. 2–4.
15. До принятия Федерального закона от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»
16. Кашапов Р. М. Виды поведения, содействующего раскрытию и расследованию преступлений // Российский следователь. — 2011. — № 2. — С. 145–146.

Защита прав владельцев эмиссионных ценных бумаг: актуальные проблемы

Ларина Ольга Николаевна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

Цель данного исследования заключается в изучении проблематики защиты прав владельцев ценных бумаг. Методология данного исследования включает в себя системный подход, а также анализ статистических данных. Научная и практическая значимость данной статьи заключается в том, что выявлены проблемные аспекты в данной области, и предложены пути решения данных проблем.

Ключевые слова: права владельцев ценных бумаг, эмиссионные ценные бумаги, рынок ценных бумаг, защиты прав, виндикационный иск, фондовый рынок.

Protection of the rights of holders of equity securities: current issues

The purpose of this study is to study the problems of protecting the rights of securities holders. The methodology of this study includes a systematic approach, as well as an analysis of statistical data. The scientific and practical significance of this article lies in the fact that problematic aspects in this area have been identified and ways to solve these problems have been proposed.

Keywords: rights of owners of securities, equity securities, securities market, protection of rights, vindication suit, stock market.

Более чем тридцать лет назад, произошел переход экономики нашего государства от плановой к рыночной, таким образом в оборот входят ценные бумаги. С целью совершенствования возникшего рынка ценных бумаг был принят Федеральный закон № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [2], 5 марта 1999 года принят Федеральный закон № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» [3]. Таким образом, в нашем государстве было сформировано новое направление, а именно рынок ценных бумаг.

Защита гражданских прав и интересов является основной функцией правового государства. Защита гражданских прав является гарантией осуществления прав граждан. В Российской Федерации защита гражданских прав — это один из ведущих институтов гражданского права и законодательства, правовые нормы которого устанавливают способы и порядок осуществления защиты гражданских прав.

Гражданский кодекс РФ широко регламентирует допустимые способы защиты гражданских прав. Несмотря на то, часть первая Гражданского кодекса РФ введена в действие довольно давно, уровень правового регулирования

сферы защиты гражданских прав имеет ряд пробелов и противоречий. В связи с чем, в ходе реализации защиты гражданских прав, возникает множество проблемных моментов. Наиболее часто, спорные ситуации возникают относительно допустимости того или иного способа защиты нарушенных прав. В подобных случаях, необходимо руководствоваться общими началами гражданского законодательства, поскольку одна из целей которых сводится к ликвидации пробелов в праве.

Для защиты прав владельцев эмиссионных ценных бумаг характерны особые способы защиты.

Особыми способом защиты являются признание документарных ценных бумаг недействительными и признание выпуска эмиссионных ценных бумаг недействительным или несостоявшимся. В ч. 2 ст. 144 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что отсутствие обязательных реквизитов ценной бумаги или несоответствие ценной бумаге, установленной для нее форме, влечет ее недействительность [1].

В отношении эмиссионных ценных бумаг, которые в основном имеют недокументированную форму выпуска, применяется не признание ценной бумаги недей-

ствительной, а особый способ защиты — признание выпуска эмиссионных ценных бумаг недействительным или не имеющим юридической силы.

Использование такого способа защиты обусловлено как тем, что не существует отдельного документа с определенной формой и обязательными реквизитами, так и тем, что эмиссионные ценные бумаги не обладают индивидуальными характеристиками, и в рамках одного выпуска каждая эмиссионная ценная бумага обеспечивает набор прав.

Во-первых, содержание эмиссионной ценной бумаги содержится в решении о выпуске ценных бумаг, а право собственности на такие ценные бумаги отражается либо в реестре владельцев именных ценных бумаг, либо на депозитарном счете.

Невозможно подделать эмиссионную безопасность. Можно только незаконно изменить его принадлежность, сохранив при этом всю совокупность предоставляемых им прав неизменной.

Во-вторых, появление ценных бумаг позволило перераспределить между участниками не только бремя доказывания соответствующего права, но и риски, которые лежат как на кредиторе, так и на должнике [9].

Риски, связанные с долевыми ценными бумагами, сохраняются, но возлагаются не на уполномоченное лицо, а на лицо, которое закрепляет права. В результате признания выпуска эмиссионных ценных бумаг недействительным прекращаются права и обязанности между эмитентом и инвестором в регулирующих правоотношениях и возникают охранительные корпоративные правоотношения, в рамках которых восстанавливаются нарушенные права инвесторов.

Признание выпуска эмиссионных ценных бумаг недействительным затрагивает интересы всех инвесторов, и многие из них могут быть не заинтересованы в признании выпуска недействительным. Поэтому в случае, когда на определенных этапах эмиссии совершаются нарушения в отношении индивидуальных инвесторов, необходимо применять не признание всего выпуска эмиссионных ценных бумаг недействительным, а другие способы защиты нарушенного права, например, признание недействительной сделки, связанной с размещением ценных бумаг.

Наибольшую трудность вызывает защита прав инвесторов при выпуске ценных бумаг. Поскольку понятие ценных бумаг и соотношение документарных и бездокументарных ценных бумаг законодательно не закреплены, это не могло не привести к трудностям в области защиты ценных бумаг [4].

Существует необходимость в формировании субинститута защитных ценных бумаг, основополагающим принципом которого должен стать принцип преимущественной и всесторонней защиты прав и интересов инвесторов как наиболее уязвимых участников.

Владелец ценных бумаг и эмитент находятся в относительных правоотношениях друг с другом, и поэтому для защиты прав такого владельца могут применяться обяза-

тельные юридические методы защиты в рамках относительных правоотношений.

Для осуществления прав, закрепленных в эмиссионных ценных бумагах, требуется наступление определенных юридических фактов, формирующих фактический состав.

Таким образом, акционер приобретает право на получение дивидендов только после их объявления — решения акционерного общества о выплате дивидендов. Неисполнение эмитентом прав, удостоверенных ценной бумагой, означает возможность для владельца выпущенных ценных бумаг потребовать защиты своих прав обязательными юридическими средствами.

Гораздо сложнее обстоит дело с защитой прав владельцев эмиссионных ценных бумаг на ценные бумаги как объект права. Право на ценную бумагу как объект права является абсолютным и может быть нарушено неопределенным кругом лиц.

Документарные ценные бумаги могут быть защищены собственными методами защиты и, прежде всего, виндикационными исками. виндикационные способы защиты, которые заключаются в истребовании определенного имущества из чужого незаконного владения. Виндикационные способы защиты предусмотрены в ст. 301 и ст. 305 Гражданского кодекса РФ [1].

Хотя здесь могут возникнуть трудности, например, если документарные ценные бумаги зарегистрированы и, следовательно, они регистрируются либо в реестре, либо в депозитарии.

Такие ценные бумаги могут быть переданы только путем перевода, и только лицо, указанное в системе ведения реестра владельцев именных ценных бумаг или в депозитарии, может претендовать на сертификат такой документарной ценной бумаги.

Поскольку вопрос о правовом статусе недокументированных ценных бумаг не получил однозначного решения ни в законодательстве, ни в теории, проблема защиты прав владельцев таких ценных бумаг в случае их незаконного списания является одной из наиболее сложных и в то же время актуальных. Поскольку владельцы ценных бумаг заинтересованы в возврате ценных бумаг, и, прежде всего, акций, в натуральной форме, то средства защиты должны быть направлены на достижение этой цели. Такие средства могут использоваться либо в рамках относительного правоотношения и носить обязательный характер, либо в рамках абсолютного правоотношения и быть реально-правовыми.

Обязательные средства правовой защиты не способны обеспечить достижение необходимого результата — восстановления ситуации, существовавшей до незаконного списания ценных бумаг со счета владельца. Имущественные средства правовой защиты более эффективны, поскольку они предоставляют возможность потребовать ценные бумаги. Белов признает, что «кое-что еще уже защищается судами — абсолютные права на недокументированные ценные бумаги» [5].

Следует признать, что права на недокументированные ценные бумаги могут быть защищены имущественными и обязательными юридическими средствами защиты; среди последних основными являются признание сделок недействительными и требования к лицу, осуществляющему передачу. Но при использовании всех этих средств защиты обязательно должна учитываться специфика передачи прав на бездокументарные ценные бумаги — в порядке передачи. Законодательство о ценных бумагах исходит из того факта, что эмиссионные ценные бумаги могут принадлежать на праве собственности, что приводит к выводу о возможности применения как вещно-правовых, так и императивно-правовых средств защиты права собственности на эмиссионные ценные бумаги [8].

Средства правовой защиты реального права включают в себя виндикационные и отрицательные судебные иски.

Понятие виндикационного иска пришло к нам из римского права. Под виндикационным иском понимается искковое требование не владеющего собственника к незаконному владельцу об истребовании имущества в натуре. Основная цель данного способа защиты права собственности сводится к восстановлению утраченного собственником владения имуществом. При помощи виндикационного иска происходит защита всех правомочий собственника по владению, распоряжению и пользованию имуществом [7].

В ст. 302 Гражданского кодекса Российской Федерации установлены общие правила виндикационного иска. Так, согласно ст. 302 Гражданского кодекса РФ:

1. «При возмездном приобретении имущества у лица, не имевшего на то законного права отчуждения, тогда как приобретатель не знал, и не мог знать этого (именуемый добросовестным приобретателем), собственник имеет право истребовать данное имущество у приобретателя, если данное имущество было утеряно собственником, законным владельцем или же было похищено у данных лиц, либо выбыло из владения иным способом и помимо их воли.

2. При безвозмездном приобретении имущества у лица, не имевшего на то законного права отчуждения, собственник данного имущества приобретает право его истребования в любом случае.

3. Не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя, деньги и ценные бумаги на предъявителя» [1].

Однако применение виндикационного иска, часто идет в разрез с принципом единообразия судебной практики.

Для того чтобы предъявить виндикационный иск, необходимо соблюдение трех условий:

1. Утрата владения имуществом со стороны собственника. Это может быть его потеря, хищение и т.д. эмиссионной ценной бумаги со стороны ее владельца.

2. Предметом истребования по виндикационному иску могут быть только вещи, характеризующиеся как индивидуально-определенные. Данное условие связано с тем,

что виндикационный иск направлен на истребование того имущества, которое выбыло из законного владения собственника.

3. Имущество, на которое направлен виндикационный иск, должно находиться в незаконном владении, т.е. без юридического основания владения (титула).

Создание абсолютно легального средства судебной защиты прав владельцев недокументированных ценных бумаг, построенного на принципах виндикационных требований, но с учетом специфики недокументированных ценных бумаг, специфики учета и передачи прав на них, будет адекватно отражать особенности регулируемых корпоративных отношений, и в то же время в то же время такое средство защиты не должно противоречить постулатам гражданского права. Вопрос о характере требования лица, утратившего право на ценную бумагу, предъявленного лицу, осуществившему передачу, ни в юридической литературе, ни на практике не получил однозначного решения.

Наиболее распространенным на практике является такой способ защиты прав владельцев ценных бумаг, используемый в рамках относительных корпоративных правоотношений, как признание недействительными сделок, повлекших списание эмиссионных ценных бумаг. Для владельца ценных бумаг, утратившего ценные бумаги в результате их незаконного списания, важно восстановить свои права на эти ценные бумаги [6].

Признание недействительной сделки, в результате которой произошло отчуждение ценных бумаг, еще не означает восстановления прав их владельца, поскольку ценные бумаги могут находиться у третьих лиц по другим причинам. Наличие оснований для оспаривания первой сделки не означает недействительности всех последующих сделок. Похоже, что до тех пор, пока не будет построен судебный процесс, направленный на защиту прав владельцев недокументированных ценных бумаг, построенный на тех же принципах, что и виндикация, но с учетом особенностей, присущих недокументированным ценным бумагам, судебной практике придется идти по пути признания недействительными сделок, которые являются основанием для передачи, поскольку признание передачи недействительной невозможно без признания недействительной сделки, послужившей ее основанием.

Резюмируя сказанное выше, следует отметить, что на сегодняшний день, в области защиты прав владельцев эмиссионных ценных бумаг, существует множество спорных и дискуссионных вопросов, единства мнения на которые не достигнуто. В первую очередь, дискуссии и споры связаны с неточностью законодательного закрепления ряда понятий и самим объектом защиты, каковым выступают права владельцев эмиссионных ценных бумаг. Что касается особого способа защиты прав владельцев эмиссионных ценных бумаг то таковым является, признание документальных ценных бумаг недействительными и признание выпуска эмиссионных ценных бумаг недействительным или несостоявшимся.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301,
2. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О рынке ценных бумаг» // «Российская газета», № 79, 25.04.1996.
3. Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ, 08.03.1999, № 10, ст. 1163
4. Абрамова Е. Н., Рудой А. А. Некоторые способы защиты нарушенных прав владельца бездокументарных ценных бумаг // «Вестник арбитражной практики», 2022, № 2 С. 63–65.
5. Белов В. А. Бездокументарные ценные бумаги: Научно-практический очерк. М., 2021. С. 53.
6. Галяткина Е. Ю., Колушева О. Ю. Виндикационный иск как способ защиты прав собственности владельца бездокументарных ценных бумаг // Студенческий вестник. 2023. № 41–2 (280). С. 62–65.
7. Гражданское право: В 3 т.: Учебник (том 1) / Под ред. С. А. Степанова.— М.: «Проспект», «Институт частного права», 2010.С. 311.
8. Иванова, А. И. Проблемы защиты прав владельцев эмиссионных ценных бумаг / А. И. Иванова // Аллея науки.— 2017.— Т. 2, № 8.— С. 585–589.
9. Рынок ценных бумаг / В. В. Иванов и др.— М.: КноРус, 2022.— 45 с.

Проблемы правового регулирования содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений

Леушкин Дмитрий Евгеньевич, курсант

Научный руководитель: Морозов Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент,
подполковник внутренней службы

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Новокузнецк, Кемеровская обл.)

Следственные изоляторы (далее — СИЗО) в отличие от исправительных учреждений предназначены для содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее УПК РФ) указывает, что подозреваемым является лицо:

1. в отношении которого возбуждено уголовное дело;
2. которое задержано по подозрению в совершении преступления;
3. к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения;
4. которое уведомлено о подозрении в совершении преступления.

Обвиняемым признается лицо, в отношении которого:

1. вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого;
2. вынесен обвинительный акт;
3. составлено обвинительное постановление.

Таким образом, лицо с момента возбуждения в отношении него уголовного дела является подозреваемым, а после вынесения постановления о привлечении данного лица в качестве обвиняемого приобретает новый статус — обвиняемого. В отношении лиц, содержащихся под стражей, действует презумпция невиновности, то есть они считаются невиновными, пока их виновность не будет доказана. Так как вина лиц, содержащихся под

стражей, не доказана, карательная сущность содержания минимизируется, тем самым определяется особенность правового положения подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений. Они пользуются правами и свободами, а также несут обязанности, установленные для граждан Российской Федерации, но с ограничениями, например, в отличие от осужденных подозреваемые и обвиняемые могут реализовывать свое избирательное право.

По состоянию на 2023 год на территории Российской Федерации функционирует 210 СИЗО, в которых содержится 112225 чел. и 71 помещение, функционирующее в режиме СИЗО, где находится 1735 человек [1].

Законодатель тщательно подошел к вопросу регулирования функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы, в том числе и следственного изолятора. Так, помимо уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ), который определяет, сроки содержания под стражей и условия заключения существует отдельный Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее — ФЗ «О содержании под стражей»). Помимо данного нормативно-правового акта существуют также Правила внутреннего распорядка СИЗО УИС, которые предусматривают права и обязанности подозреваемых и обвиняемых, материально-бытовое обеспечение, обеспечение личной без-

опасности, организацию оказания медицинской помощи, а также положения о предоставлении подозреваемым и обвиняемым дополнительных платных услуг, свиданий, телефонных разговоров, ежедневных прогулок, получении ими посылок, передач и др.

На первый взгляд может сложиться впечатление о том, что данные нормативно-правовые акты регулируют все возможные вопросы и никаких проблем в правовом регулировании быть не может, но это заблуждение. Обратимся к ФЗ «О содержании под стражей», в который с 1995 года неоднократно вносились изменения, однако устранить противоречия с другими нормативно-правовыми актами не удалось [2]. Так, ФЗ «О содержании под стражей» определяет, что содержание под стражей осуществляется в целях, предусмотренных УПК РФ, отсылая к действующей редакции УПК РФ, в котором отсутствуют цели содержания под стражей, а есть только основания для избрания меры пресечения, причем данные основания являются универсальными, позволяющими выбрать любую из мер пресечения. Если цели содержания под стражей необходимы, то их следует сформулировать.

Сравнив формулировки ФЗ «О содержании под стражей» и УПК РФ, можно сделать вывод, что ФЗ в полном объеме отражает все случаи, когда лицо будет являться подозреваемым и обвиняемым, что полностью дублирует положения УПК РФ, хотя целесообразно было бы закрепить такие определения как СИЗО, изолятора временного содержания, гауптвахты, которых до сих пор не предусмотрены ни одним нормативно-правовым актом [3].

Помимо данных противоречий, существуют также организационно-практические, например, раздельное содержание отдельных категорий подозреваемых и обвиняемых. Как известно, ФЗ «О содержании под стражей» закрепляет раздельное размещение в камерах, подозреваемых и обвиняемых, данные требования шире, нежели в исправительных учреждениях. Раздельное содержание в СИЗО преследует две главных цели: обеспечение нормального хода следствия, а также недопущение отрицательного влияния со стороны лиц, которые уже

имеют криминальный опыт. Проанализировав нормы отечественного законодательства, мы пришли к выводу о том, что разместить всех подозреваемых и обвиняемых с учетом требований, выдвигаемых законодателем сложно, это связано с большим количеством лиц, содержащихся в СИЗО. Данный факт подтверждают акты прокурорского реагирования, которые выносятся на несоблюдение положений о раздельном размещении лиц, содержащихся под стражей. Также отдельно хотелось бы уделить внимание вопросу, касаемого содержания в одном СИЗО взрослых и несовершеннолетних, а также больных инфекционными заболеваниями и здоровых, хотя в исправительных учреждениях данные категории содержатся в разных местах отбывания наказания [4].

В СИЗО часто происходят конфликты на фоне размещения подозреваемых и обвиняемых, причинами являются отсутствие свободных мест в камерах, иногда администрация СИЗО вынуждена разместить лиц с низким социальным статусом совместно с так называемыми «мужиками», что также подрывает нормальную обстановку. Также стоит отметить и отдельное размещение лиц, пользующихся государственной защитой, то есть это те подозреваемые и обвиняемые, жизни и здоровью которых угрожает опасность со стороны других подозреваемых и обвиняемых.

Подводя итог, хотелось бы отметить не только теоретические разногласия между УПК РФ и ФЗ «О содержании под стражей», но и проблемы правового регулирования раздельного содержания лиц, содержащихся под стражей. Несмотря на все вносимые изменения в российское законодательство, не представляется возможным на практике их реализовать, в том числе и из-за материальной составляющей. Увеличить лимит наполнения, значит увеличить число камер, что подразумевает дополнительные траты. Закрывать СИЗО, которые не отвечают санитарным условиям, значит перевести большую часть подозреваемых и обвиняемых в другое учреждение, в котором также не хватает мест размещения. Также как мы увидели на практике, классификационных признаков больше, нежели по закону и раздельно содержать всех не представляется возможным.

Литература:

1. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. Официальный сайт ФСИН России URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>
2. Нарышкина Н. Г. Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»: недостатки и пути решения // Проблемы уголовной ответственности и наказания. — 2021. — № 3. — С. 114–117.
3. Караваев И. В., Назарова Е. В. Новые нормы Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 11 (227). — С. 282–287.
4. Сенатов А. В. Некоторые проблемы нормативного правового регулирования раздельного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. — 2021. — № 4 (49). С. 116–120.

Преступления в отношении личности, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы правового регулирования

Лисов Игорь Леонидович, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье автор приводит современные способы и технологии вторжения в личную жизнь, совершаемых с использованием информационных технологий, а также рассматривает некоторые проблемы правового регулирования этого аспекта в условиях развития информационных технологий.

Ключевые слова: преступления, с использованием информационных технологий, законодательная база, правовое регулирование.

По данным официальной статистики за 2022 год, приведенной на сайте Центра правовой помощи гражданам в цифровой среде, показывают неуклонный рост числа преступлений, совершаемых с использованием интернет-технологий (далее — ИТ).

Согласно статистике МВД России в 2022 году зарегистрировано 522 тыс. преступлений, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной информации, что на 0,8% больше, чем в 2021 году. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес составил 26,5%.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в отношении несовершеннолетних зарегистрировано 6 141 преступление, 2 647 из которых направлены в суд с обвинительным заключением.

В отношении пенсионеров в 2022 году совершено 59 949 преступлений. Так, в Приволжском Федеральном Округе таких преступлений зафиксировано 11 646.

Отмечен существенный рост преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации — 9308 тыс.

Среди всех преступлений в сфере нарушения неприкосновенности частной жизни зарегистрировано лишь 862 преступления, предусмотренных ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации «Нарушение неприкосновенности частной жизни», 572 из которых направлены в суд с обвинительным заключением [7].

Приведенная статистика свидетельствует, что российское общество вступило в эру современных телекоммуникационных технологий, использование и совершенствование которых требует постоянной корректировки действующего законодательства.

В Российской Федерации эта тенденция нашла свое отражение в новой редакции ст. 71 Конституции Российской Федерации, согласно которой «применение информационных технологий» и «оборот цифровых данных» находятся в ведении государства [1].

Внесенная поправка свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования не только действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и др. федеральных законов и подзаконных норма-

тивных актов, регламентирующих ИТ и оборот цифровых данных в России, что лишней раз свидетельствует об актуальности вопросов, рассматриваемых в настоящей статье.

Основными законодательными актами, регулирующими вопросы неприкосновенности частной жизни являются Гражданский кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ), Семейный кодекс Российской Федерации, а также целый ряд таких федеральных законов, как «О связи», «О персональных данных», «Об информации, информационных технологиях и защите информации», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и др.

Данные документы позволяют государству осуществлять правовое регулирование информационной среды, переход к информационному обществу (обществу знаний) и защищать права и свободы граждан, организаций, самого государства в информационной среде. Однако, несмотря на урегулированность некоторых правовых аспектов защиты частной жизни личности в условиях развития цифровых технологий, многие вопросы остаются все еще все еще неурегулированными.

Связано это в первую очередь с тем, что способы нарушения неприкосновенности частной жизни в цифровой среде намного опережают меры ее защиты, поэтому в условиях информационного общества и широкого использования сети Интернет при реализации многих государственных и иных услуг в электронном виде полное обеспечение права граждан на неприкосновенность частной жизни объективно затруднено, т.к. законодательная база не успевает за прогрессом в сфере ИТ.

Масштаб совершаемых противоправных действий с использованием «цифрового пространства» стирает привычное понимание применения норм гражданского и уголовного законодательства, бросая все новые вызовы как теории, так и правоприменительной практике.

Ситуация усложняется, когда совершение преступления связано с использованием «цифрового пространства», охватывающего доступ множества государств и неограниченного круга лиц.

Нормативных понятий «цифровое пространство», «Интернет» не содержится в современных нормативно-

правовых актах. Определить его возможно через анализ совокупности нормативных документов и имеющихся в науке таких определений, как «информационное пространство», «киберпространство», «виртуальное пространство» и др.

В юридической литературе отмечается, что информационное пространство имеет две характерные особенности: трансграничность и отсутствие государственно-властного элемента [3].

В этих условиях киберугрозы в отношении личности разделяются на технологические угрозы; угрозы от действий государственных и негосударственных структур; угроза со стороны частных правонарушителей и различных коммерческих фирм, учреждений, организаций [2].

В юридической доктрине преступления, совершаемые с использованием ИТ-технологий, понимаются по-разному и толкуются неоднозначно. Основной проблемой является то, что официальное закрепление получила только одна группа деяний, объединенная в гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации».

Стоит отметить, что в исследованиях указывают два вида преступлений: преступления в сфере компьютерной информации в чистом виде и преступления, в которых используются информационные технологии в качестве средства их совершения.

Рассмотрим основные современные способы вторжения в личную жизнь.

Сбор данных через социальные сети. Последние предоставляют доступ к огромному количеству личной информации о пользователях. Компании и государственные органы могут собирать данные о предпочтениях, интересах, контактах и местоположении пользователей.

Аналитика поведения в сети Интернет позволяет отслеживать действия пользователей, анализировать их интересы и предпочтения. Это позволяет создавать различные профили личности, вплоть до сексуального портрета и предлагать им информацию, соответствующую их интересам.

Искусственный интеллект и машинное обучение. Эти технологии используются для анализа больших объемов данных и выявления закономерностей в поведении пользователей. Это позволяет предсказывать их действия и предлагать им персонализированные услуги и продукты.

Биометрические данные. Биометрические технологии, такие как распознавание лиц и отпечатков пальцев, используются для идентификации пользователей и контроля доступа к различным сервисам и устройствам.

Геопозиционирование позволяет отслеживать местоположение пользователей и предоставлять им информацию о ближайших событиях и услугах.

Большие данные и аналитика (Big Data). Сбор и анализ больших объемов данных о пользователях позволяет компаниям и организациям лучше понимать потребности и предпочтения клиентов, а также прогнозировать их поведение.

Современные технологии привносят множество преимуществ в нашу жизнь, однако они также открывают новые возможности для нарушения личной жизни.

В последнее время способы, которыми киберпреступники могут вторгаться в личную жизнь граждан, разнообразны. К ним относятся фишинг, вредоносное программное обеспечение (ПО), взлом учетных записей, онлайн слежка и мн. др.

Фишинг является одним из наиболее распространенных методов атаки на личные данные. Киберпреступники отправляют поддельные электронные сообщения или сообщения в социальных сетях, которые призваны обмануть получателя и заставить его раскрывать личные данные, такие как пароли, номера кредитных карт и др. конфиденциальную информацию.

Вредоносное ПО (malware) может быть установлено на устройстве пользователя без его ведома, что позволяет злоумышленникам получить доступ к личной информации, записывать нажатия клавиш, перехватывать данные сетевого трафика и мн. др.

Взлом учетных записей. Киберпреступники могут использовать слабые пароли или уязвимости в системах безопасности, чтобы взломать учетные записи пользователей. Это может привести к утечке личной информации, обращению от лица пользователя или даже к финансовым потерям.

Онлайн слежка. Большое количество персональной информации о нас доступно в онлайн-пространстве. Злоумышленники могут использовать эту информацию для отслеживания наших действий, предсказания поведения и даже для выявления местонахождения.

В юридической науке долгое время пытаются выработать и закрепить единую терминологию понимания данных видов преступлений. Сложность выработки юридически значимых понятий кроется в отсутствии однородного подхода относительно круга деяний, которые следует относить к преступлениям, совершаемым с использованием ИТ.

Все чаще исследователи дают более широкое понимание термина. Так, например Д. Н. Карпова указывает, что киберпреступление является актом социальной девиации с целью нанесения ущерба посредством любого технического средства с доступом в Интернет [3].

По мнению И. Г. Чекунова, киберпреступность также следует рассматривать шире компьютерной преступности постольку, поскольку для совершения киберпреступлений используются не только компьютеры, но и мобильные (сотовые) коммуникационные технические устройства и системы связи [5].

Некоторые исследователи, напротив, сужают определение киберпреступлений. Так, Д. Л. Шиндер указывает, что киберпреступность может определяться как подкатегория компьютерной преступности [6].

В научной литературе также упоминается понятие «преступления, совершаемые с использованием высоких технологий». Таким образом, ряд ученых фактически

уравнивает высокие технологии и информационные технологии, в то же время, отделяя информационные технологии от сферы компьютерной информации.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в юриспруденции отсутствует единообразие понятийного аппарата в сфере преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий.

Информационные технологии постоянно развиваются. В связи с этим преступность, связанная с ИТ, приобретает различные, порой, изощренные формы, связанные с посягательством на разнообразные виды общественных отношений, ответственность за которые не предусмотрена законом. Вместе с тем, следует отметить, что нормативное и правовое регулирование информационных отношений в современном российском обществе сформировалось,

представляя собой самостоятельное направление правового регулирования. Оно продолжает развиваться и реализуется в рамках государственной политики в сфере обеспечения информационной безопасности страны. Однако следует отметить, что в условиях развития информационных технологий пристальный интерес к теоретическим и практическим вопросам о сущности информационного общества будет еще долго актуален для юристов. Поэтому в этих условиях следует уделять большее внимание разработке правовых механизмов, которые бы обеспечивали защиту приватности частной жизни в цифровой среде, сохраняя при этом баланс между индивидуальными правами граждан и государственными (общественными) интересами, такими как безопасность и пресечение преступной деятельности.

Литература:

1. Конституции Российской Федерации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 15.05.2024).
2. Гаджиева З. Р. Становление и развитие конституционного законодательства Российской Федерации о доступе граждан к информации о деятельности органов публичной власти. Закон и право. 2013. № 12. С. 12–14.
3. Карпова Д. Н. Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть. 2014. № 8. С. 46–50.
4. Кочеткова М. Н. Процессуальные проблемы принятия сообщения о преступлении по сети Интернет // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 7–2. С. 30–32.
5. Чекунов И. Г. Понятие и отличительные особенности киберпреступности // Российский следователь. 2014. № 18. С. 53.
6. Шиндер Д. Л. Киберпреступность: перед лицом проблемы [Электронный ресурс] // Центр исследования компьютерной преступности. URL: <http://www.crime-research.ru/library/cybercrimes3.html> (дата обращения: 15.05.2024).
7. Обзор мошенничества с персональными данными граждан в цифровой среде (2022 год) [Электронный ресурс] // Центр правовой помощи гражданам в цифровой среде. URL: <https://4people.grfc.ru/analytics-and-legislation/case-studies/obzor-moshennichestva-s-personalnymi-dannymi-grazhdan-v-cifrovoy-srede-vtoroe-polugodie-2022-g/> (дата обращения: 15.05.2024).

Особенности использования наименований музейных предметов и названий музеев

Лукашевич Николай Сергеевич, студент магистратуры
Государственный университет просвещения (г. Мытищи, Московская обл.)

Памятники материальной и духовной культуры, коими являются произведения великих художников, выступают в своей культурной функции как источник знаний и эмоционального воздействия, как средство воспитания и образования и бесспорно являются достоянием народа.

Наиболее достойные предметы экспонируются и бережно хранятся в музейных фондах мира. Именно высокая художественная ценность и эстетичность делают произведения, являющиеся музейными предметами, такими привлекательными для производства продукции общего пользования.

Используя музейные предметы при производстве продукции и в рекламе, производители зачастую упускают

из вида требования статьи 53 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре», утвержденных Верховным Советом РФ 09.10.1992 N3612–1 (далее — «Основы законодательства Российской Федерации о культуре») [1], и статьи 36 Федерального Закона «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» № 54-ФЗ от 26 мая 1996 года (далее — «Закон о Музейном фонде РФ») [2], согласно которым необходимо получение разрешения музеев при использовании произведений искусства из собраний (коллекций) музеев, а также при использовании названий музеев и их символики.

Следует особо обратить внимание на тот факт, что вышеуказанная норма Закона о музейном фонде РФ [2] пре-

доставляет защиту наименованиям и символике музеев, которые в большинстве случаев являются некоммерческими организациями (далее — «НКО»), при их использовании в производстве изобразительной, печатной, сувенирной и другой тиражированной продукции и товаров народного потребления.

Из положений ст. ст. 1473, 1474 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — «ГК РФ») [3] следует, что защита исключительного права на фирменное наименование предоставляется только коммерческим организациям. Норм, предусматривающих защиту наименования некоммерческой организации в законе об НКО и в ГК РФ [3] не содержится, несмотря на существующую возможность отказа в государственной регистрации некоммерческой организации в случае, если ранее зарегистрирована некоммерческая организация с таким же наименованием. Такое право предоставлено регистрирующему органу подп. 2 п. 1 ст. 23.1 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее — «Закон об НКО») [4].

При действующих нормах законодательства РФ, некоммерческой организации может быть предоставлена защита на наименование только при установлении отрицательных последствий для этой организации, вызванных недобросовестным поведением одноименного НКО, следуя выводам из существующей судебной практики [5]. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.07.2017 N53-КГ17-12 [5] указано, что защита допускается при наличии и выявлении фактов нарушения прав некоммерческой организации использованием другой некоммерческой организацией такого же наименования, а также при наличии фактов, которые подтверждали бы намерение ответчика использовать наименование истца с целью введения кого-либо в заблуждение.

При защите наименования коммерческой организации в подобном споре достаточно только доказанного факта использования её наименования, если юридические лица осуществляют аналогичную деятельность, что следует из п. 3 и п. 4 ст. 1474 ГК РФ [3].

Музеи, в случае использования их названия при производстве изобразительной, печатной, сувенирной и другой тиражированной продукции и товаров народного потребления, могут сослаться на статью 36 Закона о Музейном фонде РФ [2], что позволит запретить использование наименования музея при производстве продукции без докзывания недобросовестности действий третьих лиц.

Возвращаясь к вопросу использования музейных предметов, следует обратить внимание, что если 4 часть ГК РФ [3] регламентирует порядок приобретения права использования произведений в течение срока действия исключительных прав, то рассматриваемые нормы музейного законодательства распространяются в том числе и на те произведения, которые находятся в музейных коллекциях и которые уже перешли в общественное достояние, то есть на которые истек срок действия исключительных прав.

Кроме того, что для использования музейного предмета пользователю, как правило, необходимо получить цифровую копию этого произведения в хорошем качестве, которая является самостоятельным объектом авторского права — производным произведением, как следует из статьи 1260 ГК РФ [3]. Авторские права автора производного произведения охраняются как права на самостоятельные объекты авторских прав независимо от охраны прав авторов произведений, на которых основано производное произведение.

Однако, иногда возникает дискуссия о том, является ли фотография произведения искусства самостоятельным объектом авторского права.

По этому поводу можно обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [6, пункт 80], в котором поясняется следующее.

Как известно, по смыслу статей 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи объектом авторского права является только тот конкретный результат, который создан творческим трудом. При этом надлежит иметь в виду, что пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом. Необходимо также принимать во внимание, что само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права.

В целом, это уже сложившаяся практика в музейном сообществе не только в России, но и за рубежом — считать фотографии произведений искусства самостоятельным объектом авторского права.

При этом, в российском законодательстве есть особенность, которая обязывает получить разрешение музея на использование основного произведения, перешедшего в общественное достояние, даже если вы возьмете фотографию произведения в открытом источнике.

Таким образом, у музея нужно получить разрешение по 36 статье Закона о Музейном Фонде [2] на использование произведения из собрания музея и лицензию на использование предоставленной музеем фотографии этого произведения. А если произведение не перешло в общественное достояние, то необходимо получать у музея лицензию на использование произведения из собрания музея, если музей распоряжается исключительными правами на произведение.

Здесь надо отметить, что сам Закон о Музейном фонде [2] не предусматривает никаких финансовых способов защиты и мер ответственности, как это предусмотрено нормами 4 части ГК РФ [3]. Поэтому единственным требованием, которое может предъявить музей, это требование прекратить использование произведений в продукции.

Однако, для организаций-производителей нарушение требований рассматриваемой нормы влечет кроме ре-

путационных рисков финансовые потери, так как продукция попадает в разряд контрафактной.

Дополнительно считаю необходимым обратить внимание на следующие вопросы, которые возникают при применении статьи 36 Закона о Музейном фонде [2]. Так, если при заключении лицензионных договоров в отношении произведений, на которые действует срок охраны исключительных прав, мы руководствуемся нормами четвертой главы Гражданского кодекса РФ об авторском праве, где подробно регламентируется порядок предоставления права использования, в частности по способам использования, то при применении 36 статьи Закона о Музейном фонде [2] мы имеем только тот минимум, который установлен в этой норме. Таким образом, возникает ряд вопросов:

1. Как должно выглядеть это разрешение?
2. Какими способами может быть разрешено использовать музейные предметы?
3. Могут ли музеи ограничивать использование по способам?

Отвечая на первый вопрос, следует указать, что если при выдаче разрешения взимается плата, то необходимо заключение договора, как это указано в статье 53 Основ законодательства Российской Федерации о культуре [1]. Если плата не взимается, то можно применять письменное разрешение.

При определении способов использования можно применять по аналогии закона те же формулировки, которые предусмотрены ст. 1270 ГК РФ [3].

Литература:

1. Основы законодательства Российской Федерации о культуре», утвержденных Верховным Советом РФ 09.10.1992 N3612-1 [Электронный ресурс].— режим доступа: Консультант Плюс (дата обращения: 20.05.2024).
2. Федеральный Закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» № 54-ФЗ от 26 мая 1996 года [Электронный ресурс].— режим доступа: Консультант Плюс (дата обращения: 20.05.2024).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая, вторая, третья и четвертая.— Москва: Проспект, 2023.— 784 с.
4. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [Электронный ресурс].— режим доступа: Консультант Плюс (дата обращения: 20.05.2024).
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.07.2017 N53-КГ17-12 [Электронный ресурс].— режим доступа: Консультант Плюс (дата обращения: 20.05.2024).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс].— режим доступа: Консультант Плюс (дата обращения: 20.05.2024)

Законодательное регулирование охраны труда в сфере строительства. Обзор мировых тенденций

Магарамова Лейла Эльмановна, студент магистратуры
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

Данная статья посвящена вопросам организации безопасности труда мирового сообщества в сфере строительства. Автор анализирует статистику профессионального травматизма, исследует нормативно-правовые документы тру-

А вот вопрос об ограничении способов использования оказался самым интересным. Например, организация снимает фильм о произведениях музея. На часть из них действует исключительное право, а на часть уже нет, они перешли в общественное достояние. При заключении договора с этой организацией, возникает вопрос, а вправе ли музей при предоставлении разрешения по 36 статье Закона о Музейном фонде [2] ограничивать использование произведений, перешедших в общественное достояние, по способам использования. Ведь закон нас в этом не ограничивает. Значит вправе? Тогда получается, что в данном случае произведения находятся под более сильной защитой, чем это предусмотрено в отношении произведений с истекшим сроком действия исключительных прав. Как мы знаем, согласно пункту 2 статьи 1240 ГК РФ [3], недействительны условия лицензионного договора, ограничивающие использование результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта, которым бесспорно является фильм. То есть по тем произведениям, на которые действуют исключительные права, при заключении лицензионного договора музеи такие ограничения устанавливать не вправе. В этом случае, очевидно, возникает некоторая юридическая коллизия. Конечно, можно по аналогии закона применять тот же подход, что и при применении 4 главы ГК РФ [3], но следует обратить внимание на неурегулированность в этом вопросе.

Несомненно, из рассмотренных вопросов следует сделать вывод о необходимости развития и усовершенствования действующего законодательства о культуре.

доохранного законодательства на международном уровне, выявляет ключевые направления работы и мировые тенденции.

Ключевые слова: охрана труда в сфере строительства, трудовое законодательство, производственный травматизм, Международная Организация Труда (МОТ)

Legislative regulation labor protection in the sphere of construction. Overview of global trends

This article is devoted to the organization of labor safety in the construction industry. The author analyzes the statistics of occupational injuries, examines the regulatory documents of labor protection legislation at the international level, identifies key areas of work and global trends.

Keywords: labor protection in the construction sector, labor protection legislation, occupational injuries, International Labor Organization (ILO)

Неизменный рост населения нашей планеты приводит к увеличению спроса на строительные услуги. В этой связи, возрастает значимость вопросов безопасности и охраны труда в строительной сфере. Развитие экономики, которое также способствует увеличению спроса на услуги в сфере строительства, стремительное развитие инноваций, применяемых в производстве — все это требует принять срочные меры по регулированию охраны труда в сфере строительства.

Законодательные власти РФ регулярно обновляют нормативно-правовые акты, проводят мероприятия в области охраны труда. Но, к сожалению, уровень безопасности труда в сфере строительства РФ остается недостаточным. Крайне высок уровень травм и профзаболеваний.

Законодательство об охране труда в сфере строительства для РФ и других стран основывается, в первую очередь, на Конституции как главном законе государства, и ряде федеральных, национальных и региональных законов об охране труда.

Одним из последних успешных нововведений, позаимствованных у других стран, является проведение специальной оценки условий труда. Мировой рынок все больше осознает вред, причиняемый экономике наличием профессиональных заболеваний и несчастных случаев в строительстве. Пагубное влияние распространяется не только на пострадавших работников, но и на их ближайшее окружение, семью, коллег, зачастую приводит к неспособности выполнять определенные работы в дальнейшем, значительно снижает производительность и, как следствие, уровень доходности хозяйствующих субъектов. В результате страдает территориальная общность. В этой связи необходимо осознать истоки охраны труда и необходимость ее законодательного регулирования еще на профилактическом этапе.

Как показывает мировая практика, безопасность труда всегда начинается с понимания основ безопасности на своем рабочем месте каждым отдельно взятым работником.

Для того чтобы унифицировать базовые принципы, цели и задачи защиты здоровья и жизни работников, на

международном уровне были приняты законодательные акты, стандарты и нормативы безопасности труда в строительной сфере. В этой связи следует отметить положения об охране труда ООН, которые способствовали выработке единого направления при разработке международных-правовых актов в сфере охраны труда.

Одним из первых документов, регламентирующих охрану труда на международном уровне, является принятая в 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщая декларация прав человека. Согласно ст. 23 Всеобщей декларации, «каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на благоприятные условия труда и защиту от безработицы» [3].

Поскольку ООН в своей работе стремится к созданию и поддержанию международного мира и безопасности, что закреплено в Уставе ООН, все документы организации в отношении охраны труда также нацелены на создание и поддержание максимально безопасных условий. Так, в частности, 16 декабря 1966 года ООН был принят Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, в котором вводится понятие права на справедливые и благоприятные условия труда, а также провозглашается необходимость обеспечения каждому работнику условий труда, отвечающих требованиям безопасности и гигиены [4].

Над созданием единых унифицированных стандартов безопасности активно работает МОТ — Международная Организация Труда. МОТ закрепляет в своих конвенциях и рекомендациях международные стандарты, регламентирующие безопасность и гигиену труда в целом и в каждой отдельно взятой отрасли. Так, вопросы безопасности и гигиены труда в строительстве закреплены в конвенции № 167 [2].

Рекомендации МОТ имеют ключевое значение для дальнейшего развития международных стандартов, касающихся безопасности и охраны труда. Нормативы и стандарты, рекомендуемые МОТ, являются формой, так называемого, международного «мягкого права» (англ.: soft law). Нормы МОТ оказывают положительное воздействие на национальные правовые системы посредством унификации стандартов безопасности.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что при рассмотрении трудовых споров в таких странах, как Германия, Финляндия, США, Канада, Россия и др., участники процесса обращаются к нормам МОТ в 98% судебных разбирательств [5].

Нормы МОТ, несмотря на свой рекомендательный характер, являются согласованной позицией государств в области охраны труда. Все нормы МОТ принимаются в ходе Международной конференции труда, участие различных стран в этой конференции во многом определяет характер контроля за соблюдением норм МОТ на национальном уровне.

В Конвенции № 167 о безопасности и гигиене труда в строительстве отмечается, что национальные законодательства предусматривают следующие обязанности работников [5]:

- взаимодействовать с работодателем в рамках реализации мер по обеспечению безопасности и гигиены труда;
- соблюдать меры предосторожности для обеспечения собственной безопасности, а также в целях создания безопасных условий труда для других лиц, которые также могут пострадать в ходе выполнения работ;
- использовать средства индивидуальной и коллективной защиты, применять их строго по назначению, не передавать третьим лицам;

— незамедлительно информировать представителя работников касательно любой ситуации, которая может угрожать их жизни и здоровью, и которую игнорируют работодатели;

— выполнять предписанные законодательством и трудовым договором меры безопасности и гигиены труда.

Большой раздел Конвенции посвящен вопросам профилактики несчастных случаев в сфере строительства.

В мировом сообществе все формы работы по безопасности труда в строительной сфере можно подразделить на 3 группы.

В 1966 Советом Европы была принята Европейская социальная хартия, в которой закреплены обязательства государств в сфере охраны труда. Согласно тексту ст. 3 Хартии, государства-участники берут на себя следующие обязательства (см. рис. 1).

Чтобы привлечь внимание общественности к проблемам безопасности труда, которые ежегодно наращивают свои обороты в связи с ростом объемов производств и расширением технических и технологических возможностей предприятий, а также в целях обеспечения снижения ежегодной смертности на рабочем месте, объявила 28 апреля объявлено МОТ Всемирным днем охраны труда.

Согласно статистическим данным МОТ, профессиональные заболевания являются главной причиной смертности во всем мире. Так, ежегодно на рабочем месте уми-

Таблица 1. Глобальные меры по организации охраны труда в строительстве (составлено автором по материалам [5], [6])

1-я группа мер — на уровне государства	2-я группа мер — на уровне регионов	3-я группа мер — на уровне предприятия
Определение условий, регулирующих проектирование, строительство и планировку предприятий	Оценка региональных рисков работы в строительной сфере	Сотрудничество представителей работников предприятия с работодателем в области безопасности и гигиены труда
Ввод объектов в эксплуатацию, значительное их переоборудование и изменение назначения	Разработка и принятие региональных законодательных актов для обеспечения охраны труда на уровне регионов	Работники или их представители наделаются, в соответствии с нац. законодательством и практикой, полномочиями рассматривать все аспекты безопасности и гигиены труда, связанные с их работой, и работодатели консультируют их по этим аспектам
Оценка безопасности технического оборудования, производственных процессов и веществ, контакт с которыми необходимо запретить, ограничить или поставить в зависимость от решения компетентного органа или органов	Внедрение рекомендательных и обязательных региональных стандартов труда в сфере строительства	Создание служб гигиены и безопасности труда на предприятии
Проведение расследований несчастных случаев на производстве и возникновения профессиональных заболеваний, которые свидетельствуют о серьезном положении с безопасностью и гигиеной труда	Создание региональных служб охраны труда	Организация служб охраны труда на предприятии, а также привлечение внештатных советников по безопасности труда

Рис. 1. Обязательства стран-участников Европейской социальной хартии [1]

рают порядка 2,34 млн работников, и лишь 321 тысяча смертей наступает вследствие несчастного случая. Причина остальных 2,02 млн смертельных исходов на рабочем месте, что составляет порядка 5500 смертей в день,— различные виды профессиональных заболеваний [5]. Эти данные ука-

зывают на жесткий дефицит эффективной системы охраны труда во всем мировом сообществе, и, в первую очередь, в РФ, развитие экономики которой осуществляется стремительно, рынок труда растет, потребность в услугах сферы строительства увеличивается в геометрической прогрессии.

Литература:

1. Европейская социальная хартия [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/compass/european-social-charter> (Дата обращения: 13.04.2024)
2. КОНВЕНЦИЯ 167 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-ed_norm/-normes/documents/normativeinstrument/wcms_c167_ru.htm (Дата обращения: 11.04.2024)
3. Добро пожаловать в ООН. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 10.04.2024)
4. Добро пожаловать в ООН. Конвенции и соглашения. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtmlhttps://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (Дата обращения: 10.04.2024).
5. Международная Организация Труда [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.ilo.org/global/statistics-and-databases/lang—en/index.htm> (Дата обращения: 13.04.2024)
6. Российский статистический ежегодник 2021. Статистический сборник/Росстат.

Правовое регулирование общего образования и профессионального обучения осужденных к лишению свободы

Мамонько Сергей Михайлович, курсант

Научный руководитель: Морозов Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент,
подполковник внутренней службы

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Новокузнецк, Кемеровская обл.)

В статье автор рассматривает правовое регулирование получения общего образования и профессионального обучения осужденных к лишению свободы, выделяет существующие механизмы, нововведения и указывает актуальные проблемы.

Ключевые слова: лишение свободы, получение образования, профессиональное образование, дистанционное обучение, профессиональное обучение, осужденный.

Одним из актуальных вопросов, указанных в Концепции развития уголовно-исполнительной системе РФ на период до 2030 (далее — Концепция УИС), года является совершенствование профессионального обучения и средне профессионального образования осужденных к лишению свободы [4].

Система получения общего и профессионального образования осужденными к лишению свободы является прогрессивным и важным элементом ресоциализации преступника. Она играет значительную роль в их интеллектуальном, социальном и профессиональном развитии, влияет на успешную реинтеграцию в общество. Большое число осужденных ежегодно освобождаются из исправительных учреждений, пополняя ряды безработных, совершая новые преступления, и шансов найти свое место в свободной жизни у них гораздо меньше, чем у законопослушных граждан [5]. При этом наличие образования и профессии значительно облегчает процесс ресоциализации.

Основополагающие начала получения образования осужденными закреплены в международных правовых актах:

– В ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах закрепляется гарантия каждого человека на получения образования в государствах участвующих в данном Пакте, а равно согласие этих государств на всестороннее развитие личности, чтобы дать возможность всем быть полезном членом общества [2].

– ч. 1 ст. 26 Всеобщей декларации прав человека предполагает бесплатное общее образование, а профессиональное обучение должно быть доступным для всех.

– ст. 2 Протокола № 1 к европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод указывает на обязанность государства обеспечивать получение образования гражданином страны, которое взяло на себя обязательства данной Конвенции.

– ст. 14 Хартии Европейского Союза об основных правах так же говорит о праве всех граждан страны на получение образования.

Указанные нормы международных правовых актов интегрированы в российское законодательство как принципы. В статье 43 Конституции Российской Федерации

гарантируется право граждан на образование, общедоступность и бесплатность основного общего и средне профессионального образования [1]. Это положение основного документа Российской Федерации было практически реализовано в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в российской Федерации», а так же применено в отношении граждан, осужденных к лишению свободы в статье 112 Уголовно-исполнительном Кодексе Российской Федерации и другими нормативно правовыми актами в области образования.

С вступлением в силу Федерального закона от 6 февраля 2023 года «О пробации в Российской Федерации» [3], был урегулирован вопрос получения образования осужденными в период пробации. Данный нормативно-правовой акт внес новые механизмы в процесс возвращения человека, который попал в тяжелую жизненную ситуацию и совершил преступление. Субъекты в пределах компетенции могут решать вопросы, связанные с получение общего и профессионального образования лицам, в отношении которых осуществляется пробация. Это указывает на реализацию положений Концепции УИС, которые были указаны выше, а также подчеркивает внимание государства к проблеме рецидивной преступности.

Несмотря на отлаженный механизм и нормативное закрепление получения образования осужденными к лишению свободы, существует ряд проблем. К ним можно отнести:

1. Ограниченные ресурсы и финансирование — во многих исправительных колониях существует недостаток квалифицированных преподавателей, учебных материалов.

2. Информационное ограничение — отсутствие доступа к интернету и современным технологиям ограничивает возможность дистанционного обучения и использования электронных ресурсов.

3. Качество и признание образования — качество образования в исправительных учреждениях может быть ниже по уровню с обычными образовательными учреждениями. Это отражение двух вышеперечисленных проблем.

4. Стигматизация и дискриминация — на практике, полученные сертификаты и дипломы вне ИУ затрудняет трудоустройство после освобождения, так как ра-

ботодатели опасаются работников бывших осужденных из-за имеющихся стереотипов, что снижает их шансы на успешную реинтеграцию в социум.

5. Особенности учебной программы — учебные программы не всегда соответствуют актуальным требованиям рынка труда и не обеспечивают осужденных востребованными навыками и знаниями. Ограниченный выбор специальностей не всегда позволяет выбрать интересную и перспективную профессию.

Любые преобразования стоит вводить с точки зрения педагогических наук и смежных с ней. Важно отметить, что основу решения проблем составляет увеличение финансирования, улучшение оснащения образовательных классов в учреждениях УИС, адаптацию образовательных программ под актуальные нужды рынка труда, а также расширение правовых механизмов для получения доступа осужденных к образовательным материалам в сети Интернет, и возможность дистанционного обучения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 20.06.2024).
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Принят Генеральной Ассамблеей ООН 16.12.1966.
3. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2023 г., №6, ст. 91.
4. Распоряжение правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 17.05.2021. № 20. Ст. 3397.
5. Брылева Елена Александровна Право осужденных на образование (обзор современных исследований) // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-osuzhdennyh-na-obrazovanie-obzor-sovremennyh-issledovaniy> (дата обращения: 22.06.2024).

Преступления на почве экстремизма против общественной безопасности и нравственности

Мордвинов Юрий Анатольевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Тараканов Илья Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

В статье рассматриваются преступления экстремистской направленности в современном законодательстве против духовной безопасности человека и общества, даётся характеристика различных видов экстремизма и преступлений экстремистской направленности. Также исследуются меры уголовно-правового и иного противодействия криминальному экстремизму.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, преступления экстремистской направленности, общественные отношения.

Российская Федерация обозначена в Конституции. в качестве правового, демократического, социального и светского. Экстремистские посяательства на общественную безопасность влекут юридическую ответственность. В этом контексте говорится о роли государства тогда, когда посяательство требует реакции со стороны органов исполнительной власти. Встречающиеся в быту высказывания, которые можно рассматривать как экстремистские, могут быть пресечены не инструментом уголовной ответственности, а другими видами ответственности. В таких случаях в качестве наказания можно применять моральное порицание или административную ответственность. Тем не менее очень часто такого рода вы-

сказывания на бытовом уровне являются причиной более серьезных конфликтов. На фоне этого в обществе формируется потребность к духовной безопасности.

Духовная безопасность — это очень сложный и иностранный термин. Так как это не уголовно-правовой термин, его нельзя рассматривать в контексте уголовной ответственности. Даже его лексическое значение является очень сложным для понимания. В первую очередь потому, что для каждого гражданина понятие духовной безопасности зависит от его личного характера, нравственного воспитания, религиозных предпочтений и прочих субъекто индивидуальных взглядов. Даже если, попытаться разделить граждан, к примеру по вероисповеданию, это

никак не поможет в борьбе с «преступлениями против духовной безопасности» несмотря на то, что традиционные религии народов РФ имеют много общего во взглядах на нравственность. И тем не менее это не окажет никакой помощи в юридическом формировании термина «духовная безопасность», ибо даже в этом случае в рамках каждой такой группы будут люди с более или менее разным отношением к соблюдению религиозных норм. Даже такой простой пример показывает, что то, что будет являться «преступлением против духовной безопасности» для гражданина А, может являться абсолютно не оскорбительным для гражданина Б, даже при условии, что они соблюдают одни и те же религиозные нормы. Более того, отсутствие реакции гражданина Б может быть расценено как посягательство на «духовную безопасность» гражданина А. как нарушение религиозных догматов.

Исходя из этого абсолютно ясно, что использование термина «духовная безопасность» в законодательстве не даст ничего нового по сравнению с использованным в глав 25 УК РФ термином «общественная нравственность». Более того, понятие «общественная нравственность» подразумевает равное отношение к закону со стороны всего общества. Не разделяя его на группы по критериям. Закон устанавливает общие нормы морали, устанавливает наказание за нарушение этих норм. Это и является примером верховенства закона и обеспечивает полное равенство всех граждан перед Законом РФ.

Более того, термин «духовная безопасность» становится препятствием на пути Закона, так как его можно трактовать в зависимости от личных качеств каждого гражданина.

Хотя многими духовная безопасность трактуется состояние и условия жизнедеятельности социума, которые обеспечивают сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, на деле апелляция такими категориями в итоге приводит к тому, что личные взгляды и различные религиозные нормы рассматриваются гражданами и гостями РФ как более приоритетные к исполнению, а значит и более важны, чем Законы РФ. А именно среди этих людей экстремистские организации и находят исполнителей своих чудовищных терактов.

Поэтому использование терминов, не сформированных как юридические, с однозначной трактовкой и невозможностью поиска в них скрытого смысла, не только недопустимо, но и крайне вредно с точки зрения защиты от экстремизма. По сути, это приводит к практически свободной трансляции деструктивных идей, заключающихся в отсутствии желания соблюдать Закон, так как личные взгляды ставятся выше.

В такой ситуации точка зрения о необходимости сосредоточения антиэкстремистских норм уголовного закона в отдельной главе УК РФ, не только имеет право на существование, но и должна серьезно рассматриваться. Террористические акты, произошедшие в 2024 году, показывают, насколько открытое, либеральное и снисходительное общество уязвимо для экстремистских орга-

низаций и внешних врагов. Более того, в обществе явно растет потребность к ужесточению норм законодательства в отношении экстремистских преступлений, особенно на фоне откровенно враждебной риторики некоторых стран даже ближнего зарубежья, не говоря об откровенных врагах с запада, которым явно на руку деструктивные процессы в РФ. Враждебное отношение к нашим гражданам в этих странах вызывает непонимание, почему наше законодательство должно снисходительно относиться к трансляции негативного мнения о Российском государстве.

Основания такого посыла кроются в едином видовом объекте анализируемых составов преступлений. Необходимо учитывать многонациональный состав населения РФ. Большое количество иностранных специалистов и прочее, но тем не менее нельзя забывать о том, что Законы РФ имеют верховенство над любыми другими нормами и традициями, какими бы они не были. А термин «духовная безопасность» абсолютно не соответствует требованиям юридического термина.

Кроме того, реализация этого термина не способствует гармонизации текста уголовного закона, приданию ему стройности и чёткости. Более того, такой подход создает почву для возможности обеления преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Ведь если, например человек крайне религиозен, он ставит законы веры выше основных законов страны, а понятие «духовная безопасность» будет давать ему право оправдывать свои незаконные действия в интересах религии перед обществом и Законом.

Более подходящими терминами в такой ситуации следует считать определения «общественная безопасность» и «общественный порядок». В действующих правовых актах термины «общественная безопасность» и «общественный порядок» упоминаются неоднократно, однако их юридические определения отсутствуют [1].

Общественная безопасность представляет собой часть, составляющую национальной безопасности, которая в п. 6 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации определена как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее — граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации». Авторы Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, утверждённой Президентом РФ 14 ноября 2013 г., в п. «б» п. 29 обращают внимание на то, что реализация данной Концепции предполагает совершенствование законодательства Российской Федерации в части, касающейся установления ответственности за правонарушения в сфере общественной безопасности [2].

Опираясь на эти нормативные положения, термин «общественная безопасность» можно определить как со-

стояние социальных отношений, в котором они защищены от внешних и внутренних угроз, способных затруднить или сделать невозможным реализацию членами общества имеющихся у них прав, свобод и законных интересов.

В свою очередь, что касается термина «общественный порядок», то в данной категории акцент смещён на оформление складывающихся в обществе отношений различными социальными нормами — правовыми, моральными, нравственными и иными, обеспечивающими общественное спокойствие и развитие [3].

Смысл концепции заключается в том, что члены общества передают государству часть свобод в обмен на то, что оформленная в политических институтах государственная власть гарантирует им право на жизнь и безопасное существование.

В свою очередь тут же возникает вопрос, какое количество прав и свобод может ограничивать государство, и какие являются непреложными и не подлежат ограничению. Этот вопрос является самым сложным и самым уязвимым в этой теории. Первое. Что обычно приходит на ум среди неоспоримых прав это право на жизнь. Однако, при более глубоком философском рассмотрении даже оно может быть подвергнуто сомнению в обществе, ведь если два гражданина находятся на необитаемом острове без пищи, один из них может выжить, съев другого. В этом случае право на жизнь одного это не быть съеденным, а право другого съесть, чтобы не умереть. И в этой ситуации, что бы не произошло, право одного будет нарушено в угоду другому, либо при бездействии оба умрут.

Хоть такой пример и является крайне абстрактным, на его основе можно показать, что даже базовые права и свободы могут быть поставлены под сомнение.

В связи с этим, единственным ответом на степень посягательства на права и свободы граждан должна определяться Государством на основании действующего закона, и ограничивать некоторые свободы граждан исходя из текущей ситуации. Такой тезис в 2018 году был бы крайне непопулярным и спорным. Однако в 2024 он кажется все более разумным.

С развитием права и государства, расширились и представления об их назначении Их роль окончательно опре-

делилась в обществе как гарант защиты личности, общества и самостоятельности самого государства.

Однозначно определяется, что задача обеспечения общественной и государственной безопасности не может решаться посредством дискриминации той или иной группы населения. Этот факт отражен в Конституции РФ и является однозначным и неоспоримым. Однако стоит признать, что в основном экстремистскому влиянию поддаются люди с крайне низким уровнем образования и как следствие, отсутствием критического мышления. Более того, совершить теракт гораздо проще человека молодого, не имеющего семьи, прочной материальной базы и как следствия отсутствия привязанности существующему порядку вещей.

Стоит так же помнить, что главная мишень для экстремистов — это не общество, а государство. Основной задачей экстремистских преступлений является разрушение сложившихся в обществе социальных связей, то есть разрушению той самой «общественной безопасности».

Речь идёт о намерении экстремистов изменить, в соответствии с имеющейся у них картиной мира. Можно даже сказать, что они видят свои преступления как попытку создания для себя «духовной безопасности», и построения социальных отношений в контексте со своим пониманием.

Исходя из всего сказанного, можно сделать следующие выводы:

1) Аморфные термины, вроде «духовной безопасности» не только вредны для общества, но и сами могут стать оправданием для действий экстремистов.

2) Массив антиэкстремистских норм уголовного кодекса нуждается в пересмотре, уточнении и расширении.

3) Усиление просветительской и обучающей работы с населением необходимо всегда, так как это ведет к развитию критического мышления, повышению благосостояния граждан и, как следствие, делает их недостижимой целью для вербовки экстремистами.

деятельности, считающих терроризм проявлением экстремизма, в случае коренной модернизации уголовного законодательства посредством принятия нового кодифицированного акта, целесообразно разместить все антиэкстремистские составы преступлений в главе УК РФ, посвящённой

Литература:

1. Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дисс. к.ю.н. — М., 2001. — 182 с.
2. Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России. — Саратов: СЮИ МВД России, 2008. — 212 с.
3. Бешукова З. М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации: дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2021. — 632 с.

Разграничение полномочий между органами местного самоуправления муниципальных районов и сельских поселений (на примере муниципального района Буздякский район Республики Башкортостан)

Низамов Артур Азатович, студент

Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (г. Уфа)

В статье рассматриваются особенности разграничения полномочий между органами местного самоуправления муниципальных районов и сельских поселений. Проводится правовой анализ разграничения полномочий между органами местного самоуправления.

Ключевые слова: муниципалитеты, сельские поселения, власть, разграничение, полномочия, местное самоуправление.

Differentiation of powers between local self-government bodies of municipal districts and rural settlements on the example of the municipal district of Buzdyaksky district of the Republic of Bashkortostan

Nizamov Artur Azatovich, student

Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

The article discusses the peculiarities of the division of powers between local governments of municipal districts and rural settlements. A legal analysis of the division of powers between local governments is being carried out.

Keywords: municipalities, rural settlements, government, delimitation, powers, local self-government.

Актуальность исследования заключается в том, что в современном обществе одной из важнейших составляющих является местное самоуправление. Оно представляет собой систему органов власти, осуществляющих управление на территории определенного населенного пункта. Местное самоуправление направлено на решение проблем и вопросов, касающихся жизни и благополучия жителей данной территории [4].

Местное самоуправление — это форма участия граждан в управлении делами местного значения через выбранные органы власти. Оно предполагает передачу определенных полномочий на уровне муниципальных районов и сельских поселений для решения вопросов, касающихся конкретной территории.

Органы местного самоуправления — это выборные или назначаемые структуры, ответственные за управление муниципалитетом. Они принимают решения по важным вопросам развития территории, социальной политики, благоустройства и другим аспектам, влияющим на жизнь местных жителей [9].

Муниципальные районы играют важную роль в системе местного самоуправления. Они представляют собой административно-территориальные единицы, в рамках которых осуществляется управление. Органы местного самоуправления муниципальных районов имеют определенные функции и полномочия, включающие в себя решение вопросов жилищно-коммунального хозяйства, благоустройства территории, организацию здравоохранения, образования и культуры.

Сельские поселения также играют значительную роль в системе местного самоуправления. Они представляют собой территориальные образования, объединяющие сельские населенные пункты. Органы управления сельским поселением занимаются решением вопросов, связанных с развитием сельского хозяйства, инфраструктуры, а также социальной сферы. Сельское поселение занимается более узкоспециализированными задачами. К ним относятся содержание и развитие сельской инфраструктуры, обеспечение жителей жильем и коммунальными услугами, а также проведение мероприятий по развитию сельского хозяйства. Сельское поселение более ориентировано на потребности конкретных сельских территорий и их жителей [14].

Различия в полномочиях между органами местного самоуправления муниципальных районов и сельских поселений заключаются в основном в сферах ответственности. Если муниципальные районы более ориентированы на управление крупными городскими территориями и предоставление широкого спектра услуг, то сельские поселения фокусируются на потребностях сельского населения и развитии сельской инфраструктуры [15].

Таким образом, разграничение полномочий между органами местного самоуправления муниципальных районов и сельских поселений позволяет эффективно управлять территориями различного типа. Основное различие между полномочиями муниципальных районов и сельских поселений заключается в том, что первые более ориентированы на развитие городских и пригородных

территорий, в то время как вторые фокусируются на потребностях сельского населения. Это позволяет более эффективно использовать ресурсы и решать актуальные проблемы каждой конкретной территории [8].

Федеральный закон от 06.10.2003 N131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в соответствии с Конституцией Российской Федерации устанавливает общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, определяет государственные гарантии его осуществления.

Критерии эффективности разграничения полномочий в органах муниципального управления по решению вопросов местного значения заключаются в разграничении полномочий по вопросам местного значения на уровне муниципального района, городского и сельского поселений.

Глава администрации муниципального района является высшим должностным лицом и руководителем исполнительной власти района. Он осуществляет руководство деятельностью администрации, представляет интересы муниципального образования, в свою очередь, занимаются вопросами, касающимися непосредственно сельского хозяйства, развития инфраструктуры сельских территорий, оказания социальной поддержки населению, благоустройства территории и другими аспектами, связанными с жизнедеятельностью сельского населения. Глава администрации сельского поселения решает вопросы местного значения.

В муниципальном районе Буздякского района Республики Башкортостан, как и во всех других районах России, существует четкое разграничение полномочий между органами местного самоуправления.

Глава администрации района отвечает за общие вопросы развития района, в то время как главы администраций сельских поселений заботятся о конкретных потребностях.

Глава муниципального района Буздякский район РБ выполняет полномочия по решению следующих вопросов местного значения согласно ст. 15 Федерального закона от 06.10.2003 N131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Деятельность администрации МР Буздякский район РБ в минувшем 2023 году строилась в соответствии с федеральным законодательством, Уставом муниципального района. Вся работа администрации направлена на решение вопросов местного значения в соответствии с требованиями Федерального закона от 06.10.2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3].

На протяжении всего года администрация Буздякского района продолжала свое участие в реализации федеральных и республиканских программ, включая инициативы, связанные с городским развитием, поддержкой инфраструктуры и территориальным совершенствованием.

Ключевые области включали предоставление важных услуг, таких как водоотведение, отопление, электроэнергия и газоснабжение; санитария и гигиена; уличное освещение; и меры пожарной безопасности. Для достижения этих целей администрация организовала повседневную работу, подготовила нормативную документацию и предоставила персонализированные приемы для граждан через различные каналы [10].

Сотрудничество между администрацией, жителями, старшими представителями жилья, организационными лидерами и институциональными заинтересованными сторонами играло ключевую роль в достижении прогресса в течение этого периода. Хотя была проведена большая работа по улучшению условий жизни, несколько проблем остаются нерешенными. Ожидается, что совместные усилия со стороны общества, муниципальных органов власти и правительственных учреждений в конечном итоге решат эти основные проблемы [5].

Несмотря на препятствия, поставленные санкционными ограничениями, район сохранил свою позицию в ключевых экономических секторах и добился значительного прогресса в достижении своих целей.

Федеральный закон № 131-ФЗ от 10 июня 2003 года об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации, перенес неоднократные реформы. При рассмотрении последних поправок, как преимущества, так и недостатки становятся очевидными.

Значительные преимущества включают:

- способность дифференцировать сферы компетенции федеральных, региональных и местных органов власти;
- Независимость в разработке программ и планов социально-экономического развития муниципальными учреждениями и местными бюджетами;
- Установление самоустойчивого потока доходов через местное налогообложение и пропорциональное распределение регулируемых налогов.

Однако есть и несколько ограничений:

- высшие органы власти (федеральные и региональные) расширили свою сферу вмешательства в местные дела;
- снижение финансовой автономии муниципалитетов, что приводит к снижению бюджетной независимости;
- в настоящее время нет возможности расширить налоговую базу через дополнительные потоки доходов.

Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» подробно определяет порядок наделения органов местного самоуправления государственными полномочиями, их осуществления, а также контроля за выполнением переданных полномочий, включающего возможность давать прямые обязательные предписания органам местного самоуправления в случаях нарушения ими закона. Четкое разграничение полномочий между муниципальным районом и сельскими поселе-

ниями позволяет эффективнее управлять территорией и решать проблемы, с которыми сталкиваются жители. Муниципальные органы взаимодействуют с сельскими поселениями, обеспечивая координацию действий и оптимизацию использования ресурсов. Это способствует развитию социальной, экономической и культурной сфер на местном уровне.

Таким образом, разграничение полномочий между муниципальным районом и сельскими поселениями на примере Буздякского района Республики Башкортостан играет важную роль в обеспечении эффективного управления территорией и улучшении качества жизни жителей. Понимание компетенций каждого уровня позволяет оптимизировать процессы и сделать управление более прозрачным и результативным [11].

В современной России система местного самоуправления играет важную роль в организации жизни населения на местах. Она представляет собой сложную структуру, включающую в себя органы управления как муниципальных районов, так и сельских поселений. Разграничение полномочий между этими двумя уровнями власти на примере Буздякского района Республики Башкортостан имеют широкий спектр полномочий, включающих в себя управление социально-экономическим развитием района, утверждение бюджета, организацию жилищно-коммунального хозяйства, земельные отношения и многое другое [13].

Глава администрации муниципального района является высшим должностным лицом и руководителем исполнительной власти района. Он осуществляет руководство деятельностью администрации, представляет интересы муниципального образования, в свою очередь, занимается вопросами, касающимися непосредственно сельского хозяйства, развития инфраструктуры сельских территорий, оказания социальной поддержки населению, благоустройства территории и другими аспектами, связанными с жизнедеятельностью сельского населения. Глава администрации сельского поселения решает вопросы местного значения. В муниципальном районе Буздякского района Республики Башкортостан, как и во всех других районах России, существует четкое разграничение полномочий между органами местного самоуправления. Глава администрации района отвечает за общие вопросы развития района, в то время как главы администраций сельских поселений заботятся о конкретных потребностях населения. Четкое разграничение полномочий между муниципальным районом и сельскими поселениями позволяет эффективнее управлять территорией и решать проблемы, с которыми сталкиваются жители. Муниципальные органы взаимодействуют с сельскими поселениями, обеспечивая координацию действий и оптимизацию использования ресурсов. Это способствует развитию социальной, экономической и культурной сфер на местном уровне.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N32, ст. 3301.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 N131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ, 06.10.2003, N40, ст. 3822.
4. Федеральный закон от 27.07.2004 N79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ, 02.08.2004, N31, ст. 3215.
5. Федеральный закон «О муниципальной службе в РФ» от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства РФ, Собрание законодательства РФ, 05.03.2007, N10, ст. 1152.
6. Ахоян, А. С. Вопросы местного значения и полномочия органов местного самоуправления / А. С. Ахоян // Вопросы совершенствования системы государственного управления в современной России: Ежегодный международный сборник научных статей / Под общей редакцией Л. В. Фотиной. — Москва: ООО «МАКС Пресс», 2020. — С. 28–31
7. Атарщикова, Е. Н. Реализация полномочий органов местного самоуправления / Е. Н. Атарщикова // — 2019. — № 9(44). — С. 61–63.
8. Богдановская, Н. П. Актуальные проблемы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления / Н. П. Богдановская, К. Н. Цирулев // Вестник Коломенского института (филиала) Московского политехнического университета: Сборник научных трудов. — Москва: Московский политехнический университет, 2024. — С. 90–96.
9. Востриков, К. В. Разграничение полномочий между органами местного самоуправления муниципальных районов и сельских поселений / К. В. Востриков // Учим управлять и учимся управлять: сборник научных трудов IX всероссийской с международным участием научно-практической конференции школьников, студентов и преподавателей, Кемерово, 21–22 февраля 2023 года. — Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, 2023. — С. 73–78.

10. Исраилов, М. Х. Р. Реализация полномочий органов местного самоуправления в Российской Федерации / М. Х. Р. Исраилов, М. В. Исраилов // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы: Материалы III Международной научно-практической конференции, Новокузнецк, 05–06 декабря 2019 года / Ответственный редактор Э. И. Забнева. — Новокузнецк: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2019. — С. 249–253.
11. Суворова, Е. С. Разграничение полномочий муниципальных и региональных органов власти / Е. С. Суворова // Актуальные вопросы современной психологии, конфликтологии и управления: взгляд молодых исследователей: Сборник научных статей. — Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. — С. 173–179.
12. Свириденко, М. В. К вопросу о совершенствовании системы разграничения полномочий между уровнями федерального, регионального и муниципального управления / М. В. Свириденко // Экономика и предпринимательство. — 2019. — № 3(104). — С. 421–424.
13. Свириденко М. В. Сравнительная оценка исполняемых полномочий и предметов местного значения городских и сельских поселений в контексте преобразования муниципальных образований // Проблемы преобразования и регулирования региональных социально-экономических систем: Сб. научн. трудов. Вып. 42 / Под научной ред. д.э.н. проф. С. В. Кузнецова. ИПРЭ РАН, — СПб.: ГУАП, 2018. — с. 86–93.
14. Семенова, В. Г. Политическая субъектность органов местного самоуправления в современной России: основные контуры реформирования / В. Г. Семенова, Г. Д. Кузахметова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. — 2020. — Т. 20, № 3. — С. 349–355.
15. Талина, М. А. Проблемы разграничения предметов ведения и полномочия между органами государственной власти и местного самоуправления / М. А. Талина // Научный электронный журнал Меридиан. — 2021. — № 9(62). — С. 102–104.

Особенности порядка возмещения судебных расходов, понесенных ответчиками в обособленных спорах при банкротстве

Очирова Светлана Николаевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Пушкарев Игорь Петрович, кандидат юридических наук, доцент
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматривается проблема возмещения судебных расходов по обособленным спорам в деле о банкротстве. Коллизия в праве порядка возмещения судебных расходов, понесенных ответчиками в обособленных спорах в деле о банкротстве и признанных подлежащим возмещению за счет должника.

Ключевые слова: банкротство, корпоративное право, порядок возмещения судебных расходов, очередность удовлетворения требований по судебным расходам в обособленных спорах.

Оспаривание сделок должника является универсальным правовым институтом, позволяющим обеспечить восстановление платежеспособности при реабилитационных процедурах, а также пополнение конкурсной массы в стадии конкурсного производства, поэтому включение норм об оспаривании сделок в отдельную главу следует признать правильным.

Одним из способов пополнить конкурсную массу должника в делах о несостоятельности (банкротстве) является оспаривание сделок конкурсным управляющим. Однако, как показывает практика, не все сделки с предпочтением, которые оспариваются являются подозрительными или признаются недействительными.

Привлекая в обособленный спор третьих лиц в дело о банкротстве, сделки с которыми пытаются оспорить, несут определенные финансовые потери, как правило

в виде судебных расходов, в основном — это юридические услуги, связанные с защитой законных прав и интересов таких лиц, направленных на выстраивание правовой позиции в таких спорах.

По общему правилу, судебные расходы относятся на счет того лица, не в пользу которого принят итоговый судебный акт. Это обеспечивает полноценную реализацию конституционного права на судебную защиту, и как неотъемлемая часть — гарантии возмещения понесенных судебных расходов.

В пункте 18 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» от 22 июня 2012 г. № 35 даны разъяснения о том что, судебные расходы кредитора и иных лиц, в пользу которых был принят судебный акт по соответствующему об-

особленному спору, не являются текущими платежами и подлежат удовлетворению применительно к пункту 3 статьи 127 Закона о банкротстве, поскольку возмещение таких расходов до удовлетворения основных требований кредиторов нарушает интересы других кредиторов и принцип пропорциональности их удовлетворения.

Анализируя указанные разъяснения, можно сделать вывод, что несмотря на то, что третье лицо «втянуло» в обособленный спор в деле о банкротстве и указанное лицо было вынуждено понести судебные расходы, это лицо может рассчитывать на возмещение этих расходов лишь в порядке третьей очереди как это установлено Законом о банкротстве в настоящий момент.

Если смотреть с точки зрения кредиторов — шансы получить реальное удовлетворение своих требований крайне низки. Процент удовлетворения требований кредиторов колеблется в районе 5%, то есть пяти копеек на рубль (соответствующая статистика регулярно публикуется АО «Интерфакс» на официальном Интернет-портале Федресурс — <https://fedresurs.ru>). И, заметим, это статистика с учетом залоговых кредиторов, у которых шансы получить удовлетворение все же значительно выше.

Указанное обстоятельство не является справедливым, так как шанс на возмещение таким лицом этих потерь приравнивается к нулю, в случае отнесении указанных судебных расходов на должника, после того как третье лицо доказало свою правоту в таком споре, и которое фактически необоснованно понесло расходы.

Дифференциация правового регулирования распределения судебных расходов в обособленных спорах по делам о банкротстве нашла свое отражение в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 5 и пункта 3 статьи 127 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан И. Е. Галлямовой и Е. П. Червяковой» от 19 марта 2024 г. № 11-П.

Конституционный Суд РФ проверил конституционность ряда норм Закона о банкротстве, на основании которых решается вопрос об очередности возмещения судебных расходов лиц, участвовавших в инициированном должником обособленном споре, в случае, когда суд признал заявленное должником требование необоснованным.

По нашему мнению суд справедливо заметил, что судебные расходы необходимо дифференцировать в зависимости от категории дела, а именно если совершенная сделка с третьим лицом оспаривается, и указанное лицо доказало, что сделка носила возмездный характер, не причинила вреда кредиторам, не имела иных оснований полагать что она имеет признаки недействительной сделки, то понесенные судебные расходы в рамках этого обособленного спора следует относить к текущим платежам, в составе пятой очереди.

Помимо признания сделок недействительными, очень часто конкурсный управляющий пытается привлечь

к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, в целях возместить вред кредиторам.

Однако не всегда лицо, которое пытаются привлечь к ответственности обладает признаками контролирующего лица по имеющимся в законе презумпциям. Так КС РФ относительно таких споров, также сформулировал правовую позицию, в частности если при привлечении к гражданско-правовой ответственности как контролирующего должника лица было отказано, соответственно понесенные таким лицом судебные расходы, также должны быть отнесены к текущим платежам, в составе пятой очереди.

По результатам рассмотрения дела КС РФ признал пп. 1 и 2 ст. 5 и п. 3 ст. 127 Закона о банкротстве неконституционными, поскольку применительно к вопросу об очередности возмещения судебных расходов они не учитывают предмет обособленного спора и особенности правового положения лица, чьи судебные расходы подлежат возмещению, — в частности, того обстоятельства, что участие ответчиков в таких спорах, в отличие от конкурсных кредиторов, носит вынужденный характер. Законодателю поручено устранить данный пробел.

Подводя итог, можно согласиться с выводами КС РФ относительно соотношения правил возмещения судебных расходов, принципа полноты и эффективности судебной защиты, с одной стороны, и очередности платежей, установленной Законом о банкротстве, с другой, требования указанных лиц о возмещении судебных расходов имеют все признаки самостоятельного основного требования (по существу, о возмещении реального ущерба), момент возникновения которого — после принятия заявления о признании должника банкротом — позволяет усматривать в нем признаки требования по текущим платежам.

На основании чего федеральному законодателю было указано внести в законодательное регулирование изменения, обеспечивающие учет выраженных в правовых позициях КС РФ и направленные на установление очередности удовлетворения требований о судебных расходах, понесенных ответчиками, в удовлетворении требований к которым было отказано, в обособленных спорах с участием должника (в частности, касающихся признания сделок должника недействительными), в случаях, когда такие расходы подлежат возмещению за счет должника. При этом федеральный законодатель не лишен возможности дифференцировать соответствующие правила в зависимости от предмета того или иного обособленного спора и от особенностей правового положения в процедуре банкротства лица, заявляющего о возмещении ему судебных расходов, понесенных по причине участия в обособленном споре, в частности в случаях, когда ответчик является одновременно конкурсным кредитором и размер подлежащих возмещению судебных расходов в сопоставлении с размером требований конкурсных кредиторов и объемом конкурсной массы создает диспропорцию при конкуренции между конкурсными кредиторами за конкурсную массу.

Литература:

1. Коваленко А. А. Рассмотрение дел о несостоятельности (банкротстве) — не пора ли что-то менять? // Научный Альманах ассоциации France-Kazakhstan. 2022. № 4. С. 153–160.
2. Корзникова И. В. Проблемы правового регулирования оспаривания сделок должника в деле о банкротстве // Оригинальные исследования. 2023. № 1. С. 125–128.
3. Кокурин К. Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц как деструктивный инструмент прокредиторской модели банкротства // Синергия Наук. 2020. № 49. С. 230–235.
4. Гутников О. В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 48–60.
5. Добрачев, Д. В. Проблемы судебной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедуре банкротства / Д. В. Добрачев — М.: Инфотропик Медиа, 2019. — 172 с.

Административная ответственность за нарушение требований в области транспортной безопасности

Плескачева Полина Вадимовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассмотрены особенности конструкции состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 11.15.1 КоАП РФ. Проанализированы основные объективные и субъективные признаки нарушения требований в области транспортной безопасности, на основе которых осуществлено отграничение рассматриваемого состава административного правонарушения от смежных составов правонарушений, в том числе преступлений. Проанализированы проблемы формулирования признаков нарушения требований в области транспортной безопасности в проекте КоАП РФ, подготовленного Минюстом России.

Ключевые слова: административная ответственность, административные правонарушения, транспорт, транспортная безопасность, проект КоАП РФ.

Административная ответственность выступает одним из эффективных средств публично-правового регулирования общественных отношений и наложения санкций за неправомерное поведение, выразившееся в совершении административного правонарушения.

Административные правонарушения в действующем КоАП РФ представлены развернутой системой составов, которые сгруппированы по критерию объекта посягательства. В указанной системе гл. 11 КоАП РФ посвящена составам административных правонарушений на транспорте. В современном мире указанная группа составов административных правонарушений имеет важное значение для обеспечения общественной и личной безопасности, ввиду повсеместного использования человеком транспорта разного вида (воздушного, водного, железнодорожного, автотранспорта) для перевозки грузов и иных объектов, для перемещения пассажиров и др.

Глава 11 КоАП РФ определяет основания для привлечения виновных лиц к административной ответственности за различные правонарушения, так или иначе связанные с эксплуатацией транспорта. Одним из основных составов административных правонарушений в гл. 11 КоАП РФ выступает нарушение требований в области транспортной безопасности (ст. 11.15.1 КоАП РФ). Это

одновременно и достаточно распространенное на практике нарушение административно-деликтного законодательства в сфере транспорта. Так, по данным статистики, в 2023 г. судами были рассмотрены дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 11.15.1 КоАП РФ, в отношении 856 лиц [4].

При этом конструкция рассматриваемого состава административного правонарушения вызывает некоторые вопросы на практике, что связано с несовершенной законодательной регламентацией ответственности за нарушение требований в области транспортной безопасности.

Так, действующая редакция ст. 11.15.1 КоАП РФ предусматривает три состава административного правонарушения. Общим из всех указанных составов является отсутствие признаков уголовно наказуемого деяния. Это уточнение имеет важное значение, поскольку ст. 263.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за нарушение требований в области транспортной безопасности, которое характеризуется рядом обязательных криминообразующих признаков (последствий в виде неосторожного причинения тяжкого вреда здоровью человека, крупного ущерба и т.д.).

Основной состав административного правонарушения (ч. 1 ст. 11.15.1 КоАП РФ) характеризуется следую-

щими признаками. Во-первых, объективная сторона правонарушения заключается в неисполнении требований по обеспечению транспортной безопасности или в неисполнении требований по соблюдению транспортной безопасности. Требования транспортной безопасности изложены в специальном Федеральном законе от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», а также в подзаконных нормативно-правовых актах Правительства РФ в зависимости от конкретного вида транспорта. Дифференциация законодательных требований транспортной безопасности чрезвычайно важна, поскольку учитывает особенности эксплуатации каждого вида транспорта. Например, по справедливому замечанию М. Д. Побегайло, воздушный транспорт является особой сферой деятельности, где правонарушения могут нанести серьезный ущерб безопасности и жизни пассажиров [2, с. 372]. Поэтому и требования к безопасному использованию воздушного транспорта выше, чем в отношении других видов транспорта.

Таким образом, нарушение указанных выше норм и правил составляет объективную сторону правонарушения, предусмотренного ст. 11.15.1 КоАП РФ. Учитывая положения специального законодательства о транспортной безопасности, круг деяний, подпадающих под ст. 11.15.1 КоАП РФ, весьма широк. В данном ключе представляется справедливым замечание В. Е. Степенко и Н. О. Коробкиной о том, что безопасность имеет несомненный приоритет над всеми остальными критериями транспортных средств, поэтому законодатель счел необходимым урегулировать как можно большее количество всевозможных ситуаций, возникающих в процессе осуществления транспортной деятельности [3, с. 143]. Поэтому, думается, законодатель намеренно сформулировал объективную сторону нарушения требований в области транспортной безопасности достаточно широко, чтобы под действие нормы ст. 11.15.1 КоАП РФ попадали все общественно вредные деяния на транспорте.

Для того, чтобы уяснить содержание объективной стороны нарушения требований в области транспортной безопасности, можно рассмотреть данное деяние на конкретных примерах из правоприменительной практики. Так, организация-застройщик обязана на период строительства объектов транспортной инфраструктуры организовывать досмотр в целях обеспечения транспортной безопасности, пропускной и внутриобъектовый режимы, мероприятия по защите от актов незаконного вмешательства и т.д. Нарушение указанных требований квалифицируются правоприменителем по ст. 11.15.1 КоАП РФ [5].

Кроме того, субъективная сторона административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 11.15.1 КоАП РФ, характеризуется неосторожной формой вины по отношению к совершенному деянию.

В ч. 2 ст. 11.15.1 КоАП РФ (квалифицированный состав) содержится дополнительный признак объективной стороны — повторность совершения деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 11.15.1 КоАП РФ. В свою очередь, ч. 3 ст. 11.15.1 КоАП РФ устанавливает такой признак субъективной сто-

роны, отличающий указанный состав от двух предыдущих, как умысел по отношению к совершенному деянию.

Таким образом, состав рассматриваемого административного правонарушения сконструирован конкретно, в нем отражены все важные объективные и субъективные признаки. Указанные признаки позволяют в том числе разграничить составы административного правонарушения и преступления, что имеет важное значение для правоприменительной практики.

Однако следует отметить, что в будущем состав нарушения требований в области транспортной безопасности, вероятно, будет сформулирован иначе. Так, в Проекте КоАП РФ [6], подготовленном Минюстом России, статья 20.18 «Нарушение требований в области транспортной безопасности» содержит только один общий состав, который раскрывает лишь объективную сторону правонарушения, причем она изложена в общем виде как «неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности либо требований по соблюдению транспортной безопасности». Как видно, в ст. 20.18 Проекта КоАП РФ нет разделения на основной и квалифицированные составы, не указано на субъективные признаки правонарушения.

Полагаем, такая формулировка не позволяет разграничить смежные составы административного правонарушения и преступления, а также схожие составы административных деликтов. В частности, ст. 11.15.2 КоАП РФ предусматривает ответственность за «нарушение установленных в области обеспечения транспортной безопасности порядков и правил», данный состав сохранен и в Проекте КоАП РФ. Согласимся с мнением М. М. Балютиной о том, что правильность определения состава административного правонарушения важна для обеспечения законности при привлечении лица к административной ответственности, для ограничения административных проступков от других видов правонарушений [1, с. 99]. Решению данной задачи способствует правильная и детальная регламентация признаков административного правонарушения в КоАП РФ.

Кроме того, считаем необходимым дифференцировать административную ответственность за нарушение требований в области транспортной безопасности в зависимости от признаков субъективной стороны, как это сделано в действующей редакции ст. 11.15.1 КоАП РФ. Полагаем, санкция за умышленное правонарушение должна быть более строгой, чем за неосторожное.

На основании изложенного мы приходим к выводу о том, что действующее административно-деликтное законодательство достаточно четко определяет признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 11.15.1 КоАП РФ. Между тем, вероятное изменение конструкции состава рассматриваемого административного правонарушения, которое отражено в Проекте нового КоАП РФ, не отвечает целям установления четких критериев разграничения смежных составов правонарушений в сфере транспортной безопасности и по этой причине требует существенной доработки.

Литература:

1. Балютина М. М. Особенности определения административных правонарушений на морском транспорте // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6.
2. Побегайло М. Д. Совершение административных правонарушений на воздушном транспорте // Теория и практика гражданских правоотношений: материалы II Межрегиональной научно-практической конференции по актуальным проблемам частноправовых отношений / под ред. А. Н. Сторожевой. Красноярск, 2024.
3. Степенко В. Е., Коробкина Н. О. Административные правонарушения на транспорте // Право и государство: теория и практика. 2020. № 5 (185).
4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 2023 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688> (дата обращения: 16.06.2024).
5. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 августа 2022 г. по делу № А32–8321/2022 // ИПС «Гарант». — URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/65191180/paragraph/1/doclist/9388/>.
6. Проект Федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России 30 января 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=191214&dst=#ol5NfEUGOzyjMjMS1>.

Направление уголовного дела на дополнительное расследование как путь к предупреждению судебных ошибок

Подкаура Анастасия Николаевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

На современном этапе развития общества одной из актуальных целей государства представляется обеспечение контроля над преступностью, а также ее минимизация. При этом одним из самых главных и базовых средств достижения вышеуказанных целей является соблюдение прав личности, при осуществлении уголовного судопроизводства [1].

В настоящее время субъектами, ведущими уголовный процесс, нередко допускаются процессуальные ошибки, которые ведут к снижению качества расследования уголовных дел и рассмотрения их в судах, отсюда возникает не менее актуальная проблема, касающаяся недоверия граждан органам власти. Процессуальные ошибки со стороны страж закона при осуществлении уголовного судопроизводства заключаются в следующем: нарушение законодательства, а именно норм Конституции Российской Федерации, международно-правовых норм и норм уголовно-процессуального законодательства, допущение значительного количества ошибок в полном всестороннем и объективном исследовании всех обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу и т. д. В результате совершения таких ошибок лицу может быть незаконно избрана мера пресечения, лицо может быть незаконно осуждено либо оправдано, судебным решением приговорено к чрезмерно строгому либо к чрезмерно мягкому наказанию.

В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод о том, что ошибки, допущенные в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования, нередко влекут за собой допущение судеб-

ных ошибок, что сказывается в дальнейшем на судьбе человека, а также снижению доверия общества к правосудию, что влечет за собой деструктуризацию функционирования важнейших институтов государства. Поэтому одной из основных задач органов власти является сведение к минимуму допущения ошибок в уголовном судопроизводстве, неукоснительное соблюдение принципов, закреплённых в Конституции Российской Федерации, международно-правовых договорах, а также Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, использование органами предварительного расследования законных методов ведения уголовного судопроизводства, выработка механизма предупреждения, выявления и исправления следственных и судебных ошибок. Один из способов предупреждения судебных ошибок рассмотрен в данной статье.

Ключевые слова: судебные ошибки, дополнительное расследование, процессуальные нарушения, судья, прокурор, следователь, законность, справедливость.

Судебные ошибки могут иметь серьезные последствия для всех участников уголовного процесса. Одним из эффективных способов их предупреждения является направление уголовного дела на дополнительное расследование. Эта процедура позволяет устранить пробелы и несоответствия, которые могут привести к вынесению неправомерного приговора судьей.

Дополнительное расследование представляет собой важный инструмент в системе уголовного судопроизводства, направленный на полное и всестороннее исследование обстоятельств дела. Оно позволяет избежать

ошибок, связанных с недостаточной проверкой доказательств или неправильной квалификацией деяний.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству РФ, в обязанности суда входят гарантии соблюдения норм права в процессе судебного разбирательства для обеспечения вынесения законного, обоснованного и справедливого решения [2]. В случае обнаружения процессуальных нарушений, допущенных на стадии предварительного следствия или дознания, суд имеет право направить уголовное дело прокурору на дополнительное расследование, если в ходе судебного разбирательства выявлены существенные пробелы или несоответствия, которые могут повлиять на законность и обоснованность судебного решения.

Так, согласно статье 237 УПК РФ, уголовное дело возвращается прокурору в следующих случаях:

- если обвинительное заключение, акт или постановление составлены с нарушениями, которые делают невозможным вынесение приговора или иного решения;
- если лицу, обвиняемому в совершении преступления не была вручена копия обвинительного заключения, за исключением случаев, признанных законными и обоснованными судом;
- если возникла необходимость в составлении обвинительного заключения или акта по уголовному делу, которое ранее было направлено в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера;
- если существуют основания для соединения уголовных дел, за исключением случая, предусмотренного статьёй 239.2 УПК РФ;

– если, лицу, обвиняемому в совершении преступления при ознакомлении с материалами уголовного дела не были разъяснены его права в порядке ч. 5 статьи 217 УПК РФ;

– если фактические обстоятельства указывают на более тяжкое преступление или общественно опасное деяние.

Судья также может вернуть дело прокурору для передачи его по подследственности, если имеются обстоятельства, указанные в статье 226.2 УК РФ и ч. 4 статьи 226.9 УК РФ.

Судья возвращает на дополнительное расследование уголовное дело прокурору, если:

- после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно-опасные последствия, совершенного деяния, требующие более тяжкой квалификации;
- если ранее вынесенные судебные акты отменены, а новые обстоятельства требуют более тяжкой квалификации действий обвиняемого.

В случае возвращения уголовного дела прокурору, судьей должен быть решен вопрос о мере пресечения, также судья может продлить срок содержания обвиняемого лица под стражей с учётом установленных законодательством сроков [3, с. 291–292].

Процедура направления уголовного дела на дополнительное расследование является ключевым механизмом, который позволяет предотвратить судебные ошибки и обеспечить полноту и объективность рассмотрения дела.

После этапа выявления оснований для дополнительного расследования, суд выносит соответствующее постановление, в котором указывает причины такого решения и конкретные вопросы, требующие дополнительного изучения. Помимо прочего судом устанавливаются сроки для проведения дополнительного расследования, в течение которых следственные органы должны устранить выявленные недостатки. В свою очередь следственные органы проводят все необходимые мероприятия, которые направлены на сбор и проверку дополнительных доказательств, уточнение обстоятельств дела и исправление процессуальных нарушений, а именно следователь изучает постановление суда о направлении дела на дополнительное расследование и знакомится с обоснованием такого решения. Далее принимает все необходимые меры для проведения дополнительного расследования, включая назначение дополнительных допросов, экспертиз, обысков и других следственных действий, при этом учитывая указания суда о предмете и сроках проведения дополнительного расследования [4].

Прокуратура и следственные органы играют ключевую роль в процессе дополнительного расследования, обеспечивая полноту и объективность сбора и проверки доказательств. По завершении дополнительного расследования следственные органы представляют в суд материалы с результатами проведенных действий. Суд анализирует представленные материалы и принимает решение о дальнейшем движении дела — возобновлении судебного разбирательства, прекращении дела или направлении его на новое расследование. Грамотно проведенное дополнительное расследование способствует вынесению законного и справедливого решения, минимизируя риск судебных ошибок.

Таким образом, направление уголовного дела на дополнительное расследование является неотъемлемой частью процесса достижения справедливости. Эта процедура помогает обеспечить защиту прав и законных интересов всех участников уголовного процесса, а также повышает доверие общества к судебной системе.

Направление уголовного дела на дополнительное расследование — это один из возможных путей предупреждения судебных ошибок и обеспечения справедливости при рассмотрении уголовных дел. Этот механизм предусмотрен законодательством и может быть использован в случаях, когда суд считает, что имеющихся в деле доказательств недостаточно для принятия обоснованного и законного решения. Одной из главных целей уголовного процесса является установление истины и правильное применение закона к конкретным обстоятельствам дела. Однако даже в ходе тщательного расследования могут возникать ситуации, когда стороны дела или сам суд сомневаются в полученных данных или их интерпретации. В таких случаях возможно направление дела на дополнительное расследование для выяснения всех обстоятельств и сбора дополнительных доказательств.

При рассмотрении вопроса о направлении дела на дополнительное расследование суд обычно учитывает мнение сторон дела, а также возможность дополнительного установления истины. Этот механизм способствует тому, чтобы судебное решение было максимально обоснованным и неуклонно учитывало интересы всех участников процесса. Кроме того, направление дела на дополнительное расследование позволяет суду избежать заключения по делу на основании недостаточной информации или ошибочного истолкования имеющихся

данных. Это, в свою очередь, снижает риск возможных судебных ошибок и помогает сохранить доверие общества к судебной системе.

Таким образом, направление уголовного дела на дополнительное расследование является важным инструментом предотвращения судебных ошибок и обеспечения справедливости при вынесении решения по уголовным делам. Этот механизм позволяет судьям иметь доступ к полному комплексу информации и доказательств, что способствует принятию обоснованных и законных решений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (10 июня 2024).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (часть I). — Ст. 4921; 2024. — № 8. — Ст. 1036.
3. Под редакцией Андреевой О.И., Назарова А.Д., Стойко Н.Г. и Тузова А.Г. Уголовный процесс. Р.: Феникс, 2015. — 291–292 с.
4. Зуев С. В., Сутягин К. И. Уголовный процесс. Ч.: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. — 223 с.

Общественный контроль в системе местного самоуправления

Полозова Александра Дмитриевна, студент

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Научный руководитель: Таева Наталья Евгеньевна, доктор юридических наук, профессор

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В настоящей статье исследуются проблемы осуществления общественного контроля в органах местного самоуправления. С этой целью анализируется понятие «общественный контроль», характеризуются субъекты общественного контроля в рамках правоприменительной практики, описываются объекты общественного контроля, формы общественного контроля. Автором заостряется внимание на отсутствие в законодательстве такого института общественного контроля, как муниципальная общественная палата (совет); внесено предложение о необходимости его законодательного закрепления. В статье обозначена проблема низкого уровня профессионализма субъектов общественного контроля на муниципальном уровне и предложены пути её решения.

Ключевые слова: контроль, общественный контроль, органы местного самоуправления, муниципальная общественная палата (совет)

Public control in the local government system

This article deals with the implementation of public control in local governments: the concept of «public control» is revealed, a list of subjects of public control within the framework of law enforcement practice is given, objects of public control, forms of public control are described, attention is focused on the absence in the law of an institution of public control called «municipal public chamber (council)» with the proposal on the need for its legislative consolidation; the problem of unprofessionalism of persons included in the subjects of public control and ways to solve it is noted.

Keywords: control, public control, local governments, municipal public chamber (council)

В действующем законодательстве общественный контроль определяется как «деятельность субъектов об-

щественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти,

органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений» [2].

Перечень субъектов, в полномочия которых входит осуществление общественного контроля, закреплён в федеральном законе от 21.07.2014 N212-ФЗ (ст. 9) и включает в себя: Общественную палату Российской Федерации, общественные палаты субъектов Российской Федерации, общественные палаты (советы) муниципальных образований, общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации, общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, группы общественного контроля и иные организационные структуры общественного контроля.

Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ [1] (ст. 26.1) предусмотрены такие субъекты общественного контроля, как: инициаторы проекта, граждане, проживающие на территории соответствующего муниципального образования, уполномоченные сходом, собранием или конференцией граждан, иные лица, определяемые законодательством Российской Федерации.

Осуществление общественного контроля предполагается возможным на любой стадии в рамках деятельности органа местного самоуправления.

Федеральным законом от 21.07.2014 № 212-ФЗ уделяется большое внимание процедуре общественного контроля, перечню контрольных мероприятий, отмечены ключевые формы общественного контроля, такие как: общественный мониторинг, общественная экспертиза и общественные проверки. Очевидно, что названные формы осуществления общественного контроля требуют специальных знаний, навыков и умений, которыми вряд ли обладают рядовые граждане. Это может являться существенной помехой при взаимодействии органов местного самоуправления и субъектов общественного контроля и принесет больше вреда, нежели пользы, в связи с чем предлагается проводить обучение и давать профессиональные знания в контролируемой сфере субъектам общественного контроля.

Наибольшую значимость среди субъектов общественного контроля над деятельностью органов местного самоуправления в последнее время приобретают муниципальные общественные палаты (советы). Они создаются в органах местного самоуправления с целью обеспечения взаимодействия жителей муниципального образования и органов местного самоуправления, с целью трансляции и учёта мнения местного общества, реализации конституционного права на участие населения в осуществлении местного самоуправления.

Правовое регулирование данного института на сегодняшний день существует на уровне субъектов Рос-

сийской Федерации. Субъекты Российской Федерации в своем законодательстве определяют стандартный набор функций, который должны осуществлять муниципальные общественные палаты (советы):

— общественный контроль за деятельностью органов местного самоуправления;

— привлечение граждан и общественных объединений к формированию и реализации муниципальной политики, учет общественного мнения;

— выдвижение и поддержка местных инициатив, повышение уровня правосознания граждан [4].

Среди специальных законов, регулирующих основные положения по осуществлению общественного контроля в своих регионах и закреплению функций муниципальной общественной палаты (совета), можно отметить Закон Амурской области от 29 декабря 2014 года «Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля на территории Амурской области», Закон Республики Тыва от 5 июля 2015 года «Об осуществлении общественного контроля в Республике Тыва», Закон Магаданской области от 27 февраля 2015 года «Об общественном контроле в Магаданской области», Закон Пензенской области от 4 марта 2015 года «О порядке организации и осуществления общественного контроля в Пензенской области» и др.

Однако, данный субъект общественного контроля не находит своего отражения в законодательстве федерального уровня (а именно в 131-ФЗ или 212-ФЗ), в связи с чем предлагается проработать данное направление и предусмотреть институт муниципальных общественных палат (советов). О роли данного института общественного контроля говорилось в рекомендациях Государственной Думы Федерального Собрания РФ, принятым по итогам работы круглого стола, посвященного проблеме создания региональных и местных сообществ: «важнейшим институтом гражданского участия, содействующим прозрачности и открытости деятельности всех уровней власти, являются общественные палаты, которые должны выступать платформой для представления интересов различных форм организованных местных сообществ» [3]. В Резолюции XXIV сессии Совета региональных, местных властей и сообществ от 10.11.2022 года констатируется, что выявленные системные проблемы необходимо решать на регуляторном уровне; в документе сформулирован целый спектр предложений, предполагающих внесение изменений в законодательство, нацеленных на институционализацию муниципальных общественных палат (советов) [5].

Таким образом, закрепление такого института, как муниципальные общественные палаты (советы) в федеральном законодательстве, обеспечит единообразие среди муниципальных актов муниципальных образований в Российской Федерации, регулирующих вопросы организации и деятельности муниципальных общественных палат (советов). Будет способствовать всестороннему и оперативному взаимодействию граждан с органами

местного самоуправления в целях согласования общественно значимых интересов, защиты их прав и свобод, достижения общественного согласия по наиболее важным вопросам социально экономического и общественно-политического развития муниципального образования.

В целях объективного и справедливого осуществления полномочий по общественному контролю рекомендуется проводить обучение и давать профессиональные знания в контролируемой сфере субъектам общественного контроля во избежание ошибочной оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. Необходимо разработать, принять и реализовать на федеральном уровне программу повышения квалификации сотруд-

ников аппаратов муниципальных общественных палат (советов).

Поскольку с каждым годом в России увеличивается применение института муниципальных общественных палат (советов) предлагается закрепить данную форму в федеральном законодательстве, что повлечёт за собой единообразие применения и единую практику на территории Российской Федерации. Следует детализировать механизм формирования муниципальных общественных палат (советов), а также их взаимодействия с муниципальными органами власти, муниципальными организациями, иными организациями, осуществляющими отдельные муниципальные полномочия.

Литература:

1. Федеральный закон от 06.10.2003 N131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. N40. Ст. 3822
2. Федеральный закон от 21.07.2014 N212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (Ч. 1). Ст. 4213
3. Государственная дума Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва Комитет по региональной политике и местному самоуправлению решение 13.09.2022 № 27/8 о рекомендациях «круглого стола» на тему: «региональные и местные сообщества как фактор и субъект стратегического развития регионов и муниципалитетов» // Местное право. 2022. № 5. С. 85–108.
4. Доклад об организации и деятельности муниципальных общественных палат (советов) в Российской Федерации /под ред. А. Н. Максимова, Е. С. Шугриной. М., 2022. 159 с.
5. Итоги «круглого стола» на тему: «Региональные и местные сообщества как фактор и субъект стратегического развития регионов и муниципалитетов» // Муниципальная академия. 2022. № 3. С. 10–13.

Правовое регулирование исполнения наказания в виде штрафа

Посельский Михаил Михайлович, курсант

Научный руководитель: Морозов Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент,
подполковник внутренней службы

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Новокузнецк, Кемеровская обл.)

В статье исследуется правовое регулирование исполнения наказания в виде штрафа.

Ключевые слова: наказание, правовое наказание, исполнение, штраф.

В настоящее время фундаментальными нормативно-правовыми актами, регулируемыми, назначение и исполнение уголовного наказания в виде Штраф, являются уголовный и уголовно-исполнительный кодекс.

Статья 46 УК РФ, а также статья 31 УИК РФ, посвящены такой мере наказания как штраф, который в свою очередь в ч. 1 ст. 35 УК РФ понимается как финансовое взыскание, налагаемое в пределах, установленных УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указывает, что штраф должен быть исчислен и указан в резолютивной части приговора в виде определенной суммы.

Штраф занимает лидирующее место в перечне наказаний, установленном ст. 44 УК. Это означает, что штраф — это наиболее мягкое уголовное наказание, предусмотренное законом.

Ссылаясь на часть 2 статьи 46 уголовного кодекса, размеры штрафа устанавливаются в пределах от пяти тысяч до пяти миллионов рублей или в виде заработной платы или иного дохода, осужденного за определенный период времени, а именно от двух недель до пяти лет. Также возможно исчисление штрафа в зависимости от стоимости предмета, суммы взятки или иных незаконных транзакций.

Часть 3 статьи 45 УК РФ регламентирует, что размер штрафа определяется судом с учетом тяжести преступ-

ления, финансово-экономического положения осужденного и его семьи, а также способности заработка осужденным. Суд может решить назначить штраф с рассрочкой на определенный срок, учитывая данные обстоятельства.

Также одной из специфик штраф, является возможность замены его на иную меру уголовно-правового характера, в пределах санкций, предусмотренных соответствующими статьями УК РФ. А именно в качестве замены могут выступать, обязательные, исправительные работы, арест или лишение свободы.

При вынесении наказания суд также учитывает возможность осуществления выплаты штрафа осужденным. Поэтому при определении размера штрафа учитывается не только характер и тяжесть преступления, но также имущественное положение осужденного, чтобы избежать создания тяжелой финансовой обстановки для осужденного и его семьи. Помимо этого, при вынесении наказания, судом будут учитываться возможности осужденного заработать деньги или получить другие доходы.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод что основными задачами штрафа являются:

1. Гарантирование общественного порядка через применение необходимых, но не излишних силовых методов;
2. Гарантирование общественного порядка через применение необходимых, но не излишних силовых методов.

Говоря о эффективности назначения наказания в виде штрафа, стоит сказать, что, правильное применение штрафа способно оказывать серьезное как материальное, так и психологическое воздействие на осужденного, существенно снижая рецидив преступлений, в качестве примера можно привести статистические показатели, так в 2019 году, рецидив среди лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, составлял 1,5% в настоящее время этот показатель снизился до 0,7%. Рецидив среди многих, кто отбывал наказание в виде лишения свободы, остается неизменным и на протяжении многих лет в среднем составляет около 35%.

Литература:

1. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах УИС» (с изменениями и дополнениями) // [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
3. «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 N1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.12.2023) // [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/
4. Глуздак Г. Н., Лихоманова Я. Ю., Булгакова Л. С. Перспективы и пути развития альтернативных методов исчисления административных штрафов // *Вестник Административного права и практики администрирования*. 2022. № 4. С. 62–71.
5. Давиденко К. А. Штраф как уголовное наказание // *Молодежь третьего тысячелетия: сборник научных статей*. 2016. С. 140–141.
6. Дзиковская, А.М. Административный штраф как один из видов наказания / А.М. Дзиковская. // *Молодой ученый*.— 2022.— № 3 (398).— С. 304–306.— URL: <https://moluch.ru/archive/398/87949/> (дата обращения: 28.06.2024).
7. Шукшева, И.В. Штраф как вид наказания / И.В. Шукшева.— Текст: непосредственный // *Молодой ученый*.— 2021.— № 21 (363).— С. 316–318.— URL: <https://moluch.ru/archive/363/81285/>

Современные потребности учтены законодателем, что позволяет шире применять штраф в качестве наказания за менее тяжкие преступления. Таким образом, штраф используется как наказание за множество видов преступлений.

Использование штрафа, как альтернативы лишению свободы как виду наказания, постоянно возрастает. Штраф активно включается в список наказаний, предусмотренных статьями особенной части УК РФ, и нет ограничений на его применение к несовершеннолетним. Однако остаются нерешенными многие вопросы, связанные с фактическим применением этого вида государственного принуждения. Это объясняется тем, что нельзя охватить все уголовно-правовые вопросы, которые могут возникнуть на практике, в одном нормативно-правовом акте, таком как УК РФ.

За период действия УК РФ законодателем были внесены изменения, направленные на увеличение практики применения штрафа в качестве уголовного наказания. Увеличено количество санкций, предусматривающих наказание в виде штрафа (с 241 до 324), включая преступления против собственности, преступления в сфере экономической деятельности, экологические преступления — и т.д. В настоящий момент идею экономии уголовной репрессии должны осуществлять правоприменители, реализуя расширение назначения штрафа как основного и дополнительного наказания.

Таким образом можно сделать вывод, что в настоящее время, такая форма уголовного наказания как штраф, является наиболее важной в системе уголовных наказаний, поскольку именно штраф позволяет оказывать, как имущественное, так и психологическое воздействие, значительно уменьшая рецидив совершаемых преступлений. И при всем вышперечисленном при вынесении наказания, судом будут учтены множество факторов, которые играют роль в возможности выполнения наказания осужденным к нему лицу.

Соотношение полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания

Прокопьев Максим Вадимович, студент магистратуры
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова (г. Хабаровск)

Настоящая статья посвящена анализу соотношения полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания. Рассмотрены процессуальные отношения между начальником органа дознания и начальником подразделения дознания. Выявлены основные проблемы, с которыми они сталкиваются в ходе своей деятельности, а также предложены пути решения данных проблем.

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации на государство возложена обязанность обеспечить признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека, и гражданина. Уполномоченные государственные органы и должностные лица обеспечивают защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). В числе государственных органов, основным назначением которых является уголовное преследование лиц, совершивших преступления, можно выделить органы дознания.

Основное назначение органов дознания заключается в их участии в борьбе с преступностью досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в подготовке для органов предварительного следствия и правосудия условий, способствующих установлению истины по уголовным делам и вынесению на этой основе законных и обоснованных процессуальных решений.

На основании ст. 40 УПК РФ органы внутренних дел обладают статусом участника уголовного судопроизводства в качестве органа дознания. Среди уголовно-процессуальных функций, возложенных законодателем на органы дознания, особое место занимает расследование преступлений в форме дознания. Для успешной реализации вышеуказанных функций в система органов внутренних дел созданы и функционируют специализированные подразделения дознания.

В соответствии с п. 17 ст. 5 УПК РФ начальник органа дознания является должностным лицом, возглавляющее соответствующий орган дознания, а также его заместитель. По п. 17.1 ст. 5 УПК РФ начальник подразделения дознания — это должностное лицо органа дознания, возглавляющее соответствующее специализированное подразделение, которое осуществляет предварительное расследование в форме дознания, а также его заместитель. Данные определения вышеуказанных субъектов процессуальной деятельности, приведенное в п. 17 и 17.1 ст. 5 УПК РФ не дают нам точного и однозначного понимания процессуальной сущности и роли начальника органа дознания и начальника подразделения дознания.

Производство дознания осуществляется дознавателем под руководством начальника органа дознания, начальника подразделения дознания. В этой связи существует точка зрения, что дознаватель является лицом менее процессуально самостоятельным, чем следователь, не только

по причине того, что над дознавателем осуществляется «двойной контроль», но и по причине того, что дознавателю определяют направление дознания, а также совокупность следственных и иных действий, которые обязан совершить дознаватель в процессе осуществления дознания. В этой связи следователь более самостоятелен.

Анализ ст. 40 УПК РФ позволяет подразделить всех субъектов процессуальной деятельности на две группы, которые различаются в зависимости от характера и объема предоставляемых им полномочий. Первую группу этих субъектов составляют органы дознания, которые обладают правом возбуждения уголовных дел, которые им подследственны. Вторую группу образуют иные субъекты уголовно-процессуальных полномочий, обладающие правом возбуждения уголовных дел и проведения следственных действий, по которым предварительное следствие не будет являться обязательным (ч. 2 ст. 40 УПК РФ).

Представляется, что употребление термина «орган дознания» в этом плане является не совсем точным и уместным. В связи с этим Н.С. Манова предлагает изменить употребление терминов в законе, заменив понятие «орган дознания» на понятие «органы, на которые возложено производство дознания» [4, с. 7]. Замена данных терминов позволит выделить ту уголовно-процессуальную деятельность, ради которой созданы органы дознания, поскольку кроме дознания, данные органы обладают иными правоохранительными полномочиями.

В этом контексте становится важным рассмотреть процессуальные правомочия начальника органа дознания. Буквальное толкование положений ч. 2 ст. 40.2 УПК РФ позволяет констатировать тождество полномочий начальника органа дознания полномочиям начальника подразделения дознания исключительно в отношении подчиненных указанным субъектам дознавателей. Следовательно, с учетом содержания ст. 40.1 УПК РФ, начальник подразделения дознания наделяется исключительно полномочиями по процессуальному руководству деятельностью подчиненного ему и управомоченного им на производство дознания дознавателя.

Начальник органа дознания, будучи субъектом управленческих отношений, обязан изучать уголовные дела, поручать дознавателям их расследование, давать письменные указания о ходе предварительного расследования.

Также начальник органа дознания обязан рассматривать письменные возражения дознавателя на указания начальника подразделения, возвращать уголовные дела дознавателю с письменными указаниями о производстве дополнительного дознания, пересоставлять обвинительный акт или обвинительное постановление, а также утверждать обвинительный акт (обвинительное постановление) по уголовному делу и т.д.

В практической деятельности осуществление начальником органа дознания полномочий по контролю за предварительным расследованием уголовных дел фактически оказывается не реализуется из-за несовершенства законодательного закрепления полномочия начальника органа дознания. Данное утверждение аргументируется, что начальник органа дознания обладает правом давать обязательные для исполнения поручения дознавателю, но у него нет реальных процессуальных возможностей по воздействию на дознавателя, чтобы тот качественно и в установленные сроки выполнил письменное поручение начальника органа дознания, поскольку не обладает возможностью отмены необоснованного или незаконного постановления дознавателя, за исключением постановления о приостановлении производства.

Конечно, будучи непосредственным руководителем органа дознания и осуществляя ведомственный контроль, начальник органа дознания может применять по отношению к дознавателю меры дисциплинарного воздействия (например, в виде выговора или отстранения от дознания), однако реальное отсутствие полномочий у начальника органа дознания воздействовать на дознавателя и направлять ход дознания и не допускать нарушений уголовно-процессуального законодательства препятствует реализации принципа соблюдения разумного срока предварительного расследования в форме дознания, закрепленного ст. 61 УПК РФ. В этой связи представляется возможным закрепить за должностными лицами органа дознания, осуществляющими процессуальный контроль за расследованием уголовных дел в форме дознания, более обширные процессуальные контрольные полномочия за деятельностью дознавателей.

Также следует обратить внимание на то обстоятельство, что начальнику подразделения дознания представлены полномочия отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении дознания (п. 3 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ), а ряд других полномочий, например, отменять незаконные, необоснованные постановления о прекращении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела ему по какой-то причине не предоставлены, поскольку они отнесены к полномочиям прокурора. Тогда из этого возникает вопрос, а зачем предоставлена возможность начальнику органа дознания, также как и начальнику подразделения дознания, отмены всего одного вида постановлений, которые могли быть также направлены на разрешение прокурора.

Исходя из вышеуказанного возникает вопрос, о целесообразности и «нужности» участия начальника органа

дознания в процессуальном контроле за правильным и законным расследованием уголовного дела дознавателями, при том, что имеется начальник подразделения дознания.

Также спорным является вопрос о том, является ли правильным, то, что обвинительный акт или обвинительное постановление утверждается начальником органа дознания, а не начальником подразделения дознания. В качестве аргументов того, что данный вопрос должен быть пересмотрен и данное полномочие необходимо передать в ведение начальника подразделения дознания называют тот факт, что начальник органа дознания, помимо контроля за предварительным расследованием в форме дознания занимается и осуществлением общего контроля и организации работы всего органа в случае, если мы говорим о полиции, то это — отделение (пункт) полиции, начальник занимается контролем за оперативно-розыскной, административной и иной деятельностью. В связи с загруженностью, необходимостью больших затрат времени для полного, надлежащего изучения материалов уголовного дела в ущерб другим зонам ответственности, во многих случаях, начальник органа дознания изучает лишь поверхностно обвинительный акт или обвинительное постановление — итоговые акты всего предварительного расследования в форме дознания.

Деятельность же начальника подразделения дознания ограничивается лишь подчиненными ему дознавателями. Начальник подразделения дознания обладает более подробной информацией расследования уголовного дела и было бы более логично, если бы и он утверждал итоговый акт производства дознания, контролируя ход производства предварительного расследования в форме дознания.

Таким образом, несмотря на значительные изменения в законодательстве, остаются нерешенными вопросы четкого разграничения полномочий и устранения правовых коллизий. Необходимо более четко и детальное разграничить полномочия начальника органа дознания и подразделения дознания. Представляется, что начальник органа дознания должен обладать правами руководителя контролирующего органа, который призван реализовать полноценные функции по контролю за всеми аспектами деятельности дознавателей. В этой связи представляется также важным закрепить на законодательном уровне понятие подразделения дознания, как специализированного структурного подразделения государственного органа, имеющего право осуществлять деятельность в сфере дознания. Следовательно, и взаимоотношения между начальников органа дознания и начальника подразделения дознания должны выстраиваться с учетом субординационных отношений, т.е. отношения власти-подчинения. При этом, начальник органа дознания не должен вмешиваться в непосредственную деятельность, связанную с осуществлением дознания, а должен осуществлять общий контроль в данной сфере.

Решение указанных проблем требует комплексного подхода, включающего как законодательные изменения,

так и совершенствование правоприменительной практики. Только в этом случае можно обеспечить эффек-

тивную работу органов дознания и защиту прав участников уголовного процесса.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024).
3. Дознание в органах внутренних дел: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Ф.К. Зиннуров, Ф.Р. Хисамутдинов, С.Я. Казанцев [и др.]; под редакцией Н.В. Румянцев, Ф.К. Зиннуров. — 2-е изд. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 431 с. — ISBN978-5-238-02225-3. — Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/71177.html>.
4. Манова Н.С. Предварительное и судебное производство: дифференциация форм. — 2014 — С. 178.

Подходы к пониманию компетенции IT-юриста в эпоху цифровизации

Пятерова Ольга Владимировна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматривается вопрос понимания комплексной природы компетенции IT-юриста в эпоху цифровизации всех сфер человеческой жизнедеятельности. Рассматривается спектр задач юриста в сфере информационных технологий, перечень навыков, которыми такой юрист должен обладать, выражаются различные точки зрения относительно вариантов получения необходимого образования.

Ключевые слова: цифровизация, компетенция, IT-юрист, юрист в сфере информационных технологий, кибербезопасность.

Эра цифровизации ознаменовалась повсеместным переходом всех сфер жизнедеятельности человека из физической среды в цифровую. Она охватывает все аспекты жизни общества, начиная от образования и заканчивая здравоохранением. Значительные изменения привнесла тенденция цифровизации и в сферу экономики. Цифровизация означает использование современных информационных технологий для оптимизации процессов и улучшения качества жизни людей.

Одним из основных направлений цифровизации является переход к облачным технологиям. Облачные сервисы позволяют хранить и обрабатывать данные удаленно, что обеспечивает более высокую гибкость и масштабируемость IT-инфраструктуры. Это особенно актуально для бизнеса в силу возможности минимизировать затраты на оборудование и обслуживание информационных систем.

IT-сфера (или информационные технологии) — это обширная отрасль, охватывающая все аспекты разработки, использования и управления информационными технологиями в различных областях бизнеса, науки и общества. Она играет ключевую роль в современном мире, становясь мощным двигателем экономического развития и социальных изменений.

Современное состояние IT-сферы характеризуется быстрым темпом развития и постоянными инновациями в области программного обеспечения, аппаратных средств, облачных технологий, искусственного интел-

лекта и многих других областей. Благодаря этим инновациям IT-сфера трансформировала многие аспекты нашей жизни, сделав их более удобными, эффективными и доступными.

Одним из ключевых трендов в IT-сфере является цифровизация бизнеса и общества в целом. Так, компании активно внедряют цифровые технологии для оптимизации процессов, улучшения взаимодействия с клиентами и повышения конкурентоспособности. Это открывает новые возможности для развития новых продуктов и услуг, создания новых бизнес-моделей и улучшения качества жизни людей.

Безусловно, такая масштабная область оборота товаров и услуг, оперирующая в цифровой сфере, нуждается в соответствующем уровне защиты. С одной стороны, речь идет о кибербезопасности, однако, нельзя забывать о факторе надёжности, которую лучше всего способен обеспечить специалист. Так, на смену обычным юристам бизнес-компаний приходит новая фигура — IT-юрист.

Роль IT-юриста в области информационных технологий является крайне важной и востребованной. IT-юрист специализируется на правовых аспектах, касающихся использования информационных технологий, защиты данных, безопасности информации, электронной коммерции, защите интеллектуальной собственности и других правовых вопросах, связанных с современными технологиями.

Основные обязанности IT-юриста включают:

- правовое сопровождение разработки и внедрения новых IT-продуктов и сервисов;
- анализ и подготовка договоров, связанных с информационными технологиями (лицензионные соглашения, соглашения о конфиденциальности, условия использования программного обеспечения и т.д.);
- оценка рисков и разработка стратегий по обеспечению безопасности данных и соблюдению требований по защите личной информации;
- представление интересов компании в суде в случае возникновения юридических споров в области IT;
- содействие в соблюдении международных и национальных законов и нормативных требований, касающихся использования информационных технологий.

Исходя из вышеуказанного спектра выполняемых функций, можно заключить, что IT-юристы играют ключевую роль в обеспечении законности и безопасности в сфере IT, помогая компаниям избежать юридических проблем и минимизировать риски. Благодаря своим знаниям и опыту они способствуют развитию инноваций и эффективному использованию информационных технологий в соответствии с законодательством.

Очевидно, что такой набор функций требует наличия высоких компетенций соответствующего уровня. Компетенции IT-юриста включают широкий спектр знаний и навыков, необходимых для успешной работы в области права информационных технологий.

Существует несколько основных подходов к формированию компетенции IT-юриста:

- знание правового поля: IT-юрист должен обладать глубокими знаниями в области права, включая гражданское, коммерческое, интеллектуальное собственности, защиту персональных данных и другие отрасли права, которые применяются в IT-сфере;
- понимание информационных технологий: IT-юристу необходимо понимание основных принципов функционирования информационных технологий, различных видов программного обеспечения, облачных технологий, криптовалют и других аспектов, чтобы адекватно оценивать правовые аспекты и риски;
- коммуникативные навыки: IT-юристу важно уметь эффективно коммуницировать как с техническими специалистами, так и с бизнес-партнерами и клиентами. Это поможет в понимании специфики проектов и формулировании юридических решений;
- аналитические способности: IT-юрист должен быть способен анализировать сложные правовые вопросы, выявлять ключевые моменты, принимать информированные решения и предсказывать последствия;
- обучаемость и саморазвитие: IT-сфера постоянно меняется и развивается, поэтому IT-юристу важно постоянно обновлять свои знания, следить за изменениями в законодательстве и индустрии, участвовать в профессиональных мероприятиях и курсах;

— этические принципы: IT-юрист должен соблюдать высокие стандарты этики, особенно при работе с конфиденциальной информацией и личными данными.

Формирование компетенции IT-юриста требует постоянного самосовершенствования и широкого кругозора в области права и информационных технологий. Сочетание технических и правовых знаний позволит IT-юристу успешно решать сложные задачи и обеспечивать безопасность и законность в области IT.

Таким образом, компетенция IT-юриста не ограничивается наличием какого-либо одного образования, здесь необходим комплекс нескольких образований — юридического, технического, экономического, поскольку поле деятельности юриста в сфере информационных технологий в большинстве случаев требует наличия углубленных знаний в нескольких отраслях знания. Е. В. Александрова, рассматривая проблему компетенции юриста в сфере информационных технологий, приходит к выводу о том, что такой юрист должен обладать набором общих и специальных навыков, варьирующихся от конкретного поля работы юриста [1, с. 3]. Однако такого мнения придерживаются далеко не все исследователи и ученые-теоретики.

Вопрос о том, как именно IT-юрист должен получать нужный комплекс знаний, остается дискуссионным. Например, на сегодняшний день существует множество онлайн-курсов, которые при желании может пройти любой желающий. Также в сети «Интернет» предлагается самостоятельное обучение по обучающим видеороликам. Более того, некоторые специалисты склонны обесценивать традиционное высшее юридическое образование из-за длительного срока обучения [2, с. 4]. На наш взгляд, такая точка зрения в корне противоречит самой профессии IT-юриста, главной задачей которого является, в первую очередь, регулирование именно правовых вопросов.

Большинство изученных статей дает нам основание полагать, что все-таки за базовое образование необходимо принимать юридическое, остальные навыки, среди которых аналитические, программирование и т.д., можно получать несколькими путями, например, специализированными курсами. Так, Д. В. Красиковым описывается опыт преподавания дисциплины «Программирование для юристов» в Юридической школе Миннесотского университета, где юристов обучают вводному материалу о программировании на языке Python, машинному обучению и методам обработки естественного языка в рамках юридических технических решений [3, с. 5].

Наконец, уровень профессионализма IT-юриста также напрямую зависит от обладаемых им навыков. Например, свою классификацию предложил М. Барцентевич. По его мнению, есть юристы, обладающие только базовыми навыками, юристы, владеющие более глубокими знаниями о работе технологий, и, наконец, юристы, владеющие навыками более передовыми технологическими навыками, включая навыки компьютерного программирования [4, с. 45].

Литература:

1. Александрова Е. В. Профессиональная компетенция IT-юриста // Вопросы российской юстиции. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnayakompetentsiya-it-yurista> (дата обращения: 28.06.2024).
2. IT-юрист: карьера, обязанности и перспективы.— Электронный ресурс. URL: <https://www.law.ru/article/27921-it-yurist-karera-obyazannosti-i-perspektivy> (дата обращения: 28.06.2024 г.).
3. Красиков Д. В. Об оценке необходимости и перспектив изучения будущими юристами основ компьютерного программирования // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-otsenke-neobhodimosti-i-perspektiv-izucheniya-buduschimi-yuristami-osnov-kompyuternogo-programmirovaniya> (дата обращения: 28.06.2024).
4. Барцентевич М. Технология обучения (будущих) юристов // Erasmus law review.— Роттердам, 2021.— № 1.— С. 45–53.

Профилактический визит как альтернатива плановым контрольным (надзорным) мероприятиям в условиях реформы контрольной (надзорной) деятельности

Ромашов Роман Юрьевич, студент магистратуры
Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В настоящей статье автор рассматривает проблемы в контрольной (надзорной) деятельности, связанные с заменой плановых контрольных (надзорных) мероприятий на плановые профилактические визиты, в условиях реформы контрольной (надзорной) деятельности

Ключевые слова: государственный контроль (надзор), обязательные требования, органы государственной власти, контролируемое лицо, профилактический визит, плановые проверки.

В настоящее время в Российской Федерации в условиях реформы контрольной (надзорной) деятельности государственных органов власти за соблюдением обязательных требований, профилактика нарушений имеет первостепенное значение.

Вступивший в законную силу Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 N248-ФЗ, во взаимосвязи с Федеральным законом от 31.07.2020 N247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» существенно расширяет перечень профилактических контрольных (надзорных) мероприятий, которые в настоящее время позволяют государственным органам эффективно осуществлять контрольные (надзорные) полномочия, не принимая по отношению к контролируемым лицам мер плескательного характера.

Президент Российской Федерации в 2023 году отметил, что: «Если бизнес не связан с высокими рисками причинения вреда гражданам или окружающей среде, то его вообще не должны проверять — ни в плановом порядке, ни во внеплановом. Достаточно профилактических мероприятий». [1]

Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 N248-ФЗ содержит 7 видов про-

филактических мероприятий, к которым относится в том числе информирование, консультирование, объявление предостережения, профилактический визит и другие

Из статьи 52 данного Федерального закона следует, что одним из видов профилактических мероприятий, проводимых контрольными (надзорными) органами в рамках осуществления полномочий и представляет собой, как правило беседу инспектора с контролируемым лицом, в ходе которой, оно информируется об обязательных требованиях, предъявляемых к его деятельности либо к принадлежащим ему объектам контроля. [2]

Министр экономического развития Российской Федерации отметил, что замена проверок профилактическими визитами — снижает избыточную административную и финансовую нагрузку на объекты контроля, а также смещает акцент с фиксации нарушений на их предупреждение. [3]

Согласно Толкового словаря Ожегова С. И. профилактика — «совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка», визит — «посещение, преимущ. Официальное». [4]

А. С. Евдокимов и П. П. Сергун считают, что именно процедура профилактического визита в системе профилактических мероприятий является максимально приближенной по смыслу и содержанию к контрольным (над-

зорным) мероприятиям: осуществляется выход на объект, взаимодействие с контролируемым лицом. возможна даже процедура выдачи предписания. Данное профилактическое мероприятие имеет максимально реалистичный инструмент воздействия на контрольно-надзорные правоотношения, прежде всего превентивными мерами (разъяснения, консультирование и т.д.) [5]

Хатулаева В. У. полагает, что профилактический визит является превентивным, а не контрольным (надзорным) мероприятием, которое проводится в консультационных и информационных целях. [6].

Вступление в силу 10 марта 2022 года Постановления Правительства РФ от 10.03.2022 N336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля», целью которого является снижение нагрузки на предпринимателей в условиях санкций, подход к проведению профилактических визитов существенно изменился к ряду определённых контролируемых лиц и объектов контроля.

В соответствии с п. 11(4) данного постановления, плановые контрольные (надзорные) мероприятия в отношении государственных, муниципальных и частных образовательных организаций, реализующих образовательные программы дошкольного и начального общего образования, основного общего, среднего общего и среднего профессионального образования, образовательных организаций высшего образования, государственных и муниципальных учреждений, осуществляющих деятельность в области здравоохранения, социального обслуживания детей, общественного питания детей заменены на плановые профилактические визиты, продолжительностью один день. При этом, такой профилактический визит проводится в целях оценки соблюдения обязательных требований и предусматривает возможность проведения осмотра, отбора проб (образцов), истребования документов, испытания, инструментального обследования, экспертизы. [7]

Кроме того, по результатам такого профилактического визита, в случае выявления нарушений обязательных требований контролируемому лицу может быть выдано предписание об устранении нарушения в соответствии с Федеральным законом «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 N248-ФЗ.

Поскольку профилактический визит, целью которого является оценка соблюдения обязательных требований проводится за один рабочий день, то инспектор, проводя данное контрольное (надзорное) мероприятие в полной мере не может выполнить свои контрольные (надзорные)

полномочия, за такой очень короткий период времени, что является на мой взгляд одной из главных проблем, которая не учтена законодателем.

Согласно ст. 15 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 N248-ФЗ, объектами контроля являются: деятельность, действия (бездействия) граждан и организаций, результаты деятельности, здания сооружения помещения и т.п.

Такой профилактический визит проводится по месту нахождения объектов контроля.

По смыслу положений действующего законодательства Российской Федерации инспектор обязан провести такой профилактический визит условно за 8 часов, в который входит: выход на объект контроля, проведение контрольных (надзорных) действий (осмотр, отбор проб и т.д.) и оформление соответствующих документов.

При этом законодателем не учтено, что контролируемое лицо может иметь в своём распоряжении огромное количество объектов контроля, которые могут быть расположены совершенно по разным адресам.

Например, проведение такого профилактического визита в рамках Положения о федеральном государственном санитарно-эпидемиологическом контроле (надзоре) [8] в отношении ФГБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России за один рабочий день невозможно ввиду наличия огромного количества объектов контроля [9]

Кроме того, к деятельности ФГБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России предъявляется расширенный перечень обязательных требований, оценка соблюдения которых проводится в рамках федерального государственного санитарно-эпидемиологического контроля (надзора) [10]

Таким образом, при проведении профилактического визита с целью оценки соблюдения обязательных требований, за один рабочий день инспектору приходится делать выбор, какие объекты контроля проверить, а какие оставить без внимания, что не позволит в полной мере выполнить контрольные (надзорные) полномочия.

В связи с тем, что плановые контрольные (надзорные) мероприятия были заменены на профилактические визиты в целях оценки соблюдения обязательных требований продолжительностью один рабочий день, то можно сделать вывод о недостаточности количества времени для проведения таких контрольных (надзорных) мероприятий для достижения общественно значимых результатов, связанных с минимизацией риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, вызванного нарушениями обязательных требований.

Литература:

1. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума — Стенограмма [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/71445>, свободный;
2. Федеральный закон от 31.07.2020 N248-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.08.2020, N31 (часть I), ст. 5007;

3. Максим Решетников: система профилактики окончательно внедрена в деятельность контрольных ведомств.— Текст: электронный // Министерство экономического развития Российской Федерации: [сайт].— URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_sistema_profilaktiki_okonchatelno_vnedrena_v_deyatelnost_kontrolnyh_vedomstv.html;
4. Ожегов, Сергей Иванович. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. Л.И. Скворцова. — 26-е изд., испр. и доп. — М.: Оникс [и др.], 2009. — 1359 с.;
5. Евдокимов А. С., Сергун П. П. Система профилактических мероприятий, применяемых при осуществлении государственного контроля (надзора): оценка регулирующего воздействия // Административное право и процесс 2023. N7. С. 7.;
6. Хатуаев В. У. Об убеждении как основном общем методе реализации государственной власти: состояние и некоторые проблемы совершенствования // Административное право и процесс. 2022. N1. С. 9.;
7. Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 N336 (ред. от 23.05.2024) «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // «Собрание законодательства РФ», 14.03.2022, N11, ст. 1715;
8. Положения о федеральном государственном санитарно-эпидемиологическом контроле (надзоре), утв. Постановлением Правительства РФ от 30.06.2021 N1100 // «Собрание законодательства РФ», 12.07.2021, N28 (часть II), ст. 5530.;
9. Структура Университета.— Текст: электронный // ПИМУ: [сайт].— URL: <https://pimunn.ru/university/about-university/structure/>;
10. Перечень нормативных правовых актов (их отдельных положений), содержащих обязательные требования, оценка соблюдения которых осуществляется Роспотребнадзором в рамках федерального государственного санитарно-эпидемиологического контроля (надзора)« (утв. Роспотребнадзором) // СПС «КонсультантПлюс».

Актуальные проблемы регулирования отношений по договору строительного подряда

Рушкина Анастасия Александровна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье проведено комплексное авторское исследование проблем регулирования отношений по договору строительного подряда, определены условия, которые могут быть отнесены к числу существенных.

Ключевые слова: договор строительного подряда, существенные условия договора, незаключённый договор, акт приёма работ, техническая документация.

Единый план, утверждённый постановлением Правительства РФ от 1 октября 2021 года № 2765-р, предусматривает достижение национальных целей развития России на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года [1]. Государственная политика в области строительства и управления государственными инвестициями фокусируется на увеличении объёмов возведения объектов современной инфраструктуры, способствующей созданию комфортной и безопасной среды для жизни граждан.

Учитывая значительную роль строительства в общественной жизни, а также количественную массу заключаемых договоров, некоторые исследователи утверждают, что договор строительного подряда является одним из наиболее распространённых разновидностей подряда [2, с. 8].

Правовое регулирование договора строительного подряда, кроме ГК РФ составляют Градостроительный кодекс Российской Федерации, Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N136-ФЗ, Федеральный закон

от 17.11.1995 N169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации», а также ряд иных законов и подзаконных правовых актов [3,4,5,6].

Исходя из изложенного определения в п. 1 ст. 740 ГК РФ можно заключить, что договор строительного подряда является двусторонним, возмездным и консенсуальным. К таким же выводам при характеристике договора приходят и ученые-правоведы [7, с. 108].

Относительно предмета договора обычно выделяют две точки зрения, основанных на общих положениях о подряде: предметом выступает как сама работа, так и ее о вещественный результат; предметом является сам материальный результат работы.

Более обоснованной представляется первая точка зрения, поддерживаемая, в том числе, профессором Б.М. Гонгало [8, с. 289]. Во-первых, без действий подрядчика невозможно получение материального результата, предусмотренного договором, а, во-вторых, от каче-

ства проделанных работ напрямую зависит и её результат. Таким образом, то, как именно может быть достигнут результат работ, представляет отдельный интерес для сторон договора, а, следовательно, и для правового регулирования.

Некоторые авторы выделяют особые признаки объекта строительства: неразрывность с землей (из определения понятия «недвижимость», содержащегося в ст. 130 ГК РФ); индивидуализированность; расчет на продолжительность эксплуатации [9, с. 17].

Предмет всякого договора является существенным условием (абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ), соответственно, отсутствие данного условия ведет к незаключённости договора. Предмет договора строительного подряда, строительные и связанные с ними работы, а также результат работ, определяется на основании технической документации, что следует из содержания ст. 743 ГК РФ. В ней содержится объем, содержание и другие предъявляемые требования к выполняемым работам. При отсутствии иных указаний в договоре строительного подряда предполагается, что подрядчик обязан выполнить все работы, указанные в технической документации и в смете (п. 1 ст. 743 ГК РФ).

В п. 5 Информационного Письма Президиум ВАС РФ пояснил, что, если из смысла договора можно определить предмет и он был фактически согласован сторонами, то такой договор следует считать заключенным даже в отсутствие утверждения в установленном порядке необходимой технической документации в силу того, что результат работ был принят сторонами по акту приемки работ без замечаний, что свидетельствует об отсутствии спора относительно предмета [10].

Исходя из п. 1 ст. 740 ГК РФ существенным условием является срок. Сроки выполнения работ определяются общими подрядными положениями (ст. 708 ГК РФ). Так это норма закрепляет начальный, конечный и промежуточные сроки. При этом важно, что законодатель описал, что срок может быть определен календарной датой или исчислением периода времени, а также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить (ст. 190 ГК РФ). Из п. 1 ст. 314 ГК РФ также вытекает взаимосвязь с указанной статьей, где прямо закреплено, что начало течения срока исполнения обязательства может быть отсчитываться с момента исполнения обязанностей другой стороной или наступления иных обстоятельств, предусмотренных законом или договором. Однако, долгое время судебная практика считала недопустимым определение начального срока с указанием на действия заказчика или других лиц, и договор считался незаключенным. Так, суды приходили к выводу о незаключённости договора в случае, если договор указывал определение срока начала работ от в зависимости от различных действий:

- от момента оплаты аванса, если не установлен конкретный срок [11];
- от момента передачи технической документации [12];
- от момента получения разрешения на строительство [13] и т.д.

Сейчас вопрос является разрешенным и обосновывается, тем что неопределенность в правоотношениях не возникает. В частности, Верховный суд РФ прямо указал на возможность уплаты аванса, в силу чего срок будет определяться в виде периода, начинающего исчисляться с момента внесения заказчиком денежных средств [14].

Также необходимо отметить, что из выработанных судебной практикой правовых подходов следует, что существенным условием договора является только конечный срок [15]. В гражданском законодательстве не дано ответа является ли существенным условием начальный и (или) конечный срок выполнения работ или же согласование условия о сроке осуществляется не путем указания на начальный и конечный срок, а каким-либо иным образом. Тем не менее, для того чтобы условие договора подряда о сроке выполнения работ было признано согласованным, достаточно определить срок их окончания.

На цену договора как существенного условия договора строительного подряда ссылаются множество авторов юридической литературы [16]. Данный подход основывается из определения договора строительного подряда (740 ГК РФ), определением стоимости работ составлением сметы (743 ГК РФ) и, наконец, экономической важностью цены на «мировом рынке» [17]. Полагаю, что следует не согласиться с изложенным мнением. Цена не может являться существенным условием, поскольку из п. 1 ст. 709 ГК РФ следует, что она может быть определена на основании п. 3 ст. 424 ГК РФ.

Таким образом, из самой нормы закона следует, что только условия о предмете договора строительного подряда и о сроке выполнения работ являются существенными [18], из чего можно не согласиться с противоположными мнениями, согласно которым несогласование цены ведет к незаключённости (к примеру, решение, где ВАС РФ пришел к соответствующему выводу) [19].

Следующая выделяемая проблема состоит в согласовании дополнительных работ. Как было уже оговорено выше из п. 1 ст. 743 ГК РФ содержание работ определяется в советующей документации, однако предусмотреть все виды работ и, соответственно, учесть их стоимость не представляется всегда возможным на практике.

В юридической литературе определение понятию «дополнительные работы» сформулировано следующим образом: это работы, которые выявляются в процессе деятельности и не учтенные в технической документации, а именно «сверхсметными работами [20]».

В правоприменительной практике можно выделить два различных подхода, значительно влияющих на понимание сущности таких работ. Первая позиция звучит так: спорные работы, где часть из них направлена на устранение ранее допущенных в работах недостатков, приравниваются к понятию дополнительных работ [21], что лишает подрядчика права требовать их оплаты. Хотя, в то же время, существует совершенно противоположное мнение: «спорные работы не могут быть признаны дополнительными, так как они предусмотрены договором [22]», од-

нако подрядчик вправе потребовать их оплаты. Отсюда принципиально важным для сторон становится определение юридической природы «сверхсметных» работ.

В свою очередь из ст. 743 ГК РФ следует, что в случае обнаружения в ходе строительства не учтенные в технической документации работы, порождают у подрядчика обязанность уведомить заказчика о необходимости проведения дополнительных работ, которые в свою очередь повлекут увеличение сметной стоимости строительства.

Если несмотря на данное обстоятельство в случае, если должное согласие заказчика не было получено, тогда, сторона, не исполнившая обязанность, лишается право требовать оплаты проведенных дополнительно работ и возмещения убытков, так как такие работы не были согласованы. Президиум ВАС РФ также указал на то, что впоследствии подписание заказчиком или его представителем акта приемки работ не дает право подрядчику, нарушившего свою обязанность требовать оплаты работ, поскольку этот акт подтверждает лишь факт выполнения подрядчиком работ, а не согласие заказчика на оплату дополнительных работ [23].

Однако, исходя из судебных решений по аналогичному вопросу подрядчик все же вправе получить оплату за выполнение дополнительных работ, выполненных без согласия заказчика по правилам о неосновательном обогащении или по правилам о взыскании договорной за должности за выполненные работы (исходя из правовой позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации [24], изложенной в постановлении от 20.09.2011 N1302/11). Суды придерживаются данного разъяснения, например, в Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа указано, что заказчик, подписав акты, принял фактически выполненную работ, не указав каких-либо замечаний, связи с чем суд сделал вывод о том, что между сторонами возникли подрядные отношения (глава 37 ГК РФ). По причине неоплаты заказчиком согласованных работ (по виду, объему, стоимости) арбитражный суд с признал подлежащим взысканию с ответчика неосновательное обогащение [25].

Таким образом, мы видим, что позиции практики является взаимодополняющими и не исключают друг друга. После их рассмотрения, целесообразно рассмотреть проблемные аспекты актов приемки работ по строительству, поскольку вышеназванные проблемы, взаимосвязаны с принятием и подписанием данных документов, и на практике поднимается множество вопросов, на которые нельзя дать однозначный ответ, опираясь только на нормы, предусмотренные ст. 753 ГК РФ.

Согласно позиции, изложенной в Постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 16.02.2016 «акт о приемке выполненных работ сделкой не является [26]». Такой вывод основан на п. 14 уже указанного Информационного Письма ВАС РФ [15].

В статье п. 4 ст. 753 ГК РФ сказано о возможности признания судом акта «недействительным». Данная формулировка приводит к определенной ассоциации с правовым

институтом сделок, что в толковании суда не является корректным.

Главная аргументация этой позиции может быть изложена в следующем. Акт о приемке выполненных работ не является сделкой, потому что это документ, который оформляют после завершения работ, чтобы зафиксировать их объем и качество. Он не участвует в процессе заключения договора между сторонами и не создает взаимных прав и обязанностей.

Такой подход имеет несомненно ряд преимуществ, поскольку разрешает конфликтный вопрос в рамках одного судебного разбирательства, что ведет к наиболее быстрому и эффективному судебному производству. В то время как удовлетворение самостоятельного иска о признании акта недействительным стороны повторно принуждены к принятию работ, что не дает гарантий повторения аналогичной ситуации, а также ведет к дополнительным расходам.

Несмотря на это, существует и противоположная позиция решения аналогичного спора, которая сводится к тому предположению, что акт приемки работ по юридической природе представляет собой сделку.

Итак, по мнению, представленного Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 23.03.2018 N Ф06-30477/2018 по делу о расторжении государственного контракта и взыскании убытков в размере стоимости выполненных работ: «акт, подписанный одной стороной, порождает правовые последствия, свойственные акту, подписанному обеими сторонами. Однако такой акт представляет собой оспоримую сделку, которая может быть признана судом недействительной» [27]. Схожий подход был представлен в ином решении Арбитражного суда Поволжского округа [28] от 26.05.2017 N Ф06-20272/2017.

Из чего следует заключить, что практика имеет два различных подхода, где акт приемки не содержит в себе волеизъявление на изменение условий договора, и, напротив, выражает волеизъявление, что позволяет его рассматривать в качестве односторонней или двусторонней сделки.

Из положения п. 4 ст. 753 ГК РФ акт может быть подписан одной стороной, а именно, подрядчиком. В таком условии сдача работ по одностороннему акту будет считаться произведенной надлежащим образом, соответственно, требование об оплате выполненных работ также является обоснованным. Бремя доказывания обратного возлагается на заказчика, так как мотивы отказа от подписания акта должны быть признаны судом обоснованными, что и должен доказать заказчик при предъявлении самостоятельного иска, либо возражением против соответствующих требований.

Иными словами, немотивированный отказ от исполнения заказчиком обязанности по оплате работ является неправомерным, факт обоснованности такого отказа должен быть доказан [15].

Как мы видим подписание акта приемки влечет наступление немаловажных для сторон договора строительного подряда юридических последствий.

Литература:

1. «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года»// [сайт]. URL: <https://www.economy.gov.ru>
2. Махова О.Е. Договор строительного подряда как институт гражданского права: автореф. дис. кандл. юрид. наук. М., 2008. — 26с.
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) // «Российская газета», N238–239, 08.12.1994.
4. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N190-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // «Российская газета», N290, 30.12.2004.
5. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N136-ФЗ (ред. от 30.12.2021)// «Собрание законодательства РФ», 29.10.2001, N44, ст. 4147.
6. Федеральный закон от 17.11.1995 N169-ФЗ(ред. от 19.07.2011)«Об архитектурной деятельности в Российской Федерации»// «Российская газета», N231, 29.11.1995.
7. Брагинский М. И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Изд. 4-е стереотип. М.: Статут, 2011. — 1055 с.
8. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. — 2-е изд., перераб. и доп.— М.: Статут, 2017. 543 — с.
9. Гуменюк, Е.В. Договор строительного подряда.— Хабаровск.: Изд-во ДВГУПС, 2012.— 120 с.
10. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 N51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» (п. 5)// «Хозяйство и право», N5, 2000.
11. Постановление ФАС Поволжского округа от 01.03.2010 г. по делу № А12–16704/2009, а также Определение ВАС РФ от 19.03.2010 г. № ВАС-3030/10 по делу № А71–6492/2009.
12. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 22.03.2007 г. № А19–16762/06–26-Ф02–1306/07 по делу № А19–16762/06–26;
13. Постановление ФАС Поволжского округа от 18.10.2007 года по делу № А12–1578/07.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 N54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (п. 23)// «Российская газета», N275, 05.12.2016.
15. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 N51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» // «Вестник ВАС РФ», N3, 2000.
16. Договор строительного подряда (вопросы теории и практики)/О. Г. Сторокова.— Саратов: «ИП Коваль Ю. В.», 2015. С. 31.
17. Баттахов П. П. Строительный подряд в России // Вестник СВФУ. 2008. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stroitelnyy-podryad-v-rossii> (дата обращения: 05.02.2022).
18. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.08.2018 N Ф06–36132/2018 по делу N А06–5122/2017; Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10 мая 2006 г. N А43–38889/2004–5–6.
19. Определение ВАС РФ от 25.06.2010 N ВАС-7628/10 по делу N А76–24607/2008–10–616/92
20. Маметов Р. Дополнительные работы в строительстве // Юридическая газета. — 2011. — № 9.
21. Определение Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 20.12.2010 № ВАС-16538/10 по делу № А28–17422/2009–561/25.
22. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 10.04.2007 N Ф08–1360/2007 по делу N А53–2284/2006–15.
23. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 N51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» (п. 10)// «Хозяйство и право», N5, 2000.
24. Постановление Президиума ВАС РФ от 20.09.2011 N1302/11 по делу N А40–34287/10–63–289//«Вестник ВАС РФ», 2011, N12.
25. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20.04.2017 N Ф02–1249/17 по делу N А19–1837/2016.
26. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16.02.2016 N Ф10–5154/2015 по делу N А09–7319/2014.
27. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.03.2018 N Ф06–30477/2018 по делу N А57–14501/2016.
28. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26.05.2017 N Ф06–20272/2017 по делу N А55–5193/2015.

Проблемы правовой природы и правоприменения штрафной неустойки

Скрябина Вера Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Фольгерова Юлия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье исследуется правовая природа штрафной неустойки, ее развитие в отечественном законодательстве, а также проблемы, обозначенные в научной доктрине. Анализируются точки зрения ученых на указанные проблемы и современное законодательство, предусматривающее данный вид неустойки при разрешении конфликтов сторон в договорной практике. Делается вывод о нецелесообразности исключения штрафной неустойки из системы российского законодательства.

Ключевые слова: неустойка, штрафная неустойка, законная неустойка, убытки, восстановление нарушенных прав.

Участники гражданских правоотношений часто сталкиваются с недобросовестностью контрагента либо низким уровнем его профессионализма, что неизбежно ведет к нарушению обязательств по договору, ненадлежащему исполнению (или неисполнению) обязательств. Российским гражданским законодательством предусмотрен ряд институтов, способствующих предотвращению нарушения обязательств и уменьшению возникших в результате этого негативных последствий, а также обеспечивающих восстановление нарушенных прав сторон. Одним из таких гражданско-правовых институтов является неустойка.

В зависимости от соотношения с убытками в научной литературе выделяют зачетную, альтернативную, исключительную и штрафную неустойки. Последний из перечисленных видов является не самым распространенным, но достаточно часто встречающимся на практике.

Штрафная неустойка известна отечественному законодательству еще с XIX века. В 1832 году вышел «Свод законов Российской империи», где в ст. 1585 закреплялся кумулятивный (совокупный) характер неустойки, который предполагал отсутствие влияния уплаты неустойки на исполнение основного обязательства и подразумевал право потерпевшей стороны требовать убытки в полном объеме. То есть кумулятивная неустойка выступала в качестве общего правила и обладала карательным характером по отношению к должнику. Презумпция такой неустойки существовала на протяжении XIX века и в первые два десятилетия XX века, однако уже во второй половине XIX столетия в научной среде появилось мнение, что ее правила нелогичны и требуют пересмотра. Такой точки зрения придерживался, в частности, М. Я. Пергамент [1, с. 226–251]. Позже, с появлением ГК РСФСР 1922 года, при соотношении убытков и неустойки в качестве основного правила установилась альтернативная («оценочная») неустойка, в соответствии с которой кредитор мог на свое усмотрение выбрать либо возмещение убытков, либо уплату неустойки [2].

В современном отечественном законодательстве установлена презумпция зачетной неустойки, однако законом или договором может быть предусмотрена штрафная неустойка, которая, согласно п. 1 ст. 394 ГК РФ, предполагает взыскание убытков в полной сумме сверх не-

устойки [3]. Считается, что такая конструкция, выступая своеобразным дисциплинирующим инструментом, помогает снизить риск неисполнения обязательства. Важно помнить, что если в договоре не содержится положение о взыскании убытков сверх неустойки или оно может быть неоднозначно истолковано, то суд квалифицирует такую неустойку как зачетную. Также примечательно, что в соответствии с Постановлением Верховного Суда Российской Федерации помимо денежной суммы может быть взыскано иное имущество, определенное родовыми признаками [4].

В качестве примера законной штрафной неустойки мы можем указать п. 2 ст. 13 Закона о защите прав потребителей: «убытки, причиненные потребителю, подлежат возмещению в полной сумме сверх неустойки (пени), установленной законом или договором» [5]; или же абз. 3 ст. 622 ГК РФ: «В случае, когда за несвоевременный возврат арендованного имущества договором предусмотрена неустойка, убытки могут быть взысканы в полной сумме сверх неустойки, если иное не предусмотрено договором» [6]. К законной штрафной неустойке помимо прочего можно отнести астрент (судебную неустойку), выплачиваемый должником в случае неисполнения обязательства, установленного решением суда. Стоит отметить, что в большинстве случаев штрафная неустойка взыскивается за нарушения транспортных обязательств, например, непредъявление для перевозки груза, отказ от пользования транспортным средством, задержка (простой) средств перевозки, неправильное указание данных в транспортной накладной и пр. [7]. Законодательство также предполагает штрафы за нарушение обязательств по договору долевого строительства: «В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по договору сторона, не исполнившая своих обязательств или ненадлежаще исполнившая свои обязательства, обязана уплатить другой стороне предусмотренные настоящим Федеральным законом и указанным договором неустойки (штрафы, пени) и возместить в полном объеме причиненные убытки сверх неустойки» [8].

Если мы обратимся к вопросу о природе законной штрафной неустойки, то отметим, что она обладает чертами не только частноправового, но и публично-право-

вого характера. Среди них можно выделить наличие государственного принуждения, установленный законом размер неустойки, юридическое неравенство сторон, первичность превентивной и карательной функций по отношению к компенсационной (сначала выплачивается неустойка, затем убытки).

В научной литературе на протяжении длительного времени является актуальным следующий вопрос: штрафная неустойка носит в большей степени компенсационный или штрафной характер? Учитывая то, что ответственность в гражданском праве носит компенсационный характер, штрафная неустойка является исключением из общего правила, так как, взыскивая ее, кредитор получит больше, чем фактически потерял.

Из этого следует другая научно-практическая проблема, касающаяся дополнительной ответственности для должника и возможности обогащения потерпевшей стороны. По своему смыслу полученная кредитором сумма в результате взыскания штрафной неустойки не считается неосновательным обогащением кредитора, так как предусмотрена законом или договором. Однако в научной литературе высказываются критические суждения о том, что при получении компенсации в виде взыскания убытков должник несет двойную ответственность, а кредитор получает денежный доход в виде штрафа, несмотря на то что он может быть уменьшен по инициативе суда. Такого мнения придерживается, в частности, И. Ю. Софонов [9, с. 62]. Данную точку зрения поддерживает и В. А. Хохлов, считая, что взыскание штрафа является неосновательным обогащением истца и должно применяться только в исключительных случаях [10, с. 42–43].

В. К. Райхер расценивал подобную оценку будущих убытков как фикцию. Если предположить, что стороны на момент нарушения договора не смогут определить размер убытков и обосновать его, то в момент заключения договора они однозначно не смогут это сделать. Следовательно, неустойка выступает в качестве штрафного инструмента [11, с. 74].

О. С. Ерахтина предлагает признать штрафную неустойку зачетной, так как при ее взыскании должно восстанавливаться имущественное положение потерпевшего, а сумма не может превышать размер убытков [12, с. 67]. В качестве примера, по образцу которого следует провести такую реформу, она приводит ст. 120 Устава железнодорожного транспорта РФ: в результате повреждения перевозчиком вагонов, контейнеров или их узлов и деталей, принадлежащих грузоотправителям, грузополучателям, физическим или юридическим лицам, либо их арендаторам, грузополучатель или грузоотправитель имеет право потребовать взыскания штрафа и возмещения убытков. Для этого он должен направить претензию, к которой прилагается акт общей формы, документы, подтверждающие факт и размер повреждения, и расчет убытков в части, не покрытой штрафом [13].

По мнению Р. С. Зардова, штрафная законная неустойка должна быть полностью исключена из россий-

ского законодательства, так как она не отвечает потребностям современного гражданского оборота, а значит, неэффективна. Данную проблему он рассматривает на примере Закона о защите прав потребителей. Известно, что установление сверхкомпенсации предполагается за нарушения, которые представляют общественную опасность. Следовательно, возникает вопрос: если в соответствии с п. 5 ст. 28 Закона о защите прав потребителей в случае нарушения установленных сроков выполнения работы исполнитель уплачивает потребителю неустойку за каждый день просрочки, то насколько правильно устанавливать штрафной характер неустойки, если для общестности нарушение должника не несет какой-либо опасности? Р. С. Зардов не поддерживает точку зрения, в соответствии с которой штрафная неустойка предоставляет дополнительные права и гарантии потребителям. Однако он считает целесообразным введение частных штрафов за действия продавца, в результате которых он недобросовестно извлекает выгоду. Говоря о проблеме взыскания штрафной неустойки в целом, ученый предлагает устанавливать такой вид в качестве исключительной меры ответственности за правонарушения небольшой тяжести — это снизит нагрузку на государственные органы, а сама штрафная неустойка будет оправдана опасностью правонарушения для общества [14, с. 93–94].

На протяжении длительного времени в практической деятельности одним из спорных является вопрос о возможности одновременного взыскания неустойки и процентов за неисполнение денежного обязательства по ст. 395 ГК РФ. Ответом на данный вопрос могут служить положения абз. 3 ст. 34 Постановления Пленума ВС РФ № 17 от 28.06.2012, «неустойка за одно и то же нарушение денежного обязательства может быть взыскана одновременно с процентами, предусмотренными ст. 395 ГК РФ, только в том случае, если неустойка носит штрафной характер и подлежит взысканию помимо убытков, понесенных при неисполнении денежного обязательства» [15]. Данные положения подтверждаются также Постановлением Президиума ВАС РФ № 2299/97 от 21.07.1998: «Из смысла главы 25 Гражданского кодекса Российской Федерации одновременное применение двух мер ответственности за одно и то же правонарушение допускается только в том случае, когда законом или договором установлена штрафная неустойка» [16].

Стоит уточнить, что в случае использования таких понятий, как «штраф» и «штрафные санкции» в договоре не закрепляются условия штрафной неустойки, что отражено в Постановлении Президиума ВАС РФ от 28 апреля 1998 г. № 2784/97 [17]. Данным нормативно-правовым актом устанавливается, что если в договоре за просрочку платежа предполагаются штрафные санкции в форме пени, то это не равнозначно штрафному характеру неустойки и не свидетельствует о возможности ее применения одновременно с процентами по ст. 395 ГК РФ. При рассмотрении дела суд в каждом конкретном случае должен выяснить, действительно ли неустойка носит штрафной характер.

О необходимости максимально точной формулировки условий договора относительно штрафной неустойки писал А. Г. Карапетов, так как неточности впоследствии могут вызывать вопросы и усложнять разрешение конфликта между сторонами. Как отмечал правовед, недостаточно указать в договоре, что за определенное правонарушение должна взыскиваться штрафная неустойка, так как термин «штраф» часто используют в качестве синонима неустойки, а в ст. 330 ГК РФ он указан как один из ее видов. Соответственно, чтобы смысл формулировки условия и его правовых последствий не вызывал сложностей и разночтений в его понимании, сторонам в договоре нужно четко выражать свое волеизъявление. А. Г. Карапетов предлагает называть неустойку, предполагающую помимо ее взыскания также взыскание убытков в полной сумме, кумулятивной неустойкой [18, с. 228].

Таким образом, взыскание штрафной неустойки законно обосновано, так как предусмотрено ст. 394 ГК РФ, однако в ее применении мы можем усмотреть нарушение принципа о недопущении обогащения потерпевшей стороны в гражданско-правовых отношениях. В качестве

превентивной меры такая неустойка, безусловно, целесообразна, но после наступления факта нарушения при ее взыскании кредитор не только восстанавливает свое финансовое или имущественное положение, но и получает предоставление, превышающее его убытки.

Несмотря на определенные недостатки штрафной неустойки, нужно помнить о том, что ее обеспечительная функция играет очень важную роль при заключении соглашений. Именно поэтому нельзя утверждать, что ее исключение из закона приведет к положительным результатам. К тому же в соответствии со ст. 333 ГК РФ неустойка, явно несоразмерная нарушениям обязательства, может быть уменьшена в судебном порядке по заявлению должника. Однако мы согласимся с мнением А. Г. Карапетова о необходимости переименования штрафной неустойки в кумулятивную в целях избежания смешения понятий «штрафная неустойка» и «штраф». Но даже подобная реформа не отменит того, что следует максимально точно формулировать условия договора во избежание сложностей при разрешении конфликта сторон.

Литература:

1. Пергамент М. Я. Договорная неустойка и интерес в римском и современном гражданском праве [Текст].— Одесса, 1899.— 327 с.
2. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года от 11.11.1922 [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/. — Ст. 141.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) [Электронный ресурс] — Режим доступа: [Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»]. — Ст. 394.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [Электронный ресурс] — Режим доступа: [Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»].
5. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 04.08.2023) [Электронный ресурс] — Режим доступа: [Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»]. — Ст. 13.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) [Электронный ресурс] — Режим доступа: [Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»]. — Ст. 622.
7. Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» [Электронный ресурс] — Режим доступа: [Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»]. — Ст. 35.
8. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] — Режим доступа: [Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»]. — Ст. 10.
9. Софонов И. Ю. Снижение неустойки судом: способы противодействия судебскому усмотрению [Электронный ресурс] // Право и экономика. — 2014. — № 12 (322). — С. 59–66.
10. Хохлов В. А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву [Текст]. — Тольятти, 1997. — 318 с.
11. Райхер В. К. Штрафные санкции в борьбе за договорную дисциплину // Сов. гос-во и право [Текст]. — 1955. — № 5.
12. Ерахтина О. С. Основные проблемы правового регулирования института неустойки // Законы России: опыт, анализ, практика [Текст]. — № 8. — М., 2011. — С. 65–72.
13. Федеральный закон «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» от 10.01.2003 № 18-ФЗ [Электронный ресурс] — Режим доступа: [Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»]. — Ст. 120.
14. Зардов Р. С. Законная неустойка: теоретические и практические аспекты: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: специальность 12.00.03 / Зардов Руслан Сайдалиевич [Текст]. — Хабаровск, 2018. — 245 с.

15. Постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [Электронный ресурс] — Режим доступа: [Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»].
16. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.07.1998 № 2299/97 [Электронный ресурс] — Режим доступа: [Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»].
17. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.04.1998 г. № 2784/97 [Электронный ресурс] — Режим доступа: [Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»].
18. Карапетов А. Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве [Текст]. — М., 2005. — 286 с.

Зарождение института участия общественности в уголовном судопроизводстве зарубежных стран

Соколова Дарья Александровна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье исследуются вопросы исторического возникновения и развития такого важного на данный момент института, как институт участия общественности в уголовном судопроизводстве. Сравнение изначальных форм такого участия с более современными, которые приобретали свои особенности в зависимости от потребностей того или иного общества в зарубежных странах.

Ключевые слова: институт участия общественности, уголовное судопроизводство, суд присяжных.

Корни участия представителей населения можно проследить еще со времен античности, когда в Римском государстве существовали комиции, которые имели широкий охват в разрешении судебных споров; так центуриатные комиции могли рассматривать дела о государственной измене, при которых участвовали разные классы, подразделявшиеся на центурии.

В Афинском же государстве в VI веке до н.э. был учрежден суд присяжных — Гелиэя, в состав которой избирались граждане всех разрядов. Участие различных слоев населения в осуществлении правосудия, повышало авторитет и уровень доверия со стороны народа по отношению к представителям власти, так как граждане не только выполняли судебные функции, но и осуществляли надзор и определенный контроль за деятельностью должностных лиц [1].

Присяжные суды же в их достаточно приближенном к классическому виду появились в Англии в XII веке, в период правления короля Генриха II, которым были введены разъездные суды — суды ассизов, а в Кларендонской ассизе, принятой в 1166 году, устанавливались нормы об «обвинительных присяжных». «Таковыми признавались двенадцать свободных мужчин, которые первоначально приводились к присяге, после чего излагали суду все известное им как о деянии, так и обвиняемом в его совершении лице [2]». При этом присяжные должны были сами собирать доказательства, необходимые для разбирательства. Изначально таким судом «обвинительных присяжных» рассматривались в основном гражданские дела, но с принятием Хартии Вольностей в 1215 году судом присяжных стали рассматриваться и уголовные дела, в рамках разрешения которых

были расширены полномочия присяжных — теперь именно им предназначалось решать главный вопрос в рамках уголовного судопроизводства — о виновности лица.

С XV же века в английском суде присяжных действовали два вида коллегий: «малое жюри» и «большое жюри». «Большое жюри» должно было решать вопрос о предании подозреваемых суду, фактически оно определяло следует ли возбуждать уголовное дело, а вот «малое жюри» должно было действовать независимо от королевских судей и самостоятельно выносить вердикт, «однако в действительности на присяжных оказывалось давление со стороны судей и, кроме того, существовала практика применения к присяжным различного рода наказаний за вынесение «неудобного» вердикта».

В США институт присяжных был «привезен» английскими колонистами. В 1789 году в принятой Конституции США было законодательно закреплено право подсудимого на «скорый и публичный суд беспристрастных присяжных того штата или округа, где было совершено преступление» [3]. Говоря о связи английского и американского института присяжных, можно выявить рецепцию со стороны последних, однако полного заимствования всех положений о данном институте не произошло, и в американской юстиции суд присяжных не только приобрел гораздо более существенное значение, но и вследствие этого стал более распространенным судебным составом (так как, согласно решению Верховного Суда США от 1968 года, обвиняемому гарантируется право рассмотрения его дела судом присяжных, если ему грозит наказание в виде лишения свободы на срок более шести месяцев).

Во Франции, правовая система, как и другие сферы, претерпела наиболее существенные изменения именно в конце XVIII века, в период Великой Революции. Именно вскоре после указанных событий Наполеон Бонапарт ввел институт суда присяжных, который назывался иначе — «континентальным», так как он и имел отличия от английской или классической модели суда присяжных. Данный судебный институт во Франции не возник из неоткуда, он «пришел на смену инквизиционному судопроизводству, которое осуществлялось по правилам Уголовного ордонакса 1670 года. Для данного процесса была характерна формальная теория доказательств, пришедшая, в свою очередь, на смену ордалиям, соприсяжничеству, судебному поединку и божьему суду» [4]. В период 1789–1808 гг. был введен суд присяжных, который функционировал исключительно в уголовном судопроизводстве, в это же время был принят Декрет о предварительной форме уголовного процесса, отменивший пытки.

В Конституции, принятой в 1791 году, суду присяжных была посвящена ст. 9 главы 5: «В области уголовных дел всякий гражданин может быть судим только по обвинению, вынесенному присяжными или декретированному Законодательным корпусом, в случаях, когда ему принадлежит право преследования. После предания суду факт будет признан и объявлен присяжными. Обвиняемый будет иметь возможность отвести до 20 присяжных безмотивно. Присяжные, которые объявят факт, не смогут быть

в числе, меньшем 12. Применение закона будет выполнено судьями. Следствие будет публичным, и не смогут отказать обвиняемому в помощи защитника. Всякий человек, оправданный законным составом присяжных, не сможет больше быть задержанным или обвиненным по тем же фактам» [4].

При слушании дела главными вопросами, на которые присяжные должны были дать ответ, устанавливались следующие:

- 1) Имело ли место данное преступление?
- 2) Причастен ли обвиняемый к совершению данного преступления?
- 3) Совершил ли он его намеренно?
- 4) Есть ли обстоятельства, смягчающие наказание или вовсе освобождающие от него подсудимого?

По своей сути данные вопросы, задаваемые присяжным, с течением времени не изменились.

Так, мы можем увидеть достаточно долгий путь развития такого института народного присутствия, как суд присяжных, который с каждой эпохой трансформируется в соответствии с потребностями общества и его меняющемся представлении о должном соотношении прав и обязанностей его членов, о справедливости судебной и государственной системы в целом. К началу Нового времени уже формируется принцип независимости присяжных заседателей, на которых теперь не могло быть оказано того давления со стороны государственных органов, что оказывалось ранее.

Литература:

1. История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов: В 2 ч. Ч. 1 / О. А. Жидкова, Н. А. Крашениникова. — 2-е изд., М.: Норма, 2004. — с. 140–152.
2. Юношев с. В., Жирова М. Ю., Мычак Т. В. Становление суда присяжных в английской правовой системе // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2019. № 4 (39)
3. Валова Е. В. Суд присяжных в американской системе правосудия // Успехи в химии и химической технологии — 2014. № 7
4. Михайлов П. Л. / Суд присяжных во Франции. М., 2004 г.
5. Конституция Франции [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1791.htm>

Предмет и содержание коллективных трудовых споров

Соколова Дарья Александровна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье исследуются предмет и содержание коллективных трудовых споров, которые возникают между работниками и работодателями, а также отграничение их от индивидуальных трудовых споров. Помимо этого, рассмотрены составляющие предмета коллективных трудовых споров.

Ключевые слова: коллективные трудовые споры, предмет, содержание, составляющие предмета коллективных трудовых споров.

Коллективные трудовые споры возникают между работниками и работодателями, однако только лишь коллективного характера недовольства работников дей-

ствиями работодателя недостаточно, а чтобы точно определить спор в качестве коллективного трудового спора необходимо учитывать, что является предметом этого

спора. «Сами разногласия по установлению или выполнению коллективных договоров, соглашений о социально-трудовых отношениях — еще не трудовой спор, поскольку эти разногласия могут быть урегулированы самими спорящими сторонами, и тогда трудового спора не возникнет, а вот неурегулированные самими сторонами разногласия уже представляют коллективный трудовой спор работников с работодателем, разрешаемый примирительной процедурой [1]».

По смыслу понятия коллективных трудовых споров, данного в Трудовом кодексе РФ в статье 398, можно сделать вывод о том, что предметом коллективных трудовых споров «могут быть три вида требований: по поводу установления или изменения условий труда; о заключении, изменении и выполнении коллективного договора, соглашения (ст. 40 ТК РФ); об отказе работодателя учесть мнение выборного представительного органа работников при принятии локальных нормативных актов (ст. ст. 8, 372 ТК РФ) [2]».

Первый аспект, выделяемый в предмете коллективных трудовых споров, представляет собой условия труда, устанавливаемые для работников организации, при этом необходимо учитывать, что предметом коллективного трудового спора могут быть лишь те условия труда, которые определены работодателем, а не те, что установлены законодательно [3].

В трудовом законодательстве есть несколько трактовок условий труда. Первая содержится в статье 209 Трудового кодекса РФ, которая определяет, что «условия труда — совокупность факторов производственной среды и трудового процесса, оказывающих влияние на работоспособность и здоровье работника», таким образом выделяя две составляющих условия труда, представляющие собой условия безопасности труда работника, которые должны быть обеспечены работодателем в соответствии с государственными нормативными требованиями охраны труда (согласно статье 22 ТК РФ).

Следующую трактовку можно увидеть в статье 74 Трудового кодекса РФ, в которой помимо технологических упоминаются еще и организационные условия труда, к составляющим которых могут быть отнесены: «1) изменения в структуре управления организации; 2) внедрение форм организации труда (бригадные, арендные, подрядные и др.); 3) изменение режимов труда и отдыха; 4) введение, замена и пересмотр норм труда; 5) изменения в организационной структуре предприятия с перераспределением нагрузки на подразделения или на конкретные должности и как следствие изменение систем оплаты труда [4]».

В статье 57 Трудового кодекса РФ содержатся обязательные условия трудового договора, представляющие собой условия найма, многие из которых должны указываться и в коллективном трудовом договоре (ст. 41

ТК РФ) только относительно всех работников (условия оплаты труда (формы, системы и размеры), рабочее время и время отдыха, выплата пособий и компенсаций и т.д.), закрепление и изменение этих условий в коллективном трудовом договоре как раз и является одной из составляющих предмета коллективного трудового спора.

Следующей составляющей предмета коллективных трудовых споров является заключение, изменение и выполнение коллективного договора. Согласно статье 40 ТК РФ: «Коллективный трудовой договор — правовой акт, регулирующий социально-трудовые отношения в организации или у индивидуального предпринимателя и заключаемый работниками и работодателем в лице их представителей».

Выполнение коллективного договора становится предметом коллективного трудового спора, когда работодатель не выполнил свои обязательства, указанные в коллективном трудовом договоре, нарушил положения об условиях труда работников, содержащихся в договоре.

Последней составляющей предмета коллективных трудовых споров является отказ работодателя учесть мнение выборного представительного органа работников при принятии актов, содержащих нормы трудового права. Такие споры включены в предмет коллективных трудовых споров в связи со статьей 372 Трудового кодекса РФ, в которой устанавливается порядок учета мнения выборного профсоюзного органа при принятии работодателем локальных нормативных актов.

Проанализировав все аспекты предмета коллективного трудового договора, стоит отметить точку зрения о включении в данное понятие еще и так называемых «споров о праве [5]», что действительно могло бы расширить возможности работников по защите своих коллективных прав, а не действовать только в рамках индивидуальных трудовых споров даже при множественности нарушений со стороны работодателя в отношении большей части коллектива. При учете данного аспекта в определении понятия коллективных трудовых споров они бы включали в себя еще и неурегулированные разногласия по применению трудового законодательства.

Юридическим содержанием правоотношения по разрешению коллективных трудовых споров, как и любого правоотношения, являются взаимные права и обязанности субъектов, в нашем случае это работодатели и работники, а также их представители.

Таким образом, при определении сущности коллективных трудовых споров стоит также отграничивать их от «коллективной защиты индивидуальных трудовых прав работников [6]». Судебная практика исходит из того, что споры в связи с невыплатой или задержкой выплаты заработной платы, иных выплат, непредоставлением отпусков не относятся к коллективным трудовым спорам.

Литература:

1. Трудовое право России: учеб. пособие / сост.: Гусов К. Н., В. Н. Толкунова. Москва, 2004. С. 436
2. Трудовое право России: учеб. пособие / сост.: Колобова С. В., Сергеев Ю. С. Москва, 2018. С. 182

3. Решение Верховного Суда Удмуртской Республики от 10 апреля 2013 г. по делу N3–22/2013 // Гарант: информ.-правовое обеспечение. М., 2014. (дата обращения: 10.04.22)
4. Сабитов А. А. Виды условий труда в трудовом законодательстве Российской Федерации // Юридические науки. 2011. № 3. С. 360
5. Павловская О. Ю. Коллективные трудовые споры в современной России: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. / О. Ю. Павловская. Москва, 2009. С. 9.
6. Федин В. В. Трудовые споры: теория и практика: учебно-практическое пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2015 г. 527 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 26 (525) / 2024

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 10.07.2024. Дата выхода в свет: 17.07.2024.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.